

**ЛАРИСА
БАБИЕНКО**

**ЗАГАДКА НА СЕМИ БАОБАБАХ
ИЛИ
УРАВНЕНИЕ ШРЕДИНГЕРА**

Как-то Хади сказал знакомой девушке:

— Я приехал из страны, где два Нила сливаются в один и где дети играют ананасами в футбол.

— В футбол? — изумилась Анна, которая пробовала ананас раз в жизни, и он оказался ей сказочно вкусным. — Вот это жизнь! Где же такая страна?

— В песках Африки, южнее Египта. Место, где я родился, называется «Деревня у воды», значит на берегу Нила. А ты?

— Я?... — Анна какое-то время подбирала слова, чтобы романтичнее рассказать о своей родине. — Понимаешь, мама во время войны оказалась в Узбекистане, в итоге я родилась... под гранатовым деревом!

Конечно, девушка умолчала, что родилась в обычном роддоме, в далеком и еще незнакомом для ее матери городе. Из родильного дома ее мама со свертком на руках вначале несколько дней спала под вагоном, но через неделю в военкомате дали-таки жилье — комнату восемь квадратных метров, которую пришлось делить еще с одной беженкой. Когда же кончилась война и многие эвакуированные вернулись в родные места, мать Анны получила большую и светлую комнату, под окнами которой в память о переезде и был посажен гранатовый куст с такими чудными алыми кистями по весне, что век бы не забыть это одно из лучших творений природы.

— Конечно, я в детстве, когда читали сказку про доктора Айболита и реку Лимпопо, то мечтала попасть в Африку и сорвать банан прямо с ветки, — рассказывала Анна своему спутнику и добавила игриво: — впрочем, я туда еще попаду, и в голубом платье непременно прогуляюсь вдоль Голубого Нила, а в белом — вдоль Белого Нила.

— Ну, — изумился Хади, — ты сможешь приехать в мою страну?

— Не только в твою страну. Я вообще...

Анна задрала голову, ткнула пальцем в дальний угол Вселенной и безапелляционно заявила: — Я буду вести первый репортаж на Марсе!

— Неужто?! — воскликнул он. — Ну и масштабы у тебя!

— Не у меня, — возразила девушка спокойно. — Это масштабы человечества. А моя страна от него не отстает. Даже впереди прогресса мчится.

К полудню мороз усиливался. Сюда, к глубокому оврагу над рекой, не доносился ни один звук с бегущей поверху дороги.

— Когда я впервые увидел снег, — рассказывал Хади, восхищенно поглядывая на деревья в серебристом инее и кусты, похожие под снегом на огромные белые розы, — то подумал, что с неба падает абрэ, мука, из которой моя мать делает напиток.

— Кто твоя мама? — поинтересовалась Анна.

— Крестьянка.

Оказывается, мать его владеет полем, на котором вместе с детьми выхаживает хлопок. Хади тоже в детстве собирал хлопок и помогал продавать его.

— Вечерами мама на молитвенном коврике, просит помощи у аллаха, чтобы перекупщики не обманули ее. В доме четверо детей.

— И помогает?

— Кто?

— Ну, к кому она обращается, стоя на коленях?.. — замялась Анна.

— По-разному. Иногда... мама очень плачет.

— Где твой отец? Почему он не продает хлопок? Сильного мужчину труднее обмануть.

Молодой человек замялся.

— Понимаешь, — смущенно объяснил он. — У нас в стране многоженство. У папы еще две жены. В общем, у меня еще много братьев и сестер.

— Бедная женщина твоя мама, каково ей пришлось!

Анна была в шоке и спросила с болью в голосе: — Как живет твоя мама, зная, что у мужа она не одна?

— Таковы обычаи.

Будущей журналистке тут же захотелось дать бой на страницах газеты подобным обычаям, чтобы навсегда вытряхнуть мужчин из этой подлой, но очень удобной для них ветхозаветности.

— На земле уже двадцатый век! — возмутилась она.

— В нашей стране это норма... Отец — юрист, нормально зарабатывает, немного своей первой жене помогает.

— Немного? Ему самому немного бы помогать с детьми на руках.

Хади тихо попросил:

— Не надо, это же мой отец...

— Тоже будешь многоженцем? — гневно спросила Анна и повернулась лицом к своему спутнику.

Вместо ответа парень рассмеялся, успокоил спутницу и объяснил:

— У нашего поколения это уже не принято. Мы — цивилизованные ребята. И по нынешней жизни, говорят мужчины, одну жену с детьми трудно содержать и кормить. Не переживай, у меня будет одна жена...

Хади не сводил взгляда с одиноких снежинок, медленно падающих на его темные и теплые ладони.

— Вчера мама прислала письмо, — сказал он и вытащил из кармана конверт. — Она спрашивает, правда ли, что в России люди с хвостами?

— Неужели так и написала? — рассмеялась Анна. — В вашей деревне еще такая дикость?

Подул ветер, ели трягнули снег на головы прогуливающейся вдоль реки пары.

— Конечно. Так и написала. Маме ведь никто не читал «Капитал», ей с детства читали только «Коран». Грамотности большой в нашей деревне еще нет. Но маму я свою очень люблю.

Засунув руки поглубже в карманы, студент с гордостью уже рассказывал о том, что его прапрадед был вождем племени, и когда к излучине Нила прибыл отряд англичан, в составе которого был юный и наглый капитан, вождь племени в ответ смело повел своих людей на захватчиков с тесаками и кольями в руках. Конечно, все они погибли. Англичане впервые опробовали на живущих в нубийских песках африканцах автоматы системы «Максим». Спустя много лет тот дерзкий капитан — Уинстон Черчилль — написал книгу под названием «Война на реке», в которой подробно рассказал о тех сражениях. Только забыл рассказать о том, как в те дни его соотечественники косили невинных людей тысячами.

Много древних цивилизаций сменили одна другую в Нубии, и уже первые найденные в ее песках останки свидетельствуют о какой-то борьбе. Пятьдесят восемь скелетов, покрытых тяжелым слоем песка и камней, найденные к северу от Вади-Хальфа, были с повреждениями на костях. Рядом — наконечники стрел. Немало нубийцев, соплеменников храброго вождя, людей в ослепительно белых просторных одеяниях, погибли и в те времена, когда вниз по Нилу уходил последний отряд англичан. Среди погибших опять было немало родственников Хади.

— Я же сам немного помню Вторую мировую войну.

— Каким образом? Вы были далеко от всех фронтов.

— Фашисты пришли и в Африку. Зачем им понадобился целый мир? Тогда от нашей долины на помощь египтянам в битве под Аль-Аламейн из нашей провинции послали... сто слонов.

— Что послали?.. — удивившись, спросила Анна.

— Да, да... — подтвердил Хади. — Я помню, как караван шел мимо нашей деревни. Глядя на погонщиков с автоматами в руках, мама моя горько плакала. Я впервые тогда услышал слово... война.

Вагончики метро над белой пропастью шустро бегали с одного берега на другой.

— Нелепо, правда? — понял мысли девушки Хади. — Бронетанковый корпус Роммеля и... сто слонов. Но что еще тогда могла дать моя Нубия? Мы же были колонией. Главное — в другом. Мой народ тоже был против той войны. Среди погонщиков слонов был и брат моей мамы. Он не вернулся домой — навсегда остался в Египте под чужим танком.

Насмешливая улыбка тут же сползла с лица Анны.

— Значит, и у вас почти все мужчины погибали в этих проклятых войнах? — задумчиво спросила она. — Мой отец, артиллерист, погиб на войне в те же годы. Он даже не узнал, что я родилась. Подорвался на mine.

Теперь Хади во всем был понятен Анне. Она словно наяву увидела, как от тяжеленного труда, будто стебелек под косой, падала вечерами его мать. Как она в редкие минуты отдыха радовалась лишь тому, что растут ее дети, наблюдала, как в сыне ее, самом младшем, копят энергию, мысли, мужская сила. Та сила, которая поможет потом вырваться ему с пятака земли, на котором — лишь жесткая подчиненность нужде, лютая зависимость от дождя, ветра, песка, то и дело норовящих схватить за вихор и лихо потрепать, что человеческий, что хлопковый росток.

— Ответь, — поинтересовалась Анна, — почему ты приехал в Россию?

— Не любил уроков истории в колледже.

— ?!!

— Да, так. Наш учитель истории говорил, что Англия сыграла решающую роль в победе над Гитлером. А я не люблю лжи и сказал ему, что не хочу быть чернокожим англичанином. Не хочу повторять за ним историческую неправду.

— Так и сказал?

— Конечно. Ты даже не представляешь, как мистер Джонс тогда кричал на меня. Он орал мне прямо в лицо, как рабу. Он кричал, что Россия — нищая, и никого не могла победить. Тогда я решил, что непременно сам узнаю, что такое Россия?

— И ты после этого прямо к нам через моря и долины? — опять начала подшучивать Анна.

— Немного не так. Мне повезло, — спокойно ответил Хади и пояснил, что к тому времени, когда он закончил колледж, Молодежная Лига компартии объявила в стране конкурс на поездку в Москву. Конечно, можно было найти ребят и в самой столице, более подготовленных, но десятки коммунистов с черной кожей, рискуя заболеть сонной болезнью, малярией, оспой, пробирались вдоль рек и озер, чтобы и в глухих деревенских местечках найти умных и толковых подростков.

— Тогда был огромный конкурс. Но голову, как видишь, мою заметили.

— Какой скромный, ну прямо... Ландау! — шутливо восхитилась Анна и спросила с лукавинкой в голосе:

— Выходит, верно пишут в книгах, что человек из твоей страны непременно строен, высок, горд и имеет собственное достоинство?

— Книжки тебе не все сообщили, — в тон ей ответил Хади, — они забыли рассказать, что наши дети возвращаются из школы на слонах.

Изумлению Анны не было предела.

— Неужто? Вот бы покататься на слоне!

— И ты этому поверила? — рассмеялся парень и не менее де-вушки изумился тому, что житель России может верить любой ерунде.

— Нас еще спрашивают на встречах, — добавил он, посмеиваясь, — растет ли в Нубии лук и водятся ли у нас обезьяны?

На другой тропке темнокожие девушки учились кататься на лыжах. Они падали, весело смеялись, кидались снежками.

— Ты тоже кое-что о моей Родине не знаешь... — заметила скромно Анна.

— Я уже здесь несколько лет, чего же все-таки не знаю?

— Видишь, ковыляют девчонки на лыжах? А ведь существуют лыжи не только для ног, но еще для локтей и коленей. Они нужны во время войны как дополнительный резерв для выживания.

— И впрямь не знаю! — согласился Хади, пригляделся к незадачливым лыжницам.

— Из моей страны девушки! — поздоровавшись с ними, сказал он и добавил: — в Медицинском учатся. Знаешь, каково досталось первой медсестре в нашей стране?

Мусульманские обычаи запрещают женщине касаться чужого мужчины, ее в таком случае считают уличной девкой. Сит Хаву родственники мужа выгнали на улицу с маленьким ребенком на руках. Ей в ту пору было... 14 лет.

Анна, конечно, поморщилась, произнесла сердито: — Ну и дикость!

— Да, — согласился он, — представляешь теперь, сколько сделала наша компартия, чтобы эти девушки спокойно учились в Москве и также спокойно работали потом дома.

В небе прямо над ними мелькнула звезда и погасла. Опять мелькнула и погасла.

— Гляди, спутник -100 летит! Когда я улетал из дома в Россию, запустили только первый.

— Знаешь, о чем мечтали люди, которые многое сделали для того, чтобы мы учились в Москве?

— О чем же?

— Они мечтали дождаться того дня, когда с земли Африки поднимется в небо первый межпланетный корабль!

— Ничего себе!

Молодые люди подошли к маленькой церквушке над рекой, необыкновенно украшавшую набережную своими веселыми куполами. В общезжитии студенты с гордостью рассказывали друг другу, что в ней венчался Кутузов.

— Не хватанули у вас там лишнего насчет такой мечты? Еще Советский Союз не отправил меня в Галактику, а ты мечтаешь о том, чтобы рядом со мной летел межпланетный корабль из Африки?

— Почему бы и нет? — вспыхнул Хади. — Да, — согласился он. — Африка упустила эру пара, эру электричества, но мы, черные коммунисты, сделаем все, чтобы наш континент ничего больше не упустил! Ты хочешь на Марс? Тогда полетим вместе. Будешь ва-

речь кашу, штопать плащ-палатку и вести свои репортажи.

— Давай пока опустимся на землю, — предложила Анна. — Скажи, какие птицы у вас летают?

Темные глаза Хади стали вдруг такими бездонными, будто до самого донышка высветили их тонкие лунные блики. От воспоминаний о Нубии он стал каким-то неладным, оцепенелым, будто внутри его что-то кликнуло, почуялось, и нет уже сил увести себя — ум, душу, чувства — в сторону, чтобы хоть на минуту вернуться в реальность.

— Как хочется домой! — жалобно заметил парень.

— Туда вроде и перелетная птица не летит.

— Мужчина без Родины — ноль. Птица может и мимо пролетит, но меня дома многие ждут. Я должен вернуться.

Лунные дорожки то и дело ныряли под черные тени берез, которые, будто и их разговор, показывали то темные, то светлые стороны жизни. И в этой жизни, какой бы она ни была, им выпало нынче жить, потому их обоюдное знакомство с миром было бесконечным.

— Скажи, — вымолвил как-то Хади, — ваши республики — это колонии?

Анна оторопела.

— Какие колонии? — изумленно спросила она и объяснила, что девушек и парней коренной национальности из республик часто принимают в столичные институты без конкурса, хотя знания у них бывают и слабоватыми. Но... высококвалифицированные специалисты нужны везде.

— У меня, славянки, этот конкурс отнял несколько лет жизни. Я поступила в университет лишь на третий год. Представляешь?

— Это колонии? — возмутилась уже Анна и с пафосом рассказывала о том, какие в тех краях школы, библиотеки, театры в республиках — на всех языках! Везде больницы, фабрики... Ты б видел, какие там стройки, сколько электростанций, заводов!

— Да, я был в Ташкенте. Очень большой и красивый город!

— Ну, я правду говорю?

— Да!

В те дни и Анне довелось многое узнать о Родине Хади, о том, что в его краю — восемь месяцев жара, остальные — жуткая жаррица, а у местных людей существует обычай: при встрече бережно обниматься друг с другом и надолго застывать в молчании, глядя широко раскрытыми глазами через плечо друг друга. Но жителям этой страны надоело уже видеть через дружеское плечо то западногерманский капитал, то английский, люди нынче везде активно тянутся к прогрессу и демократии, потому и возникла в стране компартия, кстати, самая влиятельная на континенте. Бывает, что какой-нибудь богатый феодал приходит к генеральному секретарю и просит:

— Возьми моего оболтуса в свою партию и сделай из него человека. Не пожалей сил. Заплачу тебе вот...

Феодал показывает рукой, мол, от пола до подбородка отсыплю долларов.

— Партия и без вступительного взноса работает с людьми, — отвечает с улыбкой на лице Махджуб. — Но мы сделаем из него коммуниста, не боишься?!

— Э-э, дорогой, что коммунист? Пусть будет коммунист, лишь бы марихуану не курил. Пошли его куда-нибудь учиться.

— Если выдержит конкурс...

— Какой конкурс? — вопит богатый скотовод. — Где твоя Лига? Я всем ее членам деньги дам, пусть мой сын будет без конкурса.

— Без знаний невозможно...

Анна смеется, машет рукой: — Ладно о феодале. Расскажи лучше о себе. Ты на все лекции ходишь?

— Очень люблю лекции Ландау. И еще Якова Терлецкого. Он мой руководитель.

— Слушай, — интересовался теперь Хади, — почему ваши студенты ездят на целину? Это повинность? У нас ненавидят трудовую повинность... Однажды нашим крестьянам приказали строить дорогу: мимо собирался ехать английский губернатор. Наша деревня не тронулась с места, и всех потом оштрафовали.

— Почему у вас интеллигентные люди должны ехать в дикие места и выполнять чьи-то приказы?

— О мир элементарных частиц! Как ты не понимаешь? Почему бы студентам и не поехать? Там весело. Все такие дружные. Люди поют, рассказывают анекдоты, работают. Я сама поехала со своим курсом на целину. Меня никто к этому не принуждал.

— Не понимаю все же... пусть едут те, кто голодает, но тебе зачем?

Анна уже рассказывала, что целинный совхоз — это бесконечные поля пшеницы, обилие шампиньонов в степи, чудные березовые колки вокруг. Около одной из таких прохладных рощиц студенты факультета журналистики поклялись местному бригадиру Автюкову, что до осени непременно создадут совхозным свиньям почти человеческие условия, обещали создать еще особую комнату для матери и поросенка, а сами при этом обещали «не хрюкать», какие бы трудности не выпали на их долю.

Здоровый рослый Автюков, по его поводу в деревне шутили, что он один заменит на земле взвод солдат или трактор «Беларусь», целое лето охотно покрикивал на своих подопечных:

— А ну быстрее, рахитики! Надо щедрее работать, щедрее давать! Учтите, каждая щель — это ведро воды на поросенка. Штукатурьте стены лучше, еж твою кубрялка!

Все лето студенты охотно бегали за раствором, заливали бетоном опалубку, добросовестно, чтоб не оставить просвета на крыше

даже с копеечку, замазывали глиной камышовые маты.

К вечеру на руках вспыхивали бесконечные волдыри, ресницы в глине шлепали по лицу, как калоши, но после ужина все бежали к костру в степь, плясали у костра лихие твисты.

— Знаешь, как мы там пели? И песни сочиняли:

Догорают осенние листья
И полынные травы горчат,
Тихо-тихо поют журналисты,
Не умеющие молчать.

Анна изображала, как мальчишки бренчали на гитарах, какая огромная была степь вокруг и как они превосходно себя там чувствовали.

— Но лично тебе что дала целина?— спросил строго Хади.

Девушка долго не тянула с ответом.

— Щеки, из-за которых ушей не видно! — выпалила она. — Нас там вкусно кормили!

— И все? За тяжелый труд вам ничего не платили?

— Почему? Видишь эту шубу? Я купила ее на деньги, которые заработала на целине.

— Тогда почему о деньгах ты говоришь в последнюю очередь?

Примитивность такого вопроса удивил девушку. Она пожалала плечами и робко заметила.

— Деньги — вроде не самое главное в нашей жизни...

«Убедила его или нет?», — смущенно думала в это время она, желая все-таки объяснить, что бескорыстие — совсем неплохая субстанция, если и вокруг тебя жизнь такая же, а почти все ребята рядом насмерть были лишены какой-либо алчности, и вообще, главное, когда есть с кем петь песни, улыбаться, дружить, да еще и любить.

Африка... В детстве она была для Анны страной Лимпопо, в которой добрый доктор непременно побеждает злого Бармалея. Потом как-то удивилась, почему так красиво называется река: Голубой Нил?

— Он не голубой, он мутный, — заметил Хади.

— Неужто? Почему?

Познакомившись с Хади, Анна то и дело задавала вопросы: какого цвета земля в Африке, как выглядят листья финиковой пальмы?

— Скажи, что такое африканский социализм?

— Перераспределение частной собственности, однако, не ликвидация ее.

Укоризненно, будто Хади лично виноват в таком половинчатом решении, она спросила:

— Отчего же не ликвидация?

— А какой феодал позволит, чтоб у него отняли поле, даже если оно очень большое? Этот вопрос решить, чтобы никого не оби-

деть, практически трудно.

— Но в России решили...

— Очень сложной ценой... И тогда решать бы его помягче. Чтоб ни один пласт людей не давил на другой.

— Как это можно, если хочешь, чтобы в стране жили все, а не существовали кое-как многие? Частная собственность разве не расправляется с людьми? Батракам в России прежде почти ничего не платили, или давали за тяжелый труд такие гроши, что хватало жить только на соломе, и то чужой, а не в собственном доме. Этим людям не жалко? Кто их защитит? Они и восстали в начале нашего века. Много было на земле восстаний, и только в моей стране за всю историю человечества рабочие победили!

Молодые люди уже были в общежитии, на том этаже, на котором жили физики. Девушки здесь были редкостью, тут они гляделись в диковинку. Лишь в комнате Хади собеседники перестали ощущать неловкость и могли спорить дальше.

На столе рядом с учебником по квантовой механике лежала книга французского философа Сартра. Хади наклонился над ней, перевернул страницы, потом воскликнул:

— Гляди, а ведь ты права! Посмотри, что пишет Сартр...

— Что?

Хади уже переводил с английского.

— «Бунт — всегда прав!».

— Вот видишь, я же говорила! — обрадовалась Анна, но через минуту задумалась.

— Странно видеть такие четкие определения у этого писателя, — проговорила она. — Сартр ведь стоит за свободу выбора, хочешь, живи с идеей, а то и вовсе без идеи живи. Притом любой поступок, даже гнусный, философ не осуждает. Что это за свобода, если она не ощущает ценности того или иного поведения?

— Налицо теорема относительности, — охотно ответил ей студент физфака. — Все в этом мире относительно, все можно изменить, если применить эту теорию к жизни. И тут же изменятся принципы.

— Ой, только не надо! — взмолилась девушка.

— Лично я категорически против подобной свободы, — спорила и с Хади, и с Сартром она, объяснив, что с ее точки зрения, если у тебя мать, жена, ребенок, и не заботиться о них — это свобода недочеловека. Какая может быть у каждого свобода? Свобода быть свиньей... Объясни? Свобода — это иллюзия, мираж...

«Один — и свободен, — продолжал Хади цитировать Сартра. — «Но эта свобода напоминает смерть».

— Ага, значит, я права: свобода приемлема лишь на кладбище?

Теперь эту книгу они читали вместе и удивлялись тому, как философ, даже с житейской точки зрения, все время противоречит

себе, к примеру, утверждая, что «человек обречен на свободу».

— Я не хочу никакой обреченности! — вопила Анна.

Но если ты родился, спорили молодые люди друг с другом, ты уже не свободен, ты зависишь от дождя, солнца, от своей профессии. Ты обязан хоть чему-то всерьез учиться, чтоб не висеть на шее других. Твои дети каждый день хотят есть, их надо лечить, водить к врачу, вместе с ними сидеть над тетрадками. Какую свободу от общества и людей предлагает Сартр? Свободу, как у льва? Свободу обезьян? Но разве в своей стае животные не заботятся друг о друге?

— В мире вообще нет такого понятия, как свобода, — утверждала Анна. — Это буржуазная выдумка, чтоб оправдать любое насилие, подлость, либо даже войну.

— Что тебя не устраивает, — насмешливо заметил Хади, — так это буржуазия придумала...

— Вольтер сказал, — напомнил Хади, — «я не разделяю ваших взглядов, но готов отдать жизнь за то, чтобы вы имели возможность их свободно высказывать».

— Сплошная демагогия — рассмеялась Анна и возразила. — Если бы Вольтер знал, что племянница уморит его в старости голодом, вот и вся цена ее предварительных ласковых слов, вряд ли этот философ отдал бы свою жизнь даже за междометие в ее речи. Свобода нужна только для злых дел. Свобода нужна только негодяю.

Этот горячий спор неожиданно закончил глядевший на собеседников с портрета книги Сартр, который со страницы своего эссе изрек нечто для всех примиряющее, хотя бы на время, то, что могло бы остудить даже очень буйные головы:

«А ну, познания человеческие, поглядим, кто кого!».

Часы на руках Хади говорили о том, что пора расставаться, пора Анне уходить на север, в свой корпус, в свою комнату. Перед уходом она внимательно глянула на фотографию, которая в рамочке стояла на столе.

— С кем это ты на фото? — спросила девушка.

— С двоюродной сестрой. Видишь, как мы похожи.

Хади тут же вытащил из чемодана маленький альбом, показал портреты матери, сестер. Вот тут он совсем ребенком играет с той же девочкой во дворе.

— Это дочь маминой сестры. Потому мы похожи друг на друга.

Вспомнив, как много зачетов надо сдать в предстоящие дни, сколько еще придется сидеть в библиотеке, Анна предложила следующий раз встретиться в столовой.

— Почему? — не понял он.

— Нынче сессия, тысяча книг в одну ночь... Беседы со знакомыми могу вести только за обеденным столом.

Хади рассмеялся.

— Обещаю по три раза в день приходиться в столовую!

Тихо потрескивали на шестнадцатом этаже стекла окон. На них мороз уже набросал звезды, ели, папоротники, и даже пальмы, фантазийно объединив на маленьком пространстве растительность чуть ли не всех континентов. Далеко внизу слышался рокот автомобиля, за стеной смолк магнитофон, и такая тишина разлилась по многочисленным комнатам общежития, что девушка, будто запоздавшая Золушка, опрометью бежала по лестнице, чтобы быстрее оказаться на своем, отведенном ей нынче временем пространстве, будто в шатре царя Гвидона, теплом и надежном.

За стеной комнаты включили магнитофон. Песни американской певицы Джоан Баез в течение часа взывали к миру, богу и справедливости, но эти энергичные песни не успокаивали Анну, а расстревали душу больше и больше. Причина для этого была. Вчера Хади весь день не звонил, не объявился он и к вечеру. Не случилось ли что-нибудь?

Лифт застревал на каждом этаже и опускался так медленно, будто лифтер сдавал экзамен по технике безопасности. В кабине уже начали шутить, что, мол, на оленях все же лучше.

Наконец-то Анна оказалась на нужном ей этаже.

— Come in, — ответили ей. — Войдите!

Облако густого сигаретного дыма тут же заволокло гостью. В комнате говорили очень шумно, все время крутили рычажок радио, и если при этом лилась веселая музыка, почему-то крепко, но по-арабски, иногда вдруг и по-русски, ругались.

— Что случилось?

— Тс... потом...

Наконец-то началась долгожданная передача последних известий.

«Никакой связи со столицей страны не имеется, — взволнованно говорил диктор. — Аэродром и телеграф охраняются. По сообщениям английского радио в стране взяла власть в свои руки военная хунта».

Самым храбрым, судя по прежним рассказам Хади, был в этой комнате геолог Аид. В экспедиции, в геологической партии на Кавказе он однажды шел с котелком за водой к ручью и вдруг нос к носу столкнулся с медведем. От неожиданности и от страха Аид поздоровался со зверем по-арабски, потом по-русски. Не забыл приветствие и на английскийком. Медведь крикнул, рявкнул и... присел. Видимо, с таким полиглотом в горах он еще не сталкивался. Парень в это время спокойно прошел мимо.

Нынче Аид прямо-таки приник к радиоприемнику.

Нервно взглянул на товарищей студент из Литературного института Осман. Его стихи о родине и свободе в эти дни публиковались

во многих советских журналах. Халим с биологического взволнованно поглаживал волосы.

— Что же делать? — тревожился физик Мухаммед. Высокий, тонкий, изящный, как рисунок восточной графики, этот парень нравился многим. И в первую очередь — университетской дирекции. Поэтому, как только он женился, ему сразу же дали для его молодой семьи лучшую комнату в общежитии. Слово на митинге, путевки в Коктебель, билеты в Большой театр — все в первую очередь выпадало Мухаммеду. Многие завидовали этому баловню судьбы!

Но спокойным в этой комнате выглядел лишь однокурсник Анны — Рахман. Он и на лекциях, как египетский сфинкс, бывало, не шевельнется. Как ни заглянешь в его тетрадь, в ней написаны лишь два слова: «марксизма-ленинизма». А Рахман в это время величественно изучает афро-арабскую периодику. Потом жуликовато и хитро просит кого-нибудь: «Напиши шпаргалки, моя хабиба...».

Видите ли, моя любимая!

«Отодвинуть бы в сторону арктического льда все эти мерзкие хунты...», — думала в это время Анна, потому что ей не хотелось видеть людей, которые набились в комнату Хади, понурыми и невеселыми. И, чтобы хоть немного их отвлечь от печальных извествий, она вдруг насмешливо выпалила:

— Ну, какие у вас революции, ребята? Сломают на улицах несколько пальм, погоняют из одного Нила в другой крокодилов, а на утро — покой, тишина...

В ответ — гомерический, вот-вот брызнут стекла окон, хохот.

— С ума сошла! — вскочил со стула Халим и возмутился: — У нас, видите ли, только пальмы ломают, у нас только подобие революции... Настоящая была только у вас, да?!

Хади не дал в обиду Анну.

— Конечно, у нас лишь ломают пальмы, — вроде бы согласился он с девушкой, но через мгновение возразил и добавил жестко, что потом ими ломают головы, позвоночники...

— Наши головы ломают, понимаешь? И ломают судьбы народов. У целой страны теперь опять отнято будущее, — вставил Осман.

— Кто она тут такая? — возмутился и неприязненно глянул на гостью Халим. — Зачем она сюда пришла? У нас тут свои дела...

Однокурсник Анны мгновенно утратил свое хваленое равнодушие.

— Хватит, — остановил его Рахман, добавив, что девушка живет в стране, в которой за целую жизнь не услышишь ни единого выстрела. Потому у нее и столь добродушный взгляд на мир.

Рахман рассказал вроде незначашее, вспомнил, как недавно работал в их стране собкор Володя, который прислал в редакцию африканской газеты сообщение, что в аэропорту далекого русского города Новосибирск уже объявили посадку на самолет, но Ил-

118 почему-то не взлетал, а стоял еще час, хотя экипаж получил разрешение на взлет. Пассажиры, конечно, забеспокоились, но им объяснили, что на полосе гуляет... лосенок, и дежурные ждут патрульную машину, чтобы отправить животное в лес. Что вскоре и было сделано, а ИЛ благополучно взмыл в воздух.

Вскоре Володя увидел свое сообщение в печати и вихрем вошел в редакцию.

— Кто переводил? — с порога уже взвыл он. — Это же грубейший ляп! Это ошибка...

Местный редактор взял в руки газету.

— Где ты увидел ошибку? — спокойно спросил он. — Так и у тебя написано. Все верно.

— Верно? — наступал на редактора собкор. — Я написал, что на полосе гуляет лосенок. Понимаешь, лосенок...

— Ну и что?

— Ты же перевел, что верблюжонок. Но в Сибири нет верблюдов.

— А у нас нет лосей, — спокойно возразил африканский редактор. — Наши люди не понимают, что такое лосенок. А верблюжонок... гуляет на полосе около самолета... это понятно нашему читателю, это смешно...

Друзья Хади, окунувшиеся было в мир печальных известий, повеселели.

— Ты когда-нибудь видела автомат? — обернувшись к девушке, спросил Рахман: — И как из него стреляют?

— Нет, — ответила Анна, удивившись вопросу.

— Вот почему советскому человеку трудно представить себе жизнь в нашей стране, — объяснил Рахман землякам и повернулся к гостю:

— Ты была когда-нибудь в саванне и знаешь, что там происходит?

— Конечно, нет...

— Представь себе...

Граница страны. Раскаленные горы, колодец, верблюды. Возле них караванчики. А в пещерах под брезентом мешки.

— Когда поднимешь брезент, что там увидишь? Детей, — с горькой ухмылкой добавил Рахман. — Десяти-двенадцати лет. Украденных. Кто-то из них плачет, кто-то стонет, а иной ребенок просто умирает. В мешках. Это контрабанда живым товаром, это невольничьи караваны из Черной Африки на Арабский Восток. Рабство на земле еще не кончилось! Хотя об этом в газетах почти не пишут. Но как только появляется в печати такой материал, журналиста убивают.

— В наше время? — испугалась девушка.

— Да, в наше время. И эта эпоха мало чем отличается от средневековья. Правды добиться можно только сменой системы. Чтоб была она такой же, как в Советском Союзе. Вашим людям она ка-

жется излишне строгой, но они не пересекали Африку в детстве в рабовладельческих мешках.

Из истории Анна вспомнила, что английский фельдмаршал Китченер, в 1914 году — граф Хартумский, который руководил подавлением восстания махдистов в Судане, как-то признался, что мораль для английских войск кончается за Суэцем. И за Суэцем тогда шел страшный грабеж народов, которых англичане презрительно называли туземным населением.

— У нас серьезные революции, Анна! Помочь на африканской земле каждому, выходить, вынуждать у него правильное сознание, аккуратно ввести человека в современный мир, превратить Африку в континент высокой цивилизации — это и есть наши задачи, задачи чернокожих коммунистов, — объяснял девушке Рахман.

За стеной тихо звучала безмятежная мелодия вальса.

— А мир как вулкан, — взволнованно продолжал он, — кипит, выстреливает. Сейчас метнуло в нашей стране. Возможно, в эти дни мы не досчитаемся некоторых своих товарищей. Лет через десять-пятнадцать не досчитаемся многих. Но без дальнейшей борьбы за нормальную жизнь африканца наш мир — не реален.

Слова Рахмана встревожили Анну до смерти, а как еще в ту минуту не хотелось взрослеть, как не хотелось лишиться своей безмятежности! Но избавиться ли мгновенно от невозмутимости, если в собственной стране много лет ничего не происходит: цены в магазинах, будто игрушки из «Детского мира», всегда одни и те же? Дороги и тротуары никто не минирует, поезда не взрывают, самолеты летят по расписанию даже на самый дальний Восток. Лишь контролер иногда покрикивает в автобусе на безбилетников, да пьяно и дурно орет в каком-нибудь подъезде подгулявший мужик.

В этой небольшой комнатке Анна впервые поняла, что жить на земле иногда очень страшно.

— Только бы не пришли к власти исламисты, — размышлял вслух Рахман, — Только бы не они...

В ответ взорвался Халим:

— Что ты имеешь против религии? Чем она тебе мешает? Люди охотно слушают муллу, потому никто не возьмет в руки автомат. В стране будет покой... Религия — вечна...

— Ты больше мусульманин, чем сам Аллах?

— Никогда при исламистах не будет покоя, — возразил биологу молчавший до этого философ Фарук. — Слушать муллу? За две тысячи лет религия что решила в жизни людей? Построила заводы, фабрики, жилье?

— Как ты смеешь критиковать религию? Тебя на том свете накажут.

— Лучше жить на этом свете, чем на том, — отчеканил твердо Фарук. — В Советском Союзе не молились, ученым было некогда

отбивать поклоны пять раз в день, они много работали, и первыми запустили человека в космос! А где в это время был наш мусульманский мир? В мечетях. И мы даже детей своих в сандалии не обули. Много учится наших женщин?

К плечу Фарука доверчиво прильнула русская девушка Рая. Румянец во всю щеку, легкая прическа из густых русых волос... С каким обожанием Рая глядела на своего парня! За версту видно, что этих людей сблизили только чувства...

— Но ислам... это очень ценно! — упорствовал Халим.

— Ценны утверждения, что верующий мусульманин лучше других, поэтому он верный? Вот я стою под солнцем, оно мне больше улыбается, потому что я мусульманин? А от Раи к вечеру убегает, потому что она христианка? — заговорил философ Фарук.

— Ах, ты вспомнил о солнце? — взбеленился Халим, покосился на Анну и Раю и затараторил. — Пусть эти белые знают, что нас солнце больше любит. Нам почти не надо обогревать наши жилища. У нас вкуснее плоды.. И кожа наша черная потому, что солнце нам больше отдает своего тепла, чем им, вот этим... Мы живем почти в раю...

— И у нас дольше живут люди, чем на севере, у нас лучше образование? — рассмеялся Аид.

— В раю можно жить и без образования. У нас три урожая в год. Просто жить...

— Наши предки просто и жили. И стали рабами. На целых четырехста лет. Хочешь, чтоб и твоим детям выпало такое же? — обовал его Рахман.

Внес свою лепту в спор и Хади.

— Только законы физики управляют Вселенной. В древности человек боялся ее, вот и придумал себе потолок в виде религиозного учения. В тесном помещении комфортно, удобно. Пространство над головой не пугает. Великий начальник сидит наверху и всем управляет. Самому думать не надо. Думает другой, а нам только правильно понимать чужую мысль. Своя воля не нужна.

— Но без религии никуда! — утверждал Халим.

— В древнем Египте поклонялись жукам скоробеям, — лукаво произнесла Рая. — И кошкам.

— На островах Тихого океана верили в божественность угря, содержали для них шикарные водоемы, — напрягла свои познания и Анна. Не отмалчивался и Рахман, который в жизни, оказывается, изучал не только афро-арабскую периодику:

— Религии разделяют людей, а у нас в стране много национальностей. Арабы — на севере, на юге копты и племена, верующие в колдовство. Болтовней религиозной никого не объединить. Но мулла принимает только ту жизнь, в которой ему хорошо. Его задача запугивать людей, чтобы ничего не изменилось. Тогда его клан

всегда в почете.

— В республиках Средней Азии семья поминает покойника каждую пятницу целый год, — вспомнила Анна. — Это же раздолье для муллы. Он каждый день сыт. Хотя это разоренье для каждого человека, который еще в это время обязан отвечать за жизни детей и стариков в своем доме. Через религиозные законы идет обыкновенный грабеж населения.

Все гости в комнате, кроме Халима, пришли к выводу, что нынче надо строить социальное, а не религиозное государство, чтобы каждый, будто в одной семье, жил бы просто и комфортно.

— Религии убили не одно государство, — заметил Рахман.

— Плевать мне на государство! Пусть сдыхают все эти государства. Религиозное и расовое единство дороже», — кинул Халим, что до невероятности разозлило остальных гостей комнаты. — Главное — это раса, главное — это своя кровь! — пишут уже даже наши чернокожие писатели, — продолжал упорствовать он в своих новых определениях.

Тут же вскочил со стула Рахман и закричал:

— Ты — черный, и я черный, но я никогда не захочу в трудной ситуации быть рядом с таким, как ты. Самый мерзкий шантаж — полуправдой. Вроде все так и — не так... И любит мужчина женщину не из-за цвета кожи. Душа, идея — вот главное...

Дело принимало крутой оборот, потому Хади дал понять, что уже поздно, всем утром идти на лекцию.

Перед уходом Анна спросила:

— Почему Халим такой злой? Он же биолог, знает, как хрупка любая жизнь без экосистемы. А государство — экосистема для каждого... Религия не платит пенсию, не строит дома. Религия только выворачивает карманы...И души. Что он защищает?

— Так он расист. Обыкновенный черный расист. Не только религиозный, но и по цвету кожи. Белых терпеть не может. Почувствовала?

— Еще бы...

Халим и впрямь так и сверкал глазами, когда глядел на Анну.

— Не обращай внимания. Мы знаем, что он ограниченный человек. Над ним уже в самолете смеялись. Ну, прилетели мы в Рим...

В Риме на борт поднялся гид и предложил парням, летящим в Советский Союз, осмотреть древний город. Все с удовольствием разглядывали остатки Колизея, Форума, площадь Святого Марка, но вдруг спохватились, а где Халим? Может у него живот заболел и нужно вызвать врача?

— Не надо врача, — спокойно объяснил сидевший в своем кресле Халим. — Я ненавижу белых, и не вступлю без особой нужды на их землю.

— Но ведь это пустая ненависть, — заметила девушка смеюще-

муся Хади, он же в ответ лишь развел руками, дав понять, что Халим таков, каков он есть, и принимать его приходится со всеми его нелепостями. Это в России с подобными людьми никто не сталкивался, а у них в Судане и подобные типы есть.

Вот так, через встречи и столкновения в спорах Анна знакомилась с миром, о котором никогда, ни в одной книжке не читала, ни одним ухом даже не слышала.

— Что же Халим тогда делает в Советском Союзе? — спросила она. — Каким образом ваша партия это допустила? Может, у него богатый отец и дал кому-то взятку?

— Нет, он из бедной семьи.

И не всегда, оказывается, Халим был скверным типом. Когда-то он вступил в компартию, боролся за независимость своей страны, но кто-то его предал, донес, что этот парень — уже в руководстве партии. Халима посадили, рядом в камере оказался религиозный фанатик. Вот так легко сломался человек, который несколько лет рассказывал другим, как надо жить и какими должны быть цели у молодых ребят.

— Теперь Халим пять раз в день глядит в сторону Мекки, — рассмеялся Хади.

— Но Россия никогда и ничего не сделала плохого людям Африки! — возмутилась Анна. — Зачем этот человек в своей боли обвиняет тех, кто к той трагедии не имел никакого отношения? Пусть только в душе, но по инерции он обвиняет и меня. Я же к тому веку, к рабовладельческому, не имею никакого отношения. Он перепутал?

После непродолжительного молчания Хади неохотно выдавил из себя:

— Его уже в Москве кто-то оскорбил за цвет кожи...

— Как это?

В комнате тонкой паутиной повисла тишина.

— Лучше тебе этого не знать, — отвел он глаза в сторону...

Но диалог на этом не прервался. Девушке нужен был логический ответ.

— Почему он не едет домой, если ему у нас плохо? Почему партия его не отзовет?

— Партия ведет себя по отношению к нему благородно. Мы все должны получить образование. Халиму дают возможность доучиться. Нашей стране очень нужны специалисты.

Такое объяснение не очень-то было понятно Анне. Она жила в государстве, где миллионы людей без особого труда получили высшее образование, а сотрудники всевозможных НИИ уже хвастились, что часами слоняются в коридоре без дела.

— У нас иначе. Нам дорог каждый специалист, который хоть что-то может сделать для людей. Вот представь себе...

Хади опять рассказывал о своей стране, о людях, которые бо-

ролись за окончательное изгнание англичан из Нубии. Высокообразованные, толковые, они наконец-то прошли в парламент и уже приняли законы не только о запрете многоженства, но и законы, по которым теперь будут наказывать работодателей за отказ принимать женщин на работу. Новое законодательство также поможет девушкам учиться в университете... С отменой уже принятого теперь нелегко будет справиться даже пришедшей нынче к власти военной хунте.

— Каждый образованный человек в нашей стране нужен для того, чтоб помогать выжить другим.

Студентке открылся совершенно неведомый ей, другой мир, о котором хотелось расспрашивать и расспрашивать, чтобы лучше понимать жизнь, а не только ее фрагменты, но пока еще не отключили лифты, надо опретью нестись в свою комнату.

Вскоре Хади предложил:

— Давай завтра пойдем на Новодевичье кладбище. Я несколько лет живу в Москве, и ни разу там не был.

Потом Анна запишет в своем дневнике:

«Вчера ходили по Новодевичьему кладбищу. Долго разглядывали памятники, читали надписи на плитах, отмечали с удивлением, вот где похоронен педагог Макаренко, вот могила писателя Максима Горького, революционера Подвойского...»

В этот осенний день старушки поливали цветы, печально глядели на изображения родных лиц на выцветших фотографиях, но, увидев меня вместе с Хади, надолго отрывали взгляды от дорогих могил, поджимали недовольно губы и недобро перешептывались между собой. Судя по их наклоненным друг к другу головам, коренная Россия не принимала межрасовых человеческих отношений, с их точки зрения дурных и вызванных лишь моей меркантильностью.

Если рядом со старушками находились их сыновья, они презрительно оглядывали меня с головы до ног. По их мнению, я рядом с Хади лишь потому, что жгуче соблюдаю свой имущественный интерес: у меня теперь, кажется, гора шуб, кофточек и десяток сумок из крокодиловой кожи.

— Ой, смотри, тут похоронен писатель Всеволод Вишневский. Завтра в кинотеатре «Россия» идет фильм по его рассказу «Оптимистическая трагедия».

— Это о чем?

— О революции, конечно! У нас есть еще один рубль, давай посмотрим?

В кинотеатре «Россия» Хади не отрывал восторженных глаз от экрана. Наглость анархистов, красавица комиссар, ее красивые и точные ответы зарвавшимся, хоть и усталым морякам, трагиче-

ская участь бескорыстия той далекой эпохи, в итоге — молодые люди из нынешних шестидесятых вышли из кинотеатра с таким светлым настроением, такие чистые, будто омыло их только что теплым прозрачным дождем.

— Как же в России хорошо! — заметил Хади, с удовольствием разглядывая каштаны, листья которых поначалу желтели лишь по краям. Клены, вспыхнувшие вдоль улицы уже золотым пожаром.

— Как здорово у вас ставят фильмы! После такого кино хочется совершать в жизни только хорошие и нужные людям поступки!

— Да, фильм получил почетный диплом на Международном кинофестивале в Мексике, в Акапульке. Вот бы и туда слетать, чтобы повидать города инков!

— Может когда-нибудь и полетим!

Хади взял девушку за мизинец, повернул к ней свое сиявшее от восторга лицо. И не успели молодые люди сделать несколько шагов вдоль тротуара, как вдруг около них остановились женщины.

— И ты любишь эту свинью? — размахивая сумкой, выкрикнула неожиданно одна из них Анне прямо в лицо.

— Тебе своих не хватило? — заорала другая.

— Шлюха! Шлюха!..

Вся красота дня и даже целой Вселенной мгновенно провалилась в преисподнюю. Наверно, вот так и выглядит ад, когда тебе говорят только гадости, что-то низменное, совершенно не соответствующее тому, что есть там, где день, жизнь, мысли, достижения философии и борьба за лучшее и светлое на земле.

— Проститутка! Морду бы тебе разбить!.. Сколько он тебе платит?

Как в такой обстановке не растеряться, не посереть от того мерзкого, грязного, что вот в этот момент встретилось им на улице? Молодые люди в ответ лишь подавленно молчали и, не шелохнувшись, стояли перед подло орущими женщинами, будто заторможенные, ничего не понимающие инопланетяне. А те пытались привлечь к ним как можно больше внимания. Прохожие охотно останавливались, перемигивались между собой, посмеивались.

Первым пришел в себя Хади. Он схватил Анну за руку, вытащил ее из очерченного дворовым, местечковым злом круга, и они поспешили к метро в надежде, что может через минуту им встретятся люди более высокой культуры, более чуткие и добрые.

В метро, отчужденные друг от друга из-за уличного хулиганства, они даже не помышляли теперь взглянуть на себя, а на улице их разделял уже целый метр.

— Как же так? — бормотал в растерянности Хади. — Компартия присылает нас в Советский Союз, чтобы мы учились лучшим человеческим отношениям, какие уже сложились в обществе при социализме, а в Москве я, оказывается, для ваших граждан лишь свинья?

Глаза его стали влажными, глубокими, будто в них заглянули

смертоносные лучи далеких планет, на которых лишь вечный глубокий космический мрак.

— Успокойся! Дурные люди есть везде,— решила приободрить его Анна. — Неужели и на твоей родине не встречаются дураки?

— Бывает, — неохотно согласился Хади и поправил темную шапочку своих непролазно густых волос, размышляя при этом о том, как страшен расизм, сколько он убивает людей, как растерзывает чужие мечты о единении и жизни общества без войн.

— Ты что, про Халима забыл?

— Да, в моей стране тоже есть расизм, — неохотно согласился он. — И в Африке... Но наша партия борется с дурными отношениями между людьми. Однако... почти суд Линча в Советском Союзе... Не ожидал. Какие тогда реальные идеалы у ваших людей? Во всем мире такое уважение к вам, а почему люди, оказывается, иные, чем это объяснить?

— Если ты, Хади, учишься в Москве, значит, и моя страна внесла немалый вклад в то, чтобы мир стал лучше. Однако не все наши граждане за этим успевают.

Эта мысль девушки не успокоила Хади.

— Мне в кафе как-то вместо чая подали... мочу! — с болью в голосе проговорил он. — Я думал, что это случайность, теперь вижу — нет. Наша молодежь рвется в Москву. Если я вернусь домой, как рассказать друзьям, что здесь у людей... длинные хвосты предсудков?

Анна встревожено глянула на собеседника.

— А я, Хади? И я такая же, как они?

— Конечно, нет! За это я тебя и люблю, — вырвалось вдруг у него.

— Ты?... Любишь меня? — изумилась девушка, но о своих чувствах молчала, как боец, который еще не выбрался из разведки и твердых выводов сделать пока не может.

Но... как много близких отношений зародилось тогда, когда кого-то обидели? Как многим женщинам на земле хотелось успокоить мужчину и, будто птица, пусть и слабыми, неокрепшими крыльями, защитить его от любой боли?

Так и Анна... У кого получится быть исключением? Если только природу человека изменить. Она была настоящей женщиной, она за себя не боялась и готова была в своей родной стране, а возможно, и в целой жизни прикрыть его собою от любой беды.

А он? Конечно, обнял, расплел ее длинные косы, погладил руки, плечи... И свет как-то незаметно и мгновенно погас в их комнате. В темноте душливой около раскрытого окна им было куда уютней, чем на красивой, но не всегда благожелательной к ним улице.

— Скажи, у вас зимой дома тепло? — задала она парню первый попавшийся вопрос, лишь бы не говорить сегодня на волнующее и болезненные для них темы.

— Да.

— Значит, вы за тепло не платите!

— Конечно!

— Здорово! Если у вас восемь месяцев — жара, то у нас во многих регионах почти восемь месяцев в квартирах без отопления холодно.

— А мы платим за прохладу...

— Как?

— Летом без кондиционеров в доме тяжело. Мы много платим за электричество летом.

— Все наоборот! Какой интересный земной шар! Все везде по разному... Для каждого народа — свой климат.

— Скажи, почему люди разных рас так боятся друг друга?

Вопросов между ними, как всегда, было больше, чем их можно было на практике разрешить...

— Что же нужно вложить в людей, чтобы они не были злыми и мелкими? — размышляла вслух Анна. — Есть ли выход из таких сложных процессов?

— Время решит! — сделал вывод Хади. — Мне кажется, — произнес задумчиво он, — смешение рас и наций — логика истории. Хоть и очень далекая, однако — логика... Самолеты, поезда, телеграф заставят-таки встретиться и подружить все человечество.

И тогда! — замечтала вдруг Анна, но тут же оборвала себя. — Зачем... тогда? Давай прямо сейчас построим одну удивительную поликлинику.

— Какую?

В той поликлинике, какой она виделась Анне, не зубы лечат, и не рахит. Но очередь в ее кабинеты длинная. Это куклусклановцы, какие только есть на свете, — белые ли, черные, из далекого ли штата Миннесоты или из Претории, сидят в ожидании приема у психиатра. Чтобы избавиться от одной болезни: от расизма, довольно-таки мерзкого заболевания людей, как мерзко все, что пульсирует неоправданной злобой к другому.

И вот куклусклановцы, какие только есть на свете, через час превращаются в милейших людей и принимают коллегиальное решение на высоком холме в большом городе воздвигнуть памятник, посвященный дружбе и преодолению границ между белыми и черными людьми. А может и возникшей мгновенно любви между юношей и девушкой? Чтобы сказать все, и этого, кажется, хватит.

Скульптура юноши, виделась Анне, конечно, будет темной, как газель, из очень пластичного, но твердого материала. А пальцы... Они длинные, хрупкие, их не отбить, не сломать. Да и за что, скажите, отбивать? Неужели только за то, что юноша невзначай потянулся к девушке, у которой светлые, под березу, волосы?

«Почему нет до сих пор на земле такого памятника? — думала

про себя Анна, решив, что скульптор непременно получил бы Нобелевскую. Такую же премию получил бы и психиатр».

— Вот мы и встретились, — неожиданно произнес Хади. — Мы с тобой, Анна, по-настоящему встретились вот в эту минуту.

— Как день и ночь?

— Да, как неизбежность этого трудного мира.

— Нет, погоди... Кажется, мы возникли вместе с Землей. В какую-то очень древнюю эпоху. Давай еще пофантазируем?— предложила Анна и представила себе, как миллион лет назад на северном континенте подули холодные ветры и белые хлопья стали падать на землю день и ночь. В жилищах из-за холода и болезни начали стонать женщины, плакать дети... И тогда вождь северных людей объявил племени, что пора им идти в края теплых ночей. Дорогу туда им укажут журавли. Вот и сейчас, слышите, они уже кричат из-за туч:

— Собирайтесь, люди, и вам надо туда, куда несут наших птиц их крылья! В тех краях — горячие пески, леса — до самого неба, а на деревьях сочные и вкусные плоды.

— Хочу яблоко! — захныкала маленькая Ани и протянула руки к небольшому кусту, с веток которого свисали какие-то желтые и длинные батончики.

— Мы пока не знаем, можно ли это есть! — сурово поправил девочку вождь и схватил ее за руку. Потом указал глазами матери, мол, очень балуешь ребенка, будь строже, к чужим плодам еще надо привыкнуть.— Вначале завари траву, собранную на нашей земле.

Но девочка не стала пить горячий и горький отвар. Она вырвалась из рук матери и побежала вдоль незнакомой реки. Густые деревья у берегов таинственно шептались между собой, хватали прищелицу за коленки и локти, потом к самому носу поднесли целую гроздь этих загадочных батончиков. Но стоило протянуть к ним руки, как плоды тут же взметнулись чуть ли не к солнцу.

— Не достать! Совсем не достать! — осерчала девочка, наклонилась к траве в поисках палки, но вздрогнула от глухого стука: у ее ног уже покоилась большая янтарная гроздь.

— Это тебе, ешь! — услышала Ани.

Подняв голову, она увидела меж ветвей какого-то странного мальчишку, у которого была необычная кожа, как у оленей из ее родных краев.

Болтающийся на дереве мальчишка тоже был удивлен новым знакомством.

— Ты откуда взялась? По всей реке вниз и вверх нет у нас таких людей. У тебя глаза — как осколки неба.

— А у тебя глаза цвета ночи!

В эту минуту, кажется, притихли все ветры Земли, перестали

шептаться звезды, не шевелясь, лежали в своих логовах океаны, прекратили тяжкий бег по саванне слоны. Потому что у реки в эту минуту зарождалось что-то такое, что долгие годы будет держать людей друг около друга, коли не рядом, так в душах, что будет сблизять и отталкивать, радовать и огорчать, приносить неслыханные победы на уровне одной маленькой жизни и швырять вниз головой в бездну.

— Эй, возьми еще! — крикнул мальчишка и бросил к ногам девочки еще одну гроздь. Вскоре он спрыгнул с дерева и вместе с Ани начал собирать камни для жилищ новых пришельцев.

Вскоре у людей, глаза которых были цвета недалекого озера, возникла деревня, около каждой хижины гора сушеных плодов, расцвели на поляне женщины, шустро бегали дети. Всем было тут хорошо, да только вождь худел и бледнел.

— Пора уходить! — как-то сурово вымолвил он.

— Опять по звериным тропам с детьми на руках? — возмутилась его жена.

— Молчи, женщина, тебе введома стратегия лишь одного дня... Лбды уже уходят с нашей земли. Вчера оттуда прилетели птицы.

— Так что же?

Вождь объяснил, что для многовековой непрерывности жизни нужны песни, которые народ поет только на своей земле. И звезды познаешь лишь тогда, когда вечерами глядишь на них около своего дома. И деревья каждого жителя деревни должны знать в лицо. Лишь в таком случае все вокруг — это твоя родина.

— Мы задержались. На родине нас уже забыли и белки. В путь!

На поляне засуетились. Мать Ани со сборами не спешила. Она понимала, что вначале надо собрать в дорогу душу дочери, потому не стала рассказывать ей о красоте родных лужаек и трав. Она просто обняла дочь и сказала:

— Вы еще встретитесь. Поверь, у тебя есть такая звезда! — спокойно объяснила девочке мать, — глянь, она тебе многое обещает! Не каждому небо светит так ярко.

Ани подняла голову и увидела, что звезда и впрямь уводит ее в мир тайн и загадок. В мир, в котором затаиться бы и ждать.

— Поверь, это серьезно.

Вождю мать сказала иное:

— Как только с места сдвинется тень этого дерева, мы будем готовы.

И когда солнце ушло за баобаб, племя пришельцев с корзинами на головах и с детьми на спинах вскоре ушло с поляны.

— Да, помню, — улыбнулся Хади, — мы еще с тобой на прощанье катались на хвостах динозавров... И видели свое отражение в доисторическом озере...

— Теперь через тысячу лет мы опять встретились!

Анна с нежностью провела пальцем по лицу Хади.

— Да, как день и ночь! — согласился юноша.

— Мы встретились. А вокруг нас небо, птицы, библиотеки, книги... — подвела черту Анна. — Вот как много уже сделали для нас другие. Только это мы с тобой и будем помнить!

— Хочу бананы! — капризно топнула вдруг ногой девушка.

Хади кинулся в магазин, за витриной которого виднелись большие гроздья африканских плодов.

В длинном коридоре, в котором двери чуть ли не в сотню комнат, за каждой из которых чья-то жизнь, чьи-то проблемы, слезы по вечерам или радости, Анна шла с чайником на кухню, как вдруг услышала шум, идущий с балкона.

— Что вы девчонке мозги пудрите! — кричала Мила, жена того суданца, к которому часто приходил в гости Хади.— Я познакомила их не для прогулок. Ну, пришли на вечеринку мы все вместе, посидели за одним столом и хватит. Зачем вы ей судьбу ломаете? К чему эти ухаживания?

— Не лезь! — отвечал ей Мак, аспирант медицинского факультета, живущий в Москве уже с семьей.

Анна однажды видела, как он поставил на подоконник свою маленькую дочку, долго и нежно гладил ее длинные черные волосы, сквозь которые нежным ярким золотом сверкало солнце. Разве человек, настолько обожающий своего крошечного ребенка, может хоть в чем-то обмануть другого, ответить невпопад, или просто солгать?

— Что ты суешь нос, куда не нужно! — нынче весьма грубовато отвечал он своей жене.

— Он женат, свадьбу дома сыграл, — сердито возражала Мила, — а эту девочку оставьте в покое...

Что ответил Мак, Анна не слышала, быстро прошла на кухню, но спокойно пить чай уже не могла. В душе все дрожало, все ее мучило.

— Скажи, а у вас в Судане есть?..— хотела было вечером спросить она у него.

— Лавровое дерево? — шутливо подхватил вопрос Хади. — Или селедка?

— Ну да... — растерянно проговорила она.

В комнате сидел еще один гость. Мак листал какую-то книгу, сосредоточенно разглядывал картинки, задумчиво читал какой-то небольшой текст.

— Это все-таки твоя жена? — спросила Анна хозяйина комнаты, наклонившись над фотографией, на которой сидели так похожие друг на друга люди.

Хади неопределенно развел руками, а Мак поднялся со стула, подошел ближе к Анне, обнял ее за плечи и мягко сказал:

— Не верь Миле. Это не правда. Моя жена может сболтнуть любое. Женщина есть женщина. Давай ей это простим... На фотографии — двоюродная сестра Хади. А Мила... Она иногда назло мне может выдумать любое.

Потом они втроем пили чай, обсуждали погоду, много говорили о крошечной дочке Мака, уже бегущей по длинным коридорам между филологами, о том, что они, южане, привыкли уже к суровому климату, хотя с нетерпением ждут лето, которое позволит им слетать на родину.

Кому в этот вечер больше поверила девушка? Маку, солидному почтенному мужчине, или его вечно крикливой, вечно спешащей с авоськой в руке жене?

А жизнь, реальная, и вовсе не такая, какую хотелось бы выдумать, окружала Анну каждую минуту. Однажды к ней в комнату пришла однокурсница. Высокая, черноволосая, яркая. На стуле — вольная поза.

Год назад они были на первой студенческой практике в районной газете, и через неделю над ними в редакции очень смеялись. Ольга привезла из колхоза зарисовку о доярке под названием «Тетя Дуся». Анна из другого колхоза привезла материал о телятнице под названием «Тетя Даша». Девчонок на планерке разнесли в пух и прах, и клички дали по названию их же материалов. И только в Москве они чуть-чуть примирились с этим первым в своей жизни промахом.

И вот теперь Ольга вначале дружелюбно спросила, что пишет мать, по-прежнему ли братишка ест на уроках под партой селедку, исправил ли тройки другой?

Спустя мгновение Ольга посерьезнела.

— Мой тебе совет: брось ты этого черного! — заявила она. — Наши ребята просили передать то же самое. Мол, ни к чему тебе эти сплошные Гавайи, тропики...

— Что это за танец с саблями? — сердито спросила Анна. — Ты ведь, как и Хади, тоже не русская и приехала в Москву с Кавказа. А если я Николаю скажу, чтоб он бросил тебя?

— Попробуй только, — мгновенно поднялась Ольга со стула. — Пасть порву... — зашипела она. Огонек сигареты дрогнул в ее руке, описал круг, мол, знаешь, что будет? Брать за горло позволено только мне. — Я у себя дома, а он — чужой.

Гостья стремительно двинулась к двери. И прежде бывало: Ольга делает кому-нибудь гадость... с милым смешком, прибаутками, а сама уже далеко — сдачу не ждет. Потом избегает того, кого будто невзначай посетила.

— Он скоро уедет, на тебе же потом никто не женится, — зло кинула она в дверях.

— Возле моей комнаты стоит очередь из женихов?

Но вопрос этот Анна задала уже только себе. Ольга испарилась, будто ее тут и не было.

«Конечно, лучше всего те отношения между мужчиной и женщиной, которые не вызывают диссонанса у окружающих», — оставшись наедине, обдумывала Анна на страницах своего дневника ситуацию и благодаря этим регулярным записям понимала, что взвалила на себя трудную ношу, проблему, которую ни одно общество в мире еще не смогло и не захотело решить. — Потому на такие пары каждую минуту косятся все, кому не лень, и все время спутник или спутница, в зависимости от региона, южного или северного, оказывается, не нравится другим... Так жить невероятно тяжело. Но что я скажу Хади? Мол, сгинь, будто и не было наших бесед, наших тонко и сложно завязывающихся отношений? Сгинь, потому что этого хотят другие?».

— У тебя завтра день рождения, — напомнила через несколько дней о себе Ольга и заявила: — если на этой встрече будет этот черный, мы все выйдем из комнаты.

В ответ Анна только пожала плечами. Вспомнила судьбу своей далекой прабабушки, которая в середине девятнадцатого века приехала из российской глубинки в Малороссию, потому что вышла замуж за молодого хохла. Кондрат в их деревне клал печи. Четверо детей уже появилось у этой скромной пары: мальчик и три девочки. Но однажды, когда рядом прокладывали дорогу, в украинское село прибыли ее односельчане. Мужики почему-то все были больны, с высокой температурой. В селе выделили им хоть и холдную, но отдельную хату. А Марию предупредили:

— Не ходи, там чума.

— Но как оставить больных без еды? — удивилась она и тайком ночью все же пошла к умирающим. Через неделю еще один гроб увезли на санях в пургу.

Об этом поступке далекой, не умеющей предавать прабабки, рассказала Анне в детстве ее бабушка, которая с пяти лет росла лишь на руках отца.

— Я всех пригласила, а кто не придет, это ваше дело, — услышала в ответ Ольга, огонек от сигареты которой нервно опустился, но через мгновение взметнулся к ее лицу:

— Учти, каждый день потом у тебя будет черным... — Решай сама, — уже в коридоре кинула она через плечо.

«Нам с Хади родиться бы лет через пятьсот, — обдумывала Анна после этого нелицеприятного заявления, — когда люди будут коммуникабельнее, дальновиднее, легче начнут одолевать местечковость, замкнутость. Перестанут глядеть друг на друга враждебно, будто сквозь прицел автомата. Но мы с Хади уже нынче есть. Нам что делать? Отойти друг от друга? Сказать ему, пошел вон...»

Жаль, что к таким союзам в обществе и на наших улицах, и в душах люди еще не скоро привыкнут...».

Утром на лекции Анна внимательно оглядывала ряды и прикидывала, кто же из парней передал ей черную метку? Однокурсники, подтянутые, хорошо одетые, холеные, писали, читали книги... Анна в тот момент тоже читала, писала и думала. Думала о том, что четыреста лет прошло с той поры, когда впервые от берега Слоновой Кости отчалила каравелла, груженная черными страдальцами. Сколько за это время ушло с земли трав, рассылалось в прах изб, храмов, домин, сколько обломилось и рухнуло деревьев. «Почему же до сих пор не ушел, не упал, не обломился и не рассыпался в прах... расизм? Отчего он так живуч, хотя нам нечего делить? У каждого свой континент, у каждого своя страна. У нас даже нет общих границ, кроме — цивилизационных. Они приезжают к нам учиться, любят посещать наши музеи, с удовольствием смотрят наши фильмы. Экспедиции наших геологов, географов, геодезистов посещают их страны. Нам всего хватает на наших половинках Земли — неба, воздуха, луны и воды, не хватает лишь малого — высокой жалости и сострадания друг к другу».

В конце декабря вдоль Кропоткинской везли со склада прямотаки на двух грузовиках огромного Деда Мороза. На первой машине ехала его борода, на второй — голова с красной морковкой носа и смеющимися глазами. Снег припорошил морщинки на лице из папье-маше, отчего казалось, что Дед Мороз одними только глазами желает всем прохожим хорошего праздника и здоровья.

Во всех витринах магазинов уже блистали игрушки, на тротуарах валялись оброненные кем-то ветви хвои, а еловый запах сопровождал почти каждый автобус.

У главного входа МГУ тоже готовились к празднику: развешивали гирлянды, тщательно натирали паркет.

Наконец-то между колоннами загремела музыка липси, вздрогнули в такт мелодии огромные люстры, под ногами хрустнули еловые шишки.

Хади увидел Анну, но танцующих было так много, что прежде, чем он взял ее за руку, уже прозвенели куранты на далекой Спасской.

— Я добирался до тебя целый год! — пошутил он и предложил:

— Пойдем танцевать!

Девушка тиннула головой и через мгновение они оказались в длинном и тесном ряду ежесекундно движущихся пар.

Танец африканцу был по душе. Он хлопал в ладоши, заливался смехом и двигался так ритмично, будто с пеленок был обучен этим движениям. Когда поплыла тихая спокойная мелодия танго, он с грустью произнес:

— Это мой последний бал в МГУ. Жалко все-таки расставаться с

вашими снегурочками и елками. У нас такого не бывает.

— А Новый год бывает?

— Новый год бывает везде. Мы теперь и Новый год празднуем, и День Независимости.

— Как символично!

— Да. Каждый год несет иную жизнь моей стране. Это наше огромное достижение. Сегодня мне почему-то хочется вспоминать...

— Что вспоминать?

— Как я приехал впервые... Выучить русский язык, думаешь, было легко?

Хади уже с юморком рассказывал, каким образом он поначалу говорил на родном языке Анны.

— Меня попросили, дай закурить... А я ответил, что я не курица! Девушке как-то сказал, что она длинно и продолговато танцевала.

У колонны, совсем как живая, стояла декоративная снегурочка, внимательно и с любовью поглядывала на людей, движущихся под высокими сводами: и на белых, и на черных, и на китайцев и вьетнамцев, кубинцев и перуанцев. Кажется, абсолютно все обожали доступность и понятность этого праздника. Наверно, это единственный праздник в мире, который не делит людей на расы, национальности, страны и континенты. Около елки нынче пляшет охотный каждый.

«Что еще могло бы объединить людей в их желании никогда не драться и не ссориться друг с другом, не отнимать у кого-то жизнь, хижину, острова?», — обдумывала про себя Анна, но ответа пока не находила.

Бал близился к концу. Серпантин уже устало свисал с ёлки, оркестр расходился. В хвосте удаляющихся музыкантов едва плелся контрабас.

— Когда-то я еще говорил, что весь вечер танцевал, не покладая рук! — еще раз вспомнил Хади некоторые разговорные казусы в свой первый год жизни в Москве.

— С Новым годом! — то и дело поздравляли друг друга студенты. Набившись битком в лифт, чтобы быстрее оказаться на своих этажах, они еще напевали только что проигранные оркестром мелодии. Кабина сразу неслась вверх, оставляя далеко внизу чей-то смех, детский плач и зычную команду дежурной «не сорить!».

В комнате Хади предложил тост за родную страну Анны, потом за свободную и в будущем процветающую Африку, за здоровье всех, кто есть в данную минуту на Земле. Они желали, чтоб нигде в этот момент не воевали, не обижали женщин и детей, чтоб никто не был голодным. И чтоб праздники, вот такие шумные и прекрасные, были у всех.

После каникул перед лекцией к Анне подошел однокурсник и

тихо спросил:

— Я слышал, что негры воняют. Как ты это терпишь?

Совсем недавно этот парень читал на литературном вечере свои стихи, в которых была строчка о том, что «все в мире, как в квартире».

«Пронеси, господи, жить в такой склочной квартире», — думала нынче девушка, с неприязнью поглядывая на странного и недалекого поэта.

Однажды Анна, сидя в гостях у Хади, спросила:

— Почему женщины на твоих фотографиях, мать, сестры, даже маленькие, в платках? У вас очень жарко. И почему бы им не показать красоту своих волос?

— У нас такие обычаи. В мусульманских хрониках говорится, что однажды за ужином друг Пророка Омар возмутился, мол, мы едим рядом с женщинами, наши руки соприкасаются, а ведь между нами должна быть какая-то завеса. Так появилась идея о том, чтобы женщину как-то отодвинуть от Пророка и для этого придумали платок — хиджаб.

— Но это унижительно, — услышав объяснение, возмутилась Анна. — Почему женщину надо куда-то отодвигать? Может в кофур засунуть? Она, что, обезьяна неполноценная? Почему нельзя современному человеку задать религии кое-какие вопросы? Как можно с такими постулатами жить целые столетия? И никто из женщин не восстал против таких установок?

— Нет. Мусульмане к тому же не любят, чтоб их женщинами любовались другие.

— Ах да, ревность... — поморщилась Анна. — Желание так унижить женщину, чтоб на нее никто и не взглянул. Страной у вас управляет диктатура ревности, не так ли? Глянь, какие у меня косы! Зачем мне их прятать? Я никогда не одену платок! Среди лета...

— Согласен! — кивнул Хади и произнес вдруг самое неожиданное:

— У тебя недавно был день рождения. И ты позвала гостей. Сидели мы потом в комнате вдвоем. Почему?

Закусив губы, Анна молча глядела в стену.

— На тебя ведь тоже пытались накинуть платок. Хотя другого рода и в другой форме, — дал неожиданное объяснение недавним событиям юноша и добавил сердито: — У вас тоже свои предсудки. И еще какие! Ваши люди тоже не успевают за временем. Социализм прогрессивен, да, но ваши люди еще его, как Космос, не освоили. Так что воспитывать долгие годы надо еще почти все народы.

Согласившись с правотой выставленных, будто щит, доводов, девушка поднялась со стула. Хади поцеловал ее на прощанье и сказал:

— До встречи! Обдумай, о чем будем спорить завтра...

В этом непостижимом мире все менялось каждый день. О переворотах в той или иной стране Анна узнавала теперь даже не из передач последних известий, а на кухне, на которой то одна девушка из какой-либо арабской страны плакала, когда мыла посуду, то другая.

Вот поникли студентки из Ирака. В их стране расстреляли президента. После этого в Багдаде одна политическая битва за другой, которые устраивала рвущаяся к власти буржуазная партия Баас во главе с ее амбициозным молодым лидером Саддамом Хусейном. В стране теперь непрерывно летели чьи-то головы, то есть, погибали хорошо известные этим девочкам люди, которых они оплакивали взахлеб, даже на кухне с кастрюлями в руках. (Знал бы Саддам, что через полвека линчуют и его).

Иракская поэтесса Вафия-абу Килам, жившая тогда с Анной в соседней комнате, была в растерянности: ей нельзя было теперь возвращаться домой, где нынче сажали и расстреливали коммунистов. Вафия состояла в компартии.

Появился на этаже пятилетний арабский мальчик. Его мама каждый день, каждую минуту ходила в черной одежде в знак траура по своему мужу. Его в родной стране закопали живьем.

Арабчонок быстро освоил русский язык, потому при встрече вежливо спрашивал:

— Тетенька, на каком языке с вами разговаривать: на русском, арабском или английском?

Советские студенты, как правило, без языковой чужестранной среды знавшие лишь родной, были в шоке при встрече с этим маленьким веселым полиглотом. Только мама его никогда не улыбалась.

Погиб в Багдаде вернувшийся на родину аспирант из института Восточных языков Раззак. Студенты столичного университета забастовали, требуя снижения платы за обучение, а преподаватель их поддержал. К Раззаку подошли на улице и спокойно расстреляли в упор. Шестеро детей его остались сиротами.

Мир бурлил, и все как-то недобро, грязно. Хорошо знать, что вот над твоей головой — всегда созвездие Большой Медведицы, где-то неизменно плещется Тихий океан, блестит бирюзой озеро Виктория, и сколько бы поколений на землю не пришло, небесный Ковш будет каждую минуту свисать над планетой. Хорошо знать, что в твоём городе никто не стреляет, даже по ночам.

Не падают под откосы поезда, нет яростных селей, буранов, неожиданных и страшных политических бурь. Значит, у каждого человека есть привязка к вечности Вселенной, точности жизни и четкости почти всех понятий. Значит, в людском созвездии никого не за-

будут, всегда оценят чью-то жизнь и труд.

Глядя на плачущих арабских девочек, согбенно и безрадостно моющих посуду на кухне, Анна думала о том, как трудно вне системы хоть в чем-то реально помочь человеку. Каково это потом в одиночку карабкаться по скользкой и грязной полусфере жизни, ловко сбивая при этом пяткой других? Вот, к примеру, мусульманская полусфера планеты выдавливает из жизни на самую дальнюю обочину своих матерей, дочерей и жен, создавая блага мужчинам за счет рабства женщин. Честно ли это, даже если за подобное нынче еще стоят миллионы?

Так в чем и как найти четкость понятий в реальной жизни, а не в выдумке, даже если она и всеобъемлюща, как религия, которая, к сожалению, обещает правдивость и честность отношений человеческих, политологических и общественных лишь... на небесах? На каком-то... другом свете. Хотя сами проповедники не очень-то спешат к межпланетным тропам в темные холодные сгустки Галактики даже во имя обещанного ими другим миллионлетия! И что может защитить каждую жизнь от бесчестия и подлости чьих-то предрассудков... без каких-либо полков и дивизий?

«Почему своих погибающих соратников в других странах не защищает моя страна?», — всплыла вдруг неожиданная мысль у Анны, и как звезда вечером, начала разгораться ярче и ярче. — Почему никто не боится, что за убитого во время переворота сторонника земных благ для каждого человека на всех пяти континентах, хотя бы кто-нибудь будет наказан?

Прыгающие за окном воробышки взлетели, сели на подоконник, явно подслушивая чужие мысли. Но и они не могли в миг или даже в столетие решить сложнейшие проблемы цивилизации.

Неожиданно покинул Москву Рахман. Его вызвали на родину, чтобы создать первую коммунистическую газету на арабском языке. Компартия поручила ему создать издание, на страницах которого будут писать о бедах дехкан, ремесленников, подсказывать, как справиться с трахомой, как помочь сироте. Восхищаться яхтами и дворцами нуворишей в этом издании не будут.

А Хади вскоре начал писать диплом об отрицательных вероятностях в квантовой механике. Анна исправляла в нем орфографические ошибки. Иногда они отрывались от работы, о чем-то спорили. А потом долгое время в их комнате говорило только... радио.

После защиты диплома роковая черта, которая должна будет отделить их друг от друга, приближалась неумолимо.

О чем думала в эту пору Анна? Она представляла, как через короткое время самолет, на котором полетит Хади домой, взмлет вдруг к рыхлым неровностям облаков, мелькнет над лугом, над поймой, по теплым травам которой когда-то бегала она во время

первой студенческой практики. В середине пути махнет крылом Анатолийскому плато и длинному, узкому, как корыто, морю, названному отчего-то Красным. Потом холодное алюминиевое брюхо машины промчит над первым порогом Нила, над вторым, оставит позади себя поле, воду на которое африканский крестьянин до сих пор качает по старинке, — шадуафом, приспособлением, напоминающем русское «журавля» с противовесом. Тут до сих пор не принят коллективизм, потому и торчит человек на поле одиноким журавлем целыми днями.

Под летной трассой промелькнет древняя столица Нубии — Фас. Когда-то в ее развалинах, как рассказывал Хади, была найдена прекрасная терракотовая ваза с любопытным рисунком — кольцом из десяти только левых глаз. Нынче древний город покоится на дне Нила под сорокаметровой толщей воды. Но ваза с редким рисунком стоит в музее древностей. По мнению суданцев, столько же глаз, левых и правых одновременно, нужно иметь теперь каждому нубийцу, чтобы выжить в родной стране: военная хунта ввела новую поправку в Конституцию — за участие в забастовках — смертная казнь.

— Оставайся у нас! — предложила Анна.

— Зачем? — спросил он, оторвавшись от работы. — Чтобы мне вместо чая подавали мочу?

Ходить по улицам и оглядываться, не ударят ли в спину, не дадут ли по шее в электричке? Задачи вашего правительства меня устраивают, но разве все это принимают? Ваши люди не понимают и не принимают, что к социализму надо подтягивать весь мир. Я же слышу разговоры о том, что мы тут лишние, мы — нахлебники, мол, это поле египетское — зерно потом будет отослано в Египет, а это эфиопское. Я не иждивенец. Я хочу быть на своем месте. У меня — собственная страна. Не хочу, чтоб презирали девушку, которая идет по улице рядом со мной. Мне это невыносимо. Я хочу быть дома, чтобы жить свободно и заниматься своей работой.

Да, от расизма здорово перепадало и Анне. Как-то в лифте в главном корпусе МГУ кто-то ударил ее изо всех сил кулаком в спину. Девушка даже не оглянулась, чтобы Хади не заметил этого оскорбления, дабы не спровоцировать драку, от которой с двадцатого этажа могли бы рухнуть все.

— Кое-что я тебе еще расскажу, — отложил молодой человек страницы своего пока недописанного диплома и поведал: — У нас вокруг Хартума давно нет крокодилов, вывели всех, но тут, откуда ни возьмись, вылез вдруг на берег какой-то очень смелый и пополз по набережной... прямо ко дворцу юстиции. Ну и смеялся в тот день народ, что даже зверье не выдержало порядков и поползло к правительству с протестом.

— Как видишь, мне надо скорее туда...

От воспоминаний о родных краях, наверно, в теплых волнах нежилось сердце Хади. В холодных, и даже ледяных, тонула в это время Анна. Ей вовсе не хотелось расставаться с ним, хотелось удержать его около себя ценою даже какого-нибудь безумного поступка: сорвать бы с неба самолет, преградить путь поезду, огромной скалой возникнуть на пути корабля. Лишь бы всегда видеть его руки, тянущиеся к ее косам.

А что же Хади? На мгновение его взгляд, обращенный к Анне, стал каким-то щемящим, но через минуту... будто ничего не происходило.

Представив, что она для него отнюдь не Галактика, не целый мир и даже не осколок от этого мира, Анна поехала, но взяла себя в руки и через минуту уже казалась спокойной. И Хади рядом был весел, добр, сдержан. А руки его, что так любили мять холодный снег в глубине оврага над Москвой-рекой, вовсе не вздрагивали. От разговора с Анной он не собирался мягчать, ломаться, будто белые чугуны, ровно по краешкам.

— Ну, скажи еще хоть что-то, — молила молча Анна, думая о том, что она собственными глазами видит, ведь вовсе не чужая она ему, не с соседней же лавочки на лекциях...

— Боюсь я за тебя, не выживешь ты у нас, — сказал как-то задумчиво парень и обнял Анну. — Ну, представь...

Арабы любят гулять вечерами по тротуарам вместе с детьми и женами. Перекинутся парой слов с соседом, знакомыми. Спросят о здоровье всех членов семьи. Посплетничают. В любом городке в этой стране повсюду ресторанчики и кафе, но... за столиками только мужчины.

— Шагни ты в кафе одна, тебе стакана воды не подадут.

— Как? Что это за унижение? Это религия такое диктует? Почему у вас женщина вроде как запретный пол, существо из-под полы, хуже рабыни? Да я бы... Я...

— Что?

— Коль вам так не нравятся женщины, я увела бы их всех в другую страну. А нет, так на другой континент. К нам в леса, в тайгу. Бегите тогда за ними тысячи километров!

— Может и на другую планету?

— А что? Вот и живите без нас! Ваш мусульманский мир не достоин своих женщин...

Хади хохотал минут пять, разводил руками, садился на стул, вставал, опускаясь на диван.

— В тебя двух дерущихся крокодилов посадили? У тебя пропеллер впереди? — наконец-то проговорил он. — Да тебя у нас тут же прихлопнут. Поняла теперь, почему я за тебя боюсь? В тебе и во мне — два несовместимых мира, как нам дальше жить?

И на этот вопрос она, окаянная, виноватая лишь в том, что в его

жизни есть, не смогла ответить. Чувствовала только, что любила бы его каждую минуту, а уж тем более — обездоленного, обиженного, все равно же — вдвоем, хоть в мыслях, но вдвоем, и придумала бы, в конце концов, что-нибудь. Шила бы, вязала, учила бы ребятишек русскому языку, писала бы книги, собирала хлопок... Миклухо-Маклай выжил, кажется, в более трудной ситуации.

Словом, Анна по-прежнему за себя не боялась, а он был настоящим мужчиной, тревожился за нее как за ребенка. Через мгновение на теплой ладони парня лежала брошь: из светлой кости какого-то африканского зверя — бегущая по саванне лань.

— Это тебе. Бери. Ты на нее похожа. Такая же стремительная и нежная, — проговорил с грустью он.

В огромном доме в двадцать этажей, главной неприятностью в котором была крикливая комендантша, жизнь Анне казалась в этот момент мелким парным морем: все можно переплыть, перепрыгнуть, уехать куда угодно и пойти куда хочешь. Потому при любом сопротивлении она сжималась как пантера, готовая к яростному натиску, мол, прекрати отказываться от меня, прекрати возводить между нами границы, самые настоящие, государственные, с часовыми, постами и глубочайшими водоразделами. Однако вопросы Хади были так разумны, так оправданы, что у нее мгновенно опускались руки: конечно же, он прав, а она не во всем права: жизнь и впрямь не оставляла им приемлемого хода.

— Какие-то мы с тобой поперечные, целому миру и во всем поперечные! — бросила в сердцах девушка. Обидевшись на весь земной шар, она повернулась к двери и пошла к себе. Через минуту увидела, что за ее спиной шагает Хади. Так они последний месяц непрерывно ходили друг за другом, то он за нею — на север, то она за ним — на юг.

Оставшийся апрель с весенними проталинами пролетел в памяти Анны за несколько минут. Как только из Африки вернулись грачи, Хади защитил диплом о проблемах квантовой механики и купил билет на самолет. В этот же день вспыхнула в оврагах черемуха и засиял вдоль дорог жасмин.

— Возвращайся, — просит Анна. — Мы опять будем кататься на коньках, бегать на лыжах и долбить науку. Только не забывай русский язык, — продолжает она шутливо и добавляет, — а то вновь будешь... облизывать картины с маслом.

Весенний дождь вымыл раkitник, хрупкие ветви ив и экспресс, который шустро бежал к Шереметьевскому аэропорту.

— Береги себя, — просит Анна.

В аэропорту дикторы на многих языках мира объявляли посадки на лайнеры, улетающие во все концы света. И как же интересно было в этом зале! Вокруг сновали женщины в сари, мужчины в

тюрбанах. В длинных шелковых платьях стояли китайки. Проплыло мимо африканское бубу. Ну, тебе музей, двадцатый век в разрезе, словно геологический пласт. За несколько часов тут можно столкнуться с людьми разных рас и наций, вероятно, и многих философских воззрений, скорее всего можно понять сущность всего того, что происходит нынче в мире.

За окнами нарастал гул самолетов, сквозь который с большим трудом до сознания Анны прорвался голос диктора, объявившего о посадке на лайнер, отправлявшийся в далекую Африку.

— Тебе пора, не забывай меня!

Хади привлек Анну к себе и в последнюю минуту тихо вдруг произнес самое для нее желанное и сокровенное:

— Жди меня! Я вернусь... Я непременно вернусь... Мы с тобой не расстанемся.

Анна по инерции еще шептала последние напутствия и не сводила взгляда с Хади, который уже поднимался по лестнице и махал рукой до тех пор, пока не исчез за тонкой стеклянной дверью с надписью «выход». Дверь качнулась за его спиной и замерла.

«Выход из Советского Союза, — подумалось Анне, а следующий вопрос возник поневоле сам: — Что же его там ждет?».

В это время усилился гул моторов на взлетном поле, потом слышался гул самолета. Наконец в небо устремился тонкий ровный звук улетающего лайнера. И лишь тогда Анна поняла всем сердцем сказанное ей несколько минут назад: «Мы с тобой не расстанемся!». Значит-таки «жди»!

И уже виделось девушке: Хади прилетит в такой же синий день. Дождь также вымоет улицы, дома, деревья, и мир будет чистым, прозрачным, как нынче. И вздрогнут веточки Шереметьевского леса от радости тот момент, когда в Москве совершит посадку его самолет.

Через некоторое из далекой Африки пришло письмо. Хади говорил о себе, о том, что он пока каждое утро выходит на поиски работы, а ее нет, оттого он уже член профсоюза безработных.

На стенах домов в городе то и дело встречаются лозунги: «Требuem работу! Работа — основа прогресса.

Еще писал, что очень скучает по Москве, университету и уже чувствует, что его лучшие годы прошли в Москве.

«Когда вечерами приходит друг, мы часто спорим о путях развития нашей страны. Каждый из нас верит, что она все-таки пойдет по пути демократии и прогресса. После его ухода, когда на душе становится пусто, я вынимаю твою фотографию и долго гляжу на тебя. На ней ты такая же милая и веселая. Пока не ясно, — добавлял молодой человек, — когда я вернусь в Москву, ясно одно: я непременно вернусь...».

В ответ Анна написала, что ждет теперь не только его, но и ребенка, а он уже сделал первые успехи: зашевелился на целую неделю раньше. И в этот день солнце подарило ему свое тепло, яблоко — витамины, птицы спели лучшие песни и даже река за окном текла тише, чтобы прислушаться к его только что зародившемуся дыханию. Анна тоже отдает ему лучшее — настроение, чувства, и каждую минуту — думы о нем.

В письме были подробно описаны дорожки, на которых она каждый день теперь дышит свежим воздухом у реки, пролетающие мимо птицы и заблудившиеся на юге Москвы облака.

В ответ лег перед Анной долгожданный конвертик: «рад получить сообщение, что у меня будет наследник! Надеюсь, что это будет самый талантливый в мире малыш и первый свой крик он издаст по-арабски, а слово «мама» скажет по-русски. Ребенок мой, и никаких гвоздей. Все мои чувства с вами!».

В больнице только и разговору, кто как рожал. Жена милиционера Надежда с удовольствием рассказывает, как во время родов намотала на руку халат акушерки, чтобы не отпустить ее от себя ни на минуту. Перед этим позвонила на работу начальнику своего мужа и потребовала, чтобы тот обеспечил в родильный дом телефонный звонок с Петровки.

Досталось на орехи мастеру спорта Татьяне. В трудную для себя минуту она так напряглась, что оторвала железные поручни на каталке. Теперь ее ругают санитарки.

И все очень сердятся на Кумари из Индии. Во время родов она скандалила больше всех и даже била акушерку ногой, чтобы та не вздумала приблизиться к ней. Роженица — чужестранка, к тому же из высшей касты, потому роды, с ее точки зрения, имеет право принимать у нее только... главный врач.

Но все эти предродовые трудности уже позади, на руке каждой женщины — крошечный браслетик с номером и датой рождения ребенка. Заходит няня, выкрикивает имя Кумари и подносит ей огромные розы в метр длиной. Надежда получает банку с черной икрой. Татьяне передали гвоздики.

— К вам пришла Ира, — наклонилась над Анной няня, — что передать?

Анна ничего не может передать. Горло ее сдавлено и слезы, как градины, щелкают по лицу, рукам, одеялу.

— Ничего не надо передавать, — с трудом выдавливает она. — Не надо цветов. Он умер, мой мальчик.

Тут она заметила браслетик из клеенки и марлевых тесемок, который уже не обозначает того, что на нем написано — ни имени ребенка, ни его будущей жизни, заметила его, бестолково болтающийся на руке, осторожно развязала и положила на тумбочку.

Остальные роженицы в белых косыночках, обладательницы на земле самого заветного, виновато прячут глаза кто куда. Они проскочили, удачно прорвались сквозь все трудности, а вот Анна...

— Устала, — сказала она акушерке, потому что уже целые сутки лежит в предродовой, желая в эту минуту одного: хоть бы часок вздремнуть.

В палату приходят женщины одна, другая, третья, охают, кричат, вскоре исчезают за таинственной дверью. Кроме ее одной.

На Шаболовке в этот день опробовали воздействие наркоза на женщин во время родов и акушерка, желая помочь писавшему диссертацию будущему медицинскому светиле, сказала Анне.

— Дам я вам наркоз. Часок поспите, а потом рожать...

И чтоб никто не мешал, отвела роженицу в дальнюю палату. Но вскоре кончились часы работы у этой акушерки, а следующая, возможно, и не знала, что в дальнем углу коридора уже рождается чья-то трагедия.

Анна спала как бизон, целых шесть часов, как большой тупой мамонт, уснувший на века в вечной мерзлоте, а иначе как понять, почему она лишилась вдруг чуткости, почему не услышала, как один на один бьется за жизнь ее ребенок, что ему плохо, он задыхается и умирает?

Охнув, акушерка схватила его за ножки, подняла вниз головой, шлепнула по золотистой попке.

Мальчишка молчал. Ему дали еще порцию шлепков, подбежали с огромным шприцем и он, очнувшись, наконец-то засипел. Не закричал, не загорланил, а засипел: ему слишком долго не помогали, когда он шел к людям, забывчивым и не всегда добросовестным.

— Ребенок очень тяжелый, — наконец-то проговорила акушерка, и беда опять начала вползать в его жизнь: побежали за кислородной подушкой, кинулись к тазу с водой.

Мальчишка мучительно сипел в детской еще одни сутки, потом зашла в палату медсестра и сказала Анне, что спасти его негуманно, мол, врачи сделали все.

— Что же вы натворили! — подняв голову с подушки, выкрикнула Анна. — Если бы вы знали, что вы натворили!..

Она упала на подушку и забилась в истощном страшном крике.

— Что вы так переживаете, еще же родите! — как-то некстати и совсем неудачно проговорила нянечка около скорчившейся от страданий Анны, которую ломало от боли, что вот она, будущая мать, отмерила своему ребенку жизни столько, что целому македонскому войску хватит. Включила в его бесконечные дни путешествие на Гаити, Яву, уйму талантливых книг на его полку уже поставила — Бальзака, Сартра, Толстого... Изучи все, но выбери только доброе отношение к людям... Придет твой час, полюби синеюкую... И никогда не обижай...

Вместо этого у сына — лишь один закат и несколько лучей солнца на пылающих яростным багрянцем кленовых листьях.

— Уйдите! Немедленно уйдите! За такую работу вам руки перебить надо! — кричала Анна. Но медсестра, эта бедолага, отвечающая в эту минуту за чужую неряшливую работу, стояла за ее плечом и стояла, будто догадывалась, что боль эта будет кричать в душе Анны целую жизнь. Как вскоре начнет биться и другая, почему письма из Африки перестали приходить в Москву даже на слонах? Неужели ее из жизни Хади развеяли ветры, выполоскали дожди, уже занесло песками?

Впрочем... Если два человека не смогли толком встретиться, какие претензии могут быть ко всему человечеству? Люди и впрямь заточены в свое время и на большее не способны. Даже они с Хади не смогли перелететь через свою эпоху, чтобы попасть в какой-то неведомый, но очень добрый и человечный по отношению к ним мир. Так что отрицательные вероятности бывают не только в квантовой механике.

Катастрофа — это не только тогда, когда падают с колеи поезда, но и когда катится под откос душа. Одна единственная. Обычная человеческая душа. Вовсе не заметная для других. Катится, путается в траве, ищет какие-то корни, чтоб уцепиться, спастись, но как это получится, если так далеко улетает от тебя вся прежняя жизнь. Что же тут можно найти?

Вроде еще мерцает над головой по ночам Большая Медведица. Замирая на перекатах, по-обычному не очень-то спешит к морю река, вновь сияют на клумбе ромашки... Но все вокруг тебя какое-то чужое, все не то. И не для твоего настроения эти цветы, не для твоего нового хода жизни прежние радости.

Хилый, корявый росток, мало радующий других... Вот такой даже себе виделась нынче Анна.

Возможно, виделась она теперь такой и другим: вдруг перестал здороваться в коридорах физик Мухаммед. Высоко подняв голову, он величественно и спокойно, будто верблюд, проплывал мимо. Любимчик университетской дирекции мгновенно решил для себя, что знакомство с нею ему теперь ни к чему, потому Анна общалась нынче с этим аспирантом на страницах его только что изданной книги. В ней он писал о том, как хорошо живется иностранным студентам в Союзе, а лично он просто обожает советских людей.

Ловким незаметным ужом проскальзывал мимо Анны и Халим.

Но Рая, девушка философа Фарука, сама напросилась в гости. И заплакала, как только оказалась на стуле.

— Что случилось, где Фарук?

Рая долго сидела в обнимку с сахарницей.

— Понимаешь, — наконец-то заговорила она, — мы расстались.

— Как так?

Высокий красивый парень с яркими, как у газели глазами, мгновенно встал перед глазами Анны.

— Да, он сказал, что с женщиной своей национальности ему будет лучше. Сказал, что европейские женщины очень вольные.

— В общем, вернулся в каменный век, — с юмором заметила Анна.

— Не совсем так, — вытирая слезы, возразила Рая. — Начал утверждать, что я не буду его ждать, когда он окажется в тюрьме. Бойтся, что я буду ему неверной.

— Заранее испугался?

— Выходит, что так. Как будто для него, революционера, женитьба на иностранке — это авантюризм в любви. Встречаться — не авантюризм. Остальное, видите ли, афера. Теперь однокурсники надо мною смеются, мол, что, шлюха для черного, получила от него же по морде?

Что могла ответить Анна? Что могла противопоставить такому шовинизму в личных делах? Как возразить против бессовестных железобетонных аргументов парня с феодальным мышлением? Неужели и впрямь бывает в личной жизни пещерный век?

— Может, не любил?

— Не знаю.

Анна и Рая пригорюнились. Жаль, что в этот момент не было рядом с ними Стендаля с его острой мыслью во взоре, чтобы писательским взглядом окинуть бы ситуацию и написать еще одну главу для нового романа «Белое и черное». В которой бы отметить, как чернокожий юноша свое обычное личное предательство выдает чуть ли не за подвиг. Как привыкшие встречать неприятности по отношению к себе в другой стране, эти парни сами беззастенчиво причиняют уйму боли тем, кто их полюбил, принял, помог во всем, в чем только мог.

Понимают ли они, что расизм, который обрушивается на них в других странах, обрушивается и на головы их возлюбленных? И за что девчонкам такое терпеть в одиночку, когда с ними и любимые поступают не по-людски? Ладно бы, когда одна беда на двоих, это хоть как-то, но одолеть можно, но за что им, хрупким, беззащитным, нежным и очень честным по отношению к своим избранникам, платить за расизм уже и после разлуки?

Если Рая была для Фарука лишь сезонным листком на ветке, обреченным в нужный для него момент упасть на землю, под чужие ботинки, стоило ли ему тогда, будь он предельно честным человеком, вступать в такие сложные и трудные для обоих отношения? Значит, парень бессовестно использовал чужую жизнь, загодя уже ведая о том, какую беду он потом принесет девушке.

«Может, и правы были мои однокурсники, когда прислали мне

черную метку? — обдумывала Анна уже совсем иной ракурс той же ситуации. — Может они заботились обо мне, вот так просто, по племенному, на примитивном уровне, мол, это наше, не трогай?».

Тогда выходит, что права и обоюдная беспардонность. Тогда правы те, кто делит людей на белых и черных, бедных или богатых, сильных и слабых. Тогда можно жить без идеалов и бунт, в противовес Сартру, не всегда прав? Можно, выходит, приняться к любому свинству, что и делало человечество в расовых вопросах много веков. Не совсем смиренно, конечно, но жило ведь как-то. Жило, как получалось, без какого-либо уважения к Копернику, Джордано Бруно, к изобретателю Тесле, который первым на земле подал постоянное электричество в дома, а банкир Морган вышвырнул физика из офиса и разорил его лишь за то, что ученый хотел продолжать свои опыты по беспроводной передаче энергии на далекие расстояния.

А за что убили Мартина Лютера Кинга? За идеалы же...

Но без них как бы все жили на планете? Любовались бы намордниками религиозных средневековых палачей, летящими ордами Чингис-хана, марширующими эсэсовцами?

В страницу Истории Анна навсегда вписала бы свой постулат: без идеалов — не жить. Ни утром, ни вечером. Ни в нашем веке, ни через десять веков. Ни в море, ни в поле. Без идеалов любой простор окажется склочной кухней или местом для побоища во имя чужой алчности и зависти. Без идеалов человечество — просто помойка. В лучшем случае. В худшем — нагло поднесенный к подбородку кольт. И на знамени каждой жизни должен быть вписан признанный всем человечеством идеал — светлого отношения к другому.

— Не огорчайся, — сказала Анна на прощанье подруге. — Не знаю, что случилось у меня, такой ли это случай? Но тебе явно не повезло, явно не тот человек встретился. Можем успокоиться пока на одном: у нас учились не только предатели. Слышала что-нибудь о Рахмане?

И напомнила: Рахман вновь прилетел в Россию, тайком, через три границы, потому что жил в это время не у себя на родине, а по заданию партии — в чужой стране. Но когда он узнал, что его Лена родила сына, тут же оказался в Москве, и они уже втроем вылетели к нему на родину.

Для Раи ничего из прежней жизни уже не имело значения. Она в этот момент вырывала из себя свои чувства, будто дикую яркую лилию, прямо с корнями, вплоть до мельчайших ее нитей, которые обычно не летят за стеблем, а остаются в почве, чтобы дать жизнь еще какому-нибудь ростку. Но какие могли быть тут ростки, если вчера Фарука уже видели с другой девушкой? Родом из той же страны, что и он сам.

Поговорив немного о деревенском житье-бытье, Рая работала директором сельского Дворца культуры и приезжала в МГУ на сессии, она попрощалась и, словно птица с растерзанным крылом, медленно вышла в коридор. Больше ее в МГУ не видели. Зато каждый день на лестничных маршах встречался Анне Фарук со своей молодой женой.

Не общаясь с девушкой ни одного дня, он женился на своей соотечественнице, студентке из медицинского института. И когда шел рядом с Фатхией, все видели, как он, приотстав на шаг, любуется фигурой своей статной чернокожей жены, с удовольствием разглядывает ее платье, руки, локти. Вскоре у них родился ребенок. И Фарук с удовольствием теперь носил картошку, стирал белье, гладил пеленки. Прошлое в его жизни, будто обмелевший пруд, затянулось мгновенно.

Студенческие годы закончились. Анне тоже выпадала иная жизнь. Жить ведь приходится всегда, даже когда твои идеалы утонули, будто железки в пруду. Горе, как островок, обходить как-то надо. Потому она — в районной газете.

По ночным улицам городка бродили стреноженные лошади, щипая густую траву у обочин. Каждый житель имел тут большой сад или огород, где проводил на воздухе почти все свободное время. О засохших отмирающих цветах огурцов люди говорили так долго, что этому посвящали долгие часы у колонки, а сводка погоды — похолодание или надвигающиеся заморозки — вызывала столько же волнения, сколько прежде сводки с военных фронтов.

Потихоньку Анна начала проникаться жизнью городка. Ей нравились луга, начинавшиеся прямо за домами, нравился темневший неподалеку лес. Если ветер дул от него, до городка доносилось слабое кукованье. Оно повторялось несколько раз, потом терялось в высоких соснах. Воскресенье выпадало солнечным — обитатели поселка торопились в лес за ягодой, позднее за грибами. Попробовав жаренку из белых, новая жительница этого поселка также стала интересоваться сводкой погоды, будто новостями с боевого фронта.

Иногда всплывала в памяти Анны студенческая жизнь, и тогда она прикидывала, почему нельзя в обменном бюро преисподней поменять государства территориями, чтобы придвинуть Нубию ближе к России, и хоть с пика Коммунизма увидеть бы то, что происходит в Судане, жив ли Хади, занимается ли уравнениями Шредингера, рассказывает ли на своих лекциях о холодных просторах России, о церквушке у края обрыва над рекой, недалеко от которой цветные вагончики метро так и бегают над сизым от дымки оврагом?

«А вспоминает ли он меня?», — холодело в такие минуты под

сердцем у Анны, потом огромным валом поднималось чувство досады на то, что не сумел он одолеть-таки свою долю борьбы за их совместное будущее, видимо, так и не поняв, что их привязанность друг к другу и есть лучшее в его жизни.

И на одном дыхании, буквально за полчаса, легли в блокнот Анны стихи.

Я думала, что ты — Звезда,
А ты как легкая комета,
Умчался к вечности
 быстрее ветра,
И уж на наши белые снега,
Наверно, не вернешься никогда.

Тебя любой поймет:
В чужой земле оставлена
 такая малость,
Забывтой птицей
 женщина живет,
Дарить которой ты хотел
 лишь радость.
Но жизнь сильнее мечты,
От нелюбимых дети крепче.
Живется с ними легче на земле.
Но почему душа твоя
 в чужих аэропортах
От говора российского — трепещет?

Чего ж глядишь ты
 грустно вслед
Спешащим к самолету русским?
Той женщины среди них нет.
И все, что ей не сказано годами
Опять останется в тебе,
 Как в саркофаге душном.

Наступила зима. Дикая и метельная она была как никогда. Вьюги оборвали на столбах провода, накрыли ледяной толстой коркой водопроводы.

Покупая хлеб в магазинах, женщины из окрестных деревень тяжело вздыхали:

— Летошний год озимые погibli. Что будем делать, чем скот на фермах кормить? Опять повысим надои разговорами, а не сеном.

Сани, в которых эти милые, закутанные в огромные платки женщины, отправлялись по своим деревням, трудно и медленно двигались сквозь пургу, густые тяжелые леса, надолго замирали перед

крутыми лобастыми склонами.

Через три полнолуния в том же магазине слышалось иное:

— Ай да ну, как хорошо у нас на пригорках» Ветреницы, хохлатки появились. День ото дня ближе к севу. Не упустить бы нужные сроки. Работы много, озимь и впрямь вся погибла.

В полях, уже черневших за поймой, вскоре замельтешили сеялки, вновь кидая в борозды семена, а теплые лучи спешили прорезать жизнь каждой новой былинке.

Однажды Анна шла по полю с агрономом. Оглядев густую сочную зелень у ног, он сказал:

— Вот и найдется теперь чем кормить наших буренок. Засеяли нынче поле суданской травой, а поднялась как у себя дома.

— Суданской травой? — изумленно спросила Анна и наклонилась к светлым метелкам растений, родиной которых была далекая, далекая Нубия!

Какой же волнующей была эта встреча! Она разглядывала стебли с нежностью, будто руки любимого. Даже отступила на шаг, чтобы лучше видеть. Потом с гневом отвернулась: чего вспоминать, когда все сгнуло?

Но не выдержала, рассердилась на свой же гнев, присела на корточки перед этой таинственной, крепкой и мощной травой.

— Да очнитесь же! — напомнил о себе агроном. — Я ничего особенного не сказал. Это обычная тимофеевка.

— Конечно, ничего особенного! — спокойно ответила Анна, уже поняв, что на чужой земле пока что легко приживаются только травы. — «А вот люди... Все у них почему-то сложнее».

«Видимо, опять в МГУ суданские студенты в испуге приникли к радиоприемникам, — поняла Анна, когда увидела на своем рабочем столе газету «Правда», а в ней сообщение о том, то в Судане нынче случился переворот.

«Леворадикальные офицеры, — сообщала газета, — сместили в стране президента, взяли власть в свои руки».

В комнату вошел заведующий отделом, материалы которого, есть в сельпо мыло, спички, ткани, пряники или нет, всегда кончались одной фразой: «Итоги радуют».

— Чего сидишь, дуй в командировку! Двести строк за тобой в номер... Ты уже должна быть на пути «из варяг в греки». Зарисовку о людях привези!

На всхолмленной большой равнине ели смотрят как забытый с древних времен дозор. Ильмень-озеро, густо-синяя чаша, живет в нем особый судак, ильменский. Такой у рыбаков с Новгородчины во все века и везде покупали мгновенно.

Озеро мелькнуло через два часа. Учебники географии рассказывают, что около пятидесяти рек — Мста, Ловоть, Пола — в него

впадают и лишь одна вытекает.

Водителю автобуса хочется что-то нынче поработать и экскурсоводом.

— Перед нами строение мужского монастыря, — не отрываясь от руля, рассказывал он.

Анна с гневом отвернулась от этих стен. Что же там за жизнь была, коли людям приходилось десятилетиями изображать себя бесполоыми никчемными существами, когда не погладить собственного ребенка, не обнять женщину? Для чего тогда дается жизнь, если от нее во имя подобного «ничего» отрезать добровольно еще огромные ломти? Жизнь превратила Анну в такое же бесполое существо, поэтому она понимала, какой жизнью жили за этими стенами мужчины. Но добровольно, такое, за что?..

— Существует легенда, что большие деньги на содержание этого монастыря отпускала московская княгиня, — охотно рассказывал добровольный гид.

Пассажиры, кажется, сквозь уши пропускают фамилию добродетельной женщины. Лесная чаща побоку так манит, что всем, кажется, хочется удрать к ее холодным низинкам, опустить бы руки в приозерные лужицы, в которых купаются нынче облака и над которыми летят трели птиц.

— Не буду я сидеть с внуками, — охотно поведала Анне ее соседка, Дина Григорьевна, — для себя пожить хочу.

Водитель еще раз отрывает дремлющих граждан от их полусонных дум.

— Но однажды княгиня не согласилась в чем-то с обитателями монастыря, — бубнил уже давно накатанный текст водитель. Из-за монотонности речи его уже мало кто слушает.

— Я только что на пенсию вышла, чего мне с ними сидеть? Я всю жизнь много работала — не прекращала свою исповедь соседка.

Анна не удержалась от нотаций.

— В санатории ездили? Кто-то ведь и завод для вас построил, чтобы вы ни одного дня не сидели без работы. Кто-то поликлиники создавал, ну и отдайте в ответ должное хотя бы внукам...

— Ни за что! У меня невестка — дрянь!

— Но внуки-то самые любимые.

— Не уговаривайте, не буду...

Водитель повысил голос:

— И монахи ее, живую, замуровали в стене. Вот в этой.

— Как? — возмущенно вскрикнула Дина Григорьевна и поднялась в кресле. — В этой стене? Живую? Вот хулиганы! За ее же деньги... Не на меня нарвались, я бы заставила их мочалу жевать.

И вот, не жалея реальных, ныне живущих внуков, она жалеет мифическую княгиню из прошлого, чем-то напоминая собою ис-

точник, в который на протяжении длинной жизни много чего вливалось, а под конец — ни одного истока не изливается даже для внуков.

«Вот тебе и Дина Григорьевна... Такая же эгоистка, как и монахи».

— Ты что привезла? — возмутился редактор. — Мне о тружениках надо, о мужественных людях... А ты о какой-то полоумной бабке.

— Нужно лишь «Итоги радуют»?

— Ну...

На столе заведующего отделом лежала центральная газета. Наклонившись над нею, Анна увидела на первой полосе — портрет секретаря Суданской компартии Махджуба. С петлей на шее.

«Казнили все-таки казнили. Такого человека... За что?», — в ужасе спросила она себя и опустила руки.

— А если они, итоги эти, не совсем радуют? — тихо спросила Анна своего коллегу, но спросила, конечно же, только себя. Кого в этом райцентре могли интересовать проблемы очень далекой африканской страны?

С ужасом на лице читала она репортаж о том, что в Судане — полнейший развал экономики, почти все заработанное страной уходит на оплату лишь процентов от займов, взятых в западных банках. В стране невозможно найти работу, взметнулись цены, и такое простенькое в Африке лакомство, как бананы, становится для детей недоступным, потому что прекратился подвоз продуктов в города. Президент же провозгласил в стране однопартийную систему и разорвал с коммунистами, которые требовали создать правительство «народного фронта», в котором все партии пользовались бы равными правами. Вскоре легальное руководство Суданской компартии было арестовано.

Тогда люди вышли на улицы. Офицеры захватили дворец и президента, который потратил двести миллионов долларов на закупку американских танков. Но от кого и от чего защищаться в стране двух Нилов танками? От личинок шистоматоза в речной воде, от суховея? В долинах срочно нужна ирригация, иначе любая засуха разъединит людей и по одному уведет в смерть.

— Мы как были, так и остались рабами! — вещали с трибуны ораторы. — Только гонят нас теперь по пыльным дорогам экономическими плетями. Вы хотите быть рабами и дальше? Хотите опять в собственной стране жить как за печкой?

— Нет! — кричали люди в ответ.

Ораторы говорили правду, но в очень далеких, донельзя сытых, олигархических кругах планеты решили иначе. В результате... президент чужой страны — Анвар Садат — бросил на Хартум военный десант. Парашютисты, не имеющие никакого отношения к Судану, их предки испокон веков жили в нижнем течении Нила, с воз-

духа расстреливали восставших. Их убивали даже в водах реки. Также безжалостно, придет время, на центральной площади Египта будет расстрелян на глазах всего народа и Анвар Садат.

В эти же дни отличился и молодой полковник Муаммар Каддафи. Узнав, что в самолете над Ливией в районе Бенгази летят из Лондона лидеры Суданского восстания Бабикер ан-Нур и член совета майор Хамадалла, он распорядился посадить самолет. Ливийский диспетчер передал на борт, что если лайнер не совершит посадку, то будет сбит. Самолет имел возможность за пять минут исчезнуть из пространства Ливии, но пилот почему-то совершил посадку.

Пленники понимали, что прекращение полета может стоить им жизни, но, как сообщили газеты, не могли удержаться от шутки, мол, хорошо бы выпить до посадки еще одну порцию виски — ведь в Ливии сухой закон.

После посадки лайнера руководителей восстания Ан-Нур и Хамадаллу арестовали. Лидер Ливийской революции Муаммар Каддафи, молодой храбрый офицер, козырнув в приветствии Западу, преподнес беглецам свою чашу с цикутой: депортировал их в Судан в наручниках.

Казнили Махджуба, секретаря Суданской компартии, несмотря на обращение Брежнева, на рассвете во дворе тюрьмы, на глазах всех заключенных, которые в эту минуту клокотали яростью, рвали решетки на окнах, кричали от возмущения, пели Интернационал.

Казнили Махджуба в тот день, когда его младшему сыну исполнился год. Президент Нимейри нарочно выбрал этот день, чтоб навсегда отравить жизнь семье покойного, чтоб сын никогда не мог отметить свой день рождения.

Суданских левых, которых сдал Нимейри ретивый Каддафи, повесили в этот же день.

Многих коммунистов в Судане в 1971 году даже не бросали в тюрьмы. Их убивали в квартирах, на улицах, во дворах, на глазах родственников и детей. Жены погибших с детьми на руках убежали в деревни, в джунгли, в пустыню. Их находили и в песках, где до смерти забивали и беременных.

И тогда оставшееся в подполье руководство партии бросило клич: — Не прятаться! Всем выходить на широкие улицы. Под ярким солнцем на глазах сотен людей убивать будут меньше. Надо заставить Нимейри бросать коммунистов в тюрьмы. Пусть с вас берут подписки, что вы больше не будете заниматься политикой. Подписывайтесь. Мы уйдем в подполье. Партия должна перехитрить врага.

Компартия, действительно, перехитрила врага и этой уловкой спасла жизни многим.

Капитал, мерзкое мировое закулисье, объединился тогда в еди-

ном порыве не терять ни цента от доходов ни в одной точке земли. Капитал хрустел людскими ребрами по всей планете как хотел. Какова реакция Советского Союза на это? Ведь жертв тут было куда больше, чем в Чили. В ответ — лишь заявление ТАСС.

Капитал вешал, расстреливал своих противников по всему свету, а советская дипломатия ни одного своего соратника ни в одной точке земли не защитила. Лишь кое-где показала пальцы в растопырку, да слегка постукала ботинком по трибуне ООН. И то какой шок был у недругов лишь от одного этого тычка! А если бы еще прислали флотилию?..

В столичном издании, куда перебралась из районной газеты Анна, ей сказали то же, что и в прежней.

— Нужен материал о тружениках, о мужественных людях.

Но добавили то, что никогда не произнесут в малой газете:

— Хочешь в Заполярье?

— Еще бы!

В городе, где «олень держит на рогах день», на широте Полярного круга, в гостинице Салехарда ненец Лэми Худи с удовольствием болтал с Анной.

— И живут тут налим, щекур, муксун, — охотно загибал он пальцы, — сырок, язь, горностаи, лисицы, песцы, медведи, осетр. Самые жирные на земле собаки. Котят иногда на рукавицы держим. Живет еще гусь. У меня дикий гусь с собакой оленей загоняют. Прижился Васька у моего чума.

Наконец-то Лэми Худи утомился от собственной скороговорки.

— Тебе куда ехать? В Панаевск? Тогда вместе едем...

— Это далеко?

— Ну, как до Шанхая пешком. Одинаково.

От таких расстаний Анна чуть было не шлепнулась на пол.

— Значит, к Валентине едешь!

— Кто такая Валентина?

Лэми Худи вытащил трубку из рта и изумленно уставился на гостью.

— Не знаешь, однако?

Он порывлся в карманах, вытащил какую-то бумажонку.

— Вот гляди!

— Что? — не поняла Анна.

— Подпись, однако. Валентина — директор совхоза. У нас миллион триста гектаров пастбищ. Представляешь? А я оленевод...

Ночью солнце гуляло по Салехарду, как днем, и мало кто в разгар лета тут спит как в центральной России.

— Завтракала? — спросил Лэми Худи.

Он открыл чемодан, кинул на постель майки, трусы, достал огромную рыбину, порезал, лучшие куски сунул Анне.

— Ешь, твоя держаться надо. «Аннушка» плохой самолет. Я

приехал за дочкой, наши дети часто в лесной санаторной школе живут. Сейчас отвезу ее в тундру. Ты, наверно, врач? Едешь проверять наших людей?

Конечно же, Анна кивнула в знак согласия и залюбовалась девочкой, которая сидела на койке. Тоненькая, с косичками, с умными глазами, девочка охорашивалась перед крошечным зеркальцем, застегнув в волосы ярко-красную заколку.

— Как тебя зовут?

— Майяне

— В каком классе учишься?

— В седьмом.

— Книжки любишь?

Девочка вытащила из сумки «Айвенго», рассказала о простом парне, который на охоте отморозил ноги, таких несчастных у северных народов прежде отстреливали, чтоб не висел на шее. Но благодаря тому, что везде в стране уже были открыты школы, парень выучился и стал капитаном судна.

— Пора к самолету! — скомандовал Лэми Худи и быстро пошел вперед.

«Аннушка» действительно изводила своих пассажиров, то и дело ныряя к каждому озерку, будто хотела понюхать все ромашки на земле.

— Держись, еще полчаса! — подбодрил неопытную пассажирку ненец.

— Прилетели? Наконец-то Панаевск?

— Ты что? — воскликнул Лэми Худи. — Это Яр-Сале пока что. Вон звероферма, большие деревья. Дальше на Харасавее ни одного дерева. Оленевод, чтоб чай подогреть, черный мох в огонек подкладывает. Вон райком, видишь?

— Вижу, — сердито буркнула гостья, потому что этот райцентр и впрямь с другим не спутаешь: дома на сваях, дорога — широкий деревянный настил — тоже на сваях. Под настилом плюхает зеленая жижа.

— И захоронения наши, однако, на сваях, — добавил ненец, кивнув на горку, на которой возвышалось скопление каких-то длинных ящиков. — Вечная мерзлота, — вздохнул Лэми Худи, — Со всем не хочет человека эта земля, ни живого, ни мертвого.

— Панаевск где? — спросила нетерпеливо Анна.

Ненец молчал, прислонив ладонь ко лбу, что-то высматривая вдали. Вместо него ответила Майяне:

— Еще плыть на катере надо. Отец верно сказал: как до Шанхая пешком. На пристань пойдём сейчас, там должен быть почтовый катер «Связь-7».

— Да, капитан Петелин. С ним мы и доплывем.

Но на катере из трюма неслась веселая музыка.

— Плохо дело, — испуганно сел на камень Лэми Худи. — Капитан гуляет. Банка пьет. Теперь сутки, чертяка, гуляет. Надо ключ везде искать.

— Какой ключ, папа?

Лэми Худи показал, мол, к душе капитана надо искать ключ.

Анна и девочка подошли вплотную к прохладной, не замутненной воде, в которую даже летом руки не опустишь, ноги — тем более побережешь, заледенеют тут же.

— Александр Васильевич! — крикнул Лэми Худи.

Из трюма катера, так что колыхались вокруг травы, по-прежнему неслась музыка. Потом из него вылезли веселые подвыпившие бородачи, спрыгнули на дебаркадер, и, махнув капитану на прощанье, двинули в сторону города.

— Александр Васильевич, — вновь обратился ненец к оставшемуся на палубе мужчине, который стоял на холодных досках босиком.

— Когда Лэми Худи один, он может ждать, пока капитан банка пьет. Но Майяне ждать не может, она по матери скучает. Зачем бродяга у тебя семь раз Байкал переходит, он уже запутался, на каком берегу, однако, бегаешь?

На берегу летало столько комаров, что отделаться от них можно было только авиационным пропеллером. Анна хотела спросить о чем-то девочку, но мгновенно ворвавшееся в глотку целое полчище мошек заставило умолкнуть ее надолго.

— Александр Васильевич, — напомнил о себе вежливо Худи, — хочешь, я тебе на борт почту загрузу, вон курьер едет...

Капитан резво махнул рукой, мол, давай быстрее. Тюки и сумки пять минут ловко летали с машины на борт, и пока курьер подписывал с капитаном документы о том, что почта сдана, Лэми Худи тихонько напевал себе под нос песенку на стихи местного поэта Лапсуя: «я зайчонок кувыркался вокруг чума твоего»...

— У тебя тоже зайчонок уже семь раз вокруг чума перекувыркнулся, не надоело? — усмехнулся речник и пригласил всех на судно — жду, сударыни, пожалуйста, быстрее... Сейчас поплывем.

— На Севере порядок нужен, — согласился он и подтвердил: — Не переживай, папаша, скоро будем в Панаевске, языком оленьим после забоя угостишь как-нибудь?

Катерок охотно сорвался с места и рванул на середину реки.

— Петелин чего гуляет? — спросил себя моряк и отчитался. — Петелин дом в Ханты-Мансийске купил, вот и гуляет Александр Васильевич от души. Скоро службу закончу, на юг уеду.

Суденышко долго мчалось мимо плоских, заросших тальником берегов.

— В прошлый раз лось прямо перед нашим носом переплыл, — рассказывала Майяне Анне. — Вон видите, белуха идет, фонтанчики пускает.

— Да, целый косяк идет, — заворчал ее отец. — Жаль, сетей нет. Проводив жадным взглядом косяк, ненец вдруг спросил гостью:

— Не обманываешь меня? Вдруг ты едешь плохую бумагу писать.

— Зачем плохую? Совхоз у вас хороший, много оленины даете, рыбы...

— О, да! — оживился ненец, начав опять перечислять: — И живут тут налим, щекур, гагара...

— Что вы все о налиме, о щекуре? О людях лучше расскажите... — взмолилась Анна, вспомнив наконец-то о своих профессиональных обязанностях.

Ненец в ответ махнул рукой, отреагировал по-своему:

— Одни Окоттето живут и Лапсуй. Фамилии Худи мало.

Затянувшись трубкой, он вдруг предложил:

— Хочешь, анекдот расскажу? От тундрового ненца услышишь.

— Есть еще и другие ненцы? — поинтересовалась Анна.

— Лесные еще есть, — объяснила Майяне.

— Детей у вас, наверно, в чумах много...

— Детей? Ну, да, а где их мало? — переспросил отец Майяне и вдруг как-то легкомысленно подмигнул.

— Представляешь, сидит Окоттэто в чуме, вокруг его ребятишки ползают, бегают, кричат. На железной печке у хозяина котел с водой греется. Окоттэто, он ведь у нас в совхозе лентяй, лежит на шкуре оленя и думает. Знаешь, о чем думает? «Чи этих детей помыть, чи новых завести?».

Майяне опустила смущенно глаза, а родитель ее хохочет на весь катер.

— Вон Панаевск! — показала на мыс девочка.

— Наконец-то, — обрадовалась Анна.

— Зачем наконец-то? — прервал ее оленевод. — Еще два часа до мыса плыть, потом лодку ждать, потом моя твоя и Майяне на руках до берега несет. Чтоб ноги не замочить. Потом моя — твоя — в гости зовет!

Девчонка на берегу вначале обнялась со щенком, потом с огромной собакой, редкого в России палево-каштанового окраса. А за домами повисла на шее ожидающей ее матери.

— Вот и чум наш! — воскликнул Лэми Худи и посадил Анну как почетного гостя на шкуру белого оленя. Жена поставила у ее ног белый низенький столик.

— В квартире ремонт, — объяснила она гостье. — Летом в ней жарко. Чум лучше, прохладнее.

Как защита от комаров, у входа медленно дымится в ведерке мох и тонкая струйка вьется вокруг яранги.

Жена хозяина — Воттани Худи с удовольствием общается с Анной.

— В совхозе у нас ой как много оленей, — рассказывает она. — Но их было больше.

— А в чем дело?

Хозяйка недовольно качает головой.

— В тундру газавики, нефтяники пришли. Трубы кладут. Нефть горячая, зимой трубы рвет, земля под ними расползается.

Она подала на стол селедку, только вчера выловленную в реке и за сутки превратившаяся во вкуснейшую малосолку, уху из стерляди.

— В ноябре к нам прилетай, — предложила Воттани Анне. — В ноябре у нас забой, увидишь, какой у нас олень.

Гостья поежилась, представила, как она при этом замерзнет.

— Какой замерзнешь? — поняла ее жена Худи. — У нас в ноябре погода ясная, мороз трещит, звезды сверкают, сыплют так, хоть колючки собирай.

— А буран...

— Что буран? Тогда рой снег глубже, ложись на шкуру оленя. Через три дня погода ясная.

— Три дня в снегу? — охнула Анна.

— Бывает и семь. Но у нас никто еще не замерз. Одежда из оленя хорошая, еда из оленя хорошая. Чего еще надо? У нас Валя вон как живет! Она сама оленей вместе с нами кослала.

Услышав шаги на тропе, Вотанни выглянула из чума и с радостью произнесла:

— Вон сама Валя идет.

На пороге уже стояла высокая кареглазая русская женщина.

— Где самая маленькая? — спросила она. — Я Насте букварь принесла.

Хозяйка подала тайком Анне знак, мол, видишь, какая наша гостя статная, в кино бы ее снимать.

В чум вбежала семилетняя девочка, бросилась к Вале на шею и горячо обняла ее.

— Пойдешь нынче, Настюша, в первый класс? Или я прилечу в тундру, а ты к речке убежишь и за кочку упрячешься?

Настя замотала головой, мол, ни в коем случае... Старшая, Майяне, погладила ее по голове, прижала к себе.

— Валя-директор очень уважает ненцев, вот и не уезжает с Ямала, — шепнула в это время хозяйка чума Анне, потом громче произнесла: — Девушка в гости к нам приехала, хочет знать, как мы тут живем?

Откинув косы за плечи, Валя сказала:

— Я тоже в тундре семь лет оленей кослала. И не где-нибудь, а на Харасавее. Там суп вскипятить нечем, воду для чая из снега не кипятят, а лишь подогревали. Не пропала же я.

Биография у Валентины Александровны еще та: выросла в многодетной семье. Отец погиб на фронте. После войны голодно. Где учиться после семилетки? Узнала, что в Салехарде есть зоовете-

ринарный техникум, в котором дают общежитие, да еще кормят. Где взять деньги на дорогу? В Новокузнецке проникла тайком в трюм парохода, несколько дней голодной сидела на куче угля и «зайцем» добралась до Салехарда. Потом распределение в совхоз. Когда ее ненцы увидели, испугались: тоненькая, унесет ветром в суроб. Какой из нее ветврач, самой еще пилюли для роста нужны.

— Наши отцы тогда решили, пусть будет в совхозе еще один ребенок, — рассмеялась Воттани Худи. — А Валя, о-ой!.. Она сразу взяла чум и одна-одинешенька... на Харасавей... Девчонка... семнадцати лет! Это даже для коренного ненца — гнилое место. После этого... по секрету тебе скажу, это даже Валя еще не знает...

— Чего я еще не знаю?

— Не знаешь! — подбоченилась хозяйка чума. — Наши отцы все мечтали взять тебя в свои невестки. Чтоб дети красивыми были. Мой будущий тесть хотел моего Худи за тебя отдать... Поняла? Ты это знаешь? Я как переживала...

Валя охнула, схватилась за сердце, рассмеялась.

— И ты, Воттани, мучалась? Зачем?

— Ну... — потупилась хозяйка чума.

— Чем же закончилось соперничество? — поинтересовалась Анна.

К счастью, все для двух девушек решилось тогда благополучно. Вскоре в тундру приехал молодой зоотехник родом из Вологды, изумился, что в оленеводах — хрупкая русская девушка. Вскоре у них сложилась семья.

— Где сейчас ваш муж? — спросила невзначай журналистка у Вали-директора.

В ответ гостя дрогнула, опустила глаза, чувствуется, что очень расстроена.

— Погиб в тундре — пришла на помощь своему директору хозяйка чума. — Он три дня на оленях скакал, домой торопился. В сильный мороз. У нас такого нельзя. Он на морозе легкие сжег. Ему стало плохо, и недалеко от поселка вся упряжка под лед ушла. Он ею уже не управлял. Пять оленей утонули и он.

Дети у Валентины Александровны в ту пору были совсем маленькими: Алешке семь лет, Верочке год.

— После смерти мужа меня директором совхоза вместо него и назначили.

Валентина рассказывает, как ей в то время пришлось тяжело: надо лететь на острова, на стоянки оленеводов, а детей своих крошечных она у Воттани Худи в чуме оставляла. И ребятишки росли как настоящие тундровики: выучили ненецкий язык, обычаи, овладели всеми навыками, какие нужны оленеводам Ямала. Сейчас сын ее уже учится в Тимирязевской академии на зоотехника.

— Жизнь у нас очень изменилась, да, Валя?

Директор кивком головы подтверждает, что, да, так. Раньше она отправляла оленеводов на полгода в тундру и не знала, кто из них вернется живым, а теперь у каждого рация, случись что, вертолет тут как тут над чумом летает.

— Наши мужчины трусливые, — сплетничает хозяйка чума, — только горло заболит, они уже вызывают по рации вертолет. Очень мнительные. Не умеют болеть. Это только нам дано, женщинам...

Недавно в поселок прилетала из Москвы актриса Валентина Владимировна Телегина, играющая в фильмах сельских женщин. Воттани лично сама просила артистку показать на экранах жизнь оленеводов в условиях крайнего, совсем крайнего Севера. Ненцы на выступление Телегиной со всей тундры съехались.

— А какие у нас капризные дети. Больше, чем в городе!

Валентина кивком головы подтверждает и это.

Да, дети тундровиков учатся в школе-интернате в Салехарде, в конце августа их на вертолете собирают по всей тундре.

— Жалко маленьких, — добавляет Воттани, — Как увидят вертолет, в тундру бегут и с оленятами в обнимку плачут, не хотят от мамки отрываться. Сидим, уговариваем. По два дня уговариваем.

— А вертолет в это время ждет, — поведывает о своих заботах и директор. — Эксплуатация его обходится совхозу очень дорого.

— Но все равно ждем, пока шестилетний нулевишка вытрет слезы и сам шагнет к вертолету... — прихлебывая из чашки горячую уху, рассказывает хозяйка.

Валя начинает говорить с Воттани по-ненецки, дочка же хозяйки Майяне, переводит Анне их диалог:

— Спрашивает, сколько стоит собака, чтоб оленей загонять? Мама отвечает, что за такую собаку надо оленя отдать. Кормить ее мясом нельзя, от оленины она слабеет. Давать ей нужно только озерную рыбу. Такая собака — оленевод лучше человека. Она только на Севере живет, настоящий охотник. Мы такой даже лосось кидаем.

Тут уж у Анны даже слюнки потекли:

— Эх, елки-дрова, хорошо ваши псы устроились, — пошутила она.

— А где глава дома? — оглянувшись, спрашивает вдруг Валя.

— Убежал, — подмигивает ей хозяйка, — тебя боится. План по отелу не выполнил. Лето, видишь, жаркое: мошкары много, мошка забивается в ноздри оленю. Матка очень страдает.

Майяне обняла Валентину, та прижала к себе крепко девочку, повернулась к Анне и посетовала:

— Это же надо! Дети не боятся, все время льнут, а мужики как волки на свой хвост оглядываются и все время убегают от меня.

— Чего обижаешься? С мужчинами у тебя другие отношения, производственные, — объясняет Воттани. — Ты же с них спрашиваешь...

У входа чум медленно дымился подоженный в ведерке мох.

— Полночь уже, вот засиделись!

Валентина глядит на солнце, потом на часы, спохватывается. И хотя за пологом еще серый день, ночь уже, оказывается, в самом разгаре.

Перед женщинами — половодье ромашек, больших, ослепительно белых, пышных, как ни в чем не бывало, растут они неподалеку от Ледовитого океана. Только лютики еще вперемешку с ягелем качаются тут на едва оттаявшей летом почве. Васильки, колокольчики остались в тепле, в неге, так и не решившись шагнуть ближе к холодному побережью.

— Беда у нас в тундре, — жалуется Валентина Александровна. — Нефтяники привезли с собою вездеходы. На Ямале найдены месторождения, техники много прибыло, после вездехода же не растет ягель. Трава есть. Но олень траву не ест. От нее слабеет и со временем погибает. Напиши, — просит она Анну, — как спасти нашу жизнь в тундре, как сохранить оленеводу работу?

Валентина Александровна загляделась на торчащий посреди Обской Губы островок.

— Я ведь тоже два раза в тундре тонула, два раза лодку выбрасывало на мель. Последний раз — на этот островок. Вроде недалеко, я их вижу, а они меня нет. Три дня на ногах стояла, на мокрый мох ведь не присядешь.

Около дома качается крошечная ольха, такая же, как и ее хозяйка, отважная обитательница Севера. Подвязав деревце к колышкам, директор совхоза спрашивает прилетевшую в поселок на несколько дней журналистку:

— Завтра еще будете? У нас конкурс на лучший чум. Самую чистоплотную хозяйку ждет дорогой чайный сервиз.

В квартире женщина включила телевизор, внимательно выслушала, что происходит в Испании и Вьетнаме, замечталась, глядя на кадры, снятые в Гвинее-Бисау, намекнула, что вот бы и туда попасть, поглядеть.

— Какая у вас хорошая работа, — позавидовала она вдруг Анне, — осмотр целого земного шара, размышления... Вот и поразмышляйте, каково нынче быть директором совхоза? — неожиданно перевела Валентина Александровна разговор на местные темы. — Прежде мною, бывало, как спичечным коробком не потрясешь, а теперь не знаю, как разговаривать с нефтяниками. У них план, но и у меня план... За моей спиной люди, которые нигде больше не найдут себе места в жизни, — добавила она печально. — Я хорошо понимаю, что Лэми Худи не виноват в том, что не выполнил план. Задай нашей цивилизации вопрос: почему прогресс убивает кормильца? Нам очень нужны машины на воздушной подушке. Пусть скорее пустят их в производство.

Когда через два дня к поселку подлетел «Омик», провожали Анну трое: Воттани Худи, Майяне и директор совхоза. Не забыл попрощаться и Лэми Худи. Прячась за сараями, видно, так и не выполнил план, хотя зря побаивался Валентины, он долго еще мал кепкой.

— Какая замечательная женщина! — сказали в редакции Анне о Вахниной. — Она никогда не уйдет с головою под лед. Вот это характер! Это то, что нам надо!

После публикации в центральной печати очерка о Заполярье и переезда в Москву на столе Анны забился в торопливом перезвоне телефон.

— Мне бы эту журналистку к телефону, — произнес в трубке голос с акцентом. — Алло, вы меня слышите? Это Анна? Хорошо, что это ты... Угадай, кто звонит? Да Рахман, твой коллега. Арабский коллега! Помнишь? Читаю утром газету, вижу твою статью. Вот и нашел тебя.

— А ты каким образом в Москве?

И в памяти, как из глубокой лощины туман, начали всплывать бывшие встречи, знакомства...

— Как поживает физик Мухаммед? — спросила Анна, как только они с Рахманом оказались в буфете.

— Неплохо.

Вернувшись в Хартум, Мухаммед сразу же стал ректором университета на юге и не давал уже работу тем, кто учился в Советском Союзе, особенно клял выпускников МГУ, утверждая на всех конференциях, что в советских вузах дают слабые знания, совсем не то, что в Англии и Америке. То есть, сразу отсек, мгновенно перестал узнавать то, что ему уже не могло пригодиться, но в любви к чему еще недавно клялся на страницах собственной книги.

— Так быстро?

— Ты хотела медленно? В МГУ у Мухаммеда была лучшая комната. В нашей стране президент дал ему дворец, высшую в науке должность...

— Как поживает философ Фарук? — вспомнила Анна еще одного знакомого.

— Нелегко.

Фарук сидел вместе с Махджубом в тюрьме, мучительно пережил его гибель, вынес пытки, допросы, схватил язву желудка.

— Мы его все уважаем, он человек идеи. Ни дворцов, ни счетов в западных банках... Он за то, чтоб каждый человек, уж если пришел в мир, не жил в нищете. Но когда Фарук вернулся домой, ему стало по-настоящему плохо.

— Тяжело заболел?

— Не физически. Жена, если ты помнишь красавицу Фатхию с

медицинского, ему здорово изменяла.

— Нашла чем заняться, пока муж в тюрьме?

Для своей темнокожей жены Фарук тоже оказался лишь осенним сезонным листком.

Мучительно больно Анне за этого красивого парня с большими, как у газели, глазами. Когда-то он смело, не задумываясь, шагнул от румянощеккой веселой, любящей его Раисы к женщине своей национальности, будучи твердо уверенным, что Фатхия в трудную минуту будет ему крепкой опорой. Но дорого обошелся Фаруку этот шовинизм в любви! Вот уж право, как верна присказка: если мужчине предложить розу и капусту, он непременно выберет овощ.

— Сам надел себе чулок на голову. Раю вспоминает?

— Еще бы... Прямо так и говорит, что это ему кара за Раю.

За окном город, огромный, как планета. И вообще все человечество — один огромный город. Ничего в нем не скроешь, ничего не спрячешь, рано или поздно истина докапывается до каждого.

— Что делает поэт Осман?

— Еще один артист...

— Как так?

— Деньги любит!

— Наверно их любят все, но не каждый готов потерять совесть.

О чем он пишет?

Рахман схватился за голову, но спросил лукаво:

— Ты когда, Анна, выходишь за город, можешь встретить в поле ангела?

— Нет. Не встречался. Почему-то...

Осман оказывается, по-прежнему печатается, много пишет, но о чем? О том, что некий Мухаммед из Омдурмана, который неделю назад ушел в пустыню за отарой, встретился в песках со спускающимся с неба ангелом и тот просил его передать людям, чтобы они не отказывались от религии и особенно от шариата.

Анна хохочет на весь буфет! Услышать такое в век космических кораблей, пятого поколения роботов, в век конструирования генов.

— За такие произведения у нас хорошо платят, — объяснил Рахман.

— Значит, теперь это бывший поэт... Значит, и этого не досчитался бы потом Махджуб..

— Да, Осману давно ничего не скажешь в лицо. У него нет лица.

Выходит, что жизнь и впрямь для каждого — буря. И какие нужны крючья в душе, чтобы удержаться, не повалиться в тайфун на бок? Сколько людей уже к середине жизни напеминают флаги, в которые больше не дуют ветры, ни зюйд-вест, ни слабый морской, островной или горный, короче, похожи такие жизни — на ветошь.

— Халим по-прежнему проповедует шариат?

— Мы его заткнули. Теперь молчит.

— Каким образом? Прямо кляп и все?

— Хуже.

На лекцию, на которой Халим соловьем заливался о пользе шариата, ему задала вопрос: не жестоко ли — рубить человеку руку за воровство, даже если украдена лишь буханка хлеба?

Халим, не моргнув глазом, ответил, что только так можно пресечь кражи. После этого на трибуну потянулась вереница увечных людей, кто с отрубленной левой, кто на одной ноге, а то и без двух рук. С серой кожей на лицах, изможденные, больные.

— Погляди им в глаза, брат Халим! Не стыдно? Погляди внимательно. Что ты поддерживаешь? Надо ликвидировать безработицу. Строить заводы, фабрики, школы, больницы, а не закупать танки... Ты в Советском Союзе видел хоть одного безработного или бездомного? К социализму надо идти, а ты куда нас тащишь? В тысяча пятисотый год хиджры?

Мусульманских братьев как ветром выдуло из аудитории. Сжавшись, Халим тоже убежал со сцены. Больше в Хартуме его не видели.

— Признаюсь в грехе, — посмеиваясь, рассказывал Рахман. — Этот позор мы ему, коммунисты, устроили! Теперь он на севере страны торгует зубными щетками.

— Ты сам как?

Наверно, труднее всего рассказывать о себе. Репортажи, которые Анна много лет назад читала на страницах газеты «Правда», оказывается, писал Рахман. Прямо из тюрьмы. Даже тюремные надсмотрщики помогали передавать их на волю.

В то время как парашютисты Садата косили восставших, Рахман охранял здание редакции. Когда коммунистам и тут пришлось отступить, он кинулся в дом к брату, миллионеру.

— Убирайся вон! — завопил испуганно Омар, — из-за тебя погибнет моя семья.

Жена миллионера, очаровательная Асьма, предложила робко:

— Господин, — робко произнесла она шепотом. — Давайте по-моему. Спрячем в подвале, а ночью отвезем в деревню.

Ударившись головой об стенку, женщина замолчала, прикрыла окровавленное лицо платком.

— Как ты смеешь обижать Асьму? — бросился с кулаками на брата Рахман.

— А вот как ты посмел ко мне придти! — услышал он в ответ.

Через мгновение миллионер вытолкал нуждающегося в защите брата за калитку, у которой уже дежурил военный патруль.

По ошибке, в спешке, Рахман ткнулся ногами в сандалии Омара, после чего тот долго боялся, что по этой обувке нащупают его связь с компартией. Мало того, пользуясь тем, что Лена, жена Рахмана, пряталась в это время с детьми в деревне, он, нарушив за-

вещание, продал дом, который покойный отец завещал Рахману, старенький в нем холодильник и даже детскую колыбель.

Рахмана пожалели другие. В тюрьму они писали: за жену и детей не волнуйся, они живы, здоровы, надежно спрятаны, береги свои силы.

На волю Рахман передавал известия не столь утешительные. Его репортажи из тюремной кротовины о казни Махджуба и офицеров вызывали такую щемящую боль, хоть в душу себе не гляди, будто и она виновата в том, что вот еще крепки руки, здоровы ноги, однако, не изменить ситуацию и никоим образом не вернуть к жизни дорогого многим человека.

— Махджубу поставили памятник?

— Какая ты наивная, коллега! До сих пор неизвестно, где он похоронен. Это лишь у вас таких людей хоронят с почетом. Во всем мире за лидерами компартий гоняются целые зондеркоманды убийц.

Рахман хлопнул себя по карманам в поисках сигарет, надолго умолк, глядя на окно, столы, посетителей буфета. Какая-то молоденькая секретарша, не допив кофе, не доев яблоко, спешно побежала на другой этаж.

— Какое безобразие, — привлек внимание Анны к недоеденному яблоку арабский журналист. — У нас таких огрызков не увидишь. Наши дети яблоко доедают до конца. У нас же голод...

На соседнем столе валялись ломти хлеба. Кто-то лишь попробовал борщ и оставил его почти целиком в тарелке. Вечером сытые образованные люди читают газеты, спокойно едут в троллейбусе домой, иногда жалуются друг другу, что в магазинах нет... Чего? Деликатесов. У каждого есть работа..

— Благодарите за это социализм... Нигде нет в мире столько нормально встроенных в жизнь людей.

— Неужели у вас так плохо? — ужаснулась Анна. — Тогда как живет жена Махджуба, сколько у нее детей? В мусульманской стране, с ее предрассудками, и без мужа? Работает ли она?

— Два сына у нее. Медсестрой работает. Но зарплата крошечная. Конечно, ей помогают.

Журналист вроде бы тут же переключился на другую тему.

— Помнишь Аида?

Кто бы подсказал, как забыть человека, который на горной тропе поздоровался с медведем сразу на трех мировых языках?

— Он и сейчас не испугался хищников. На этот раз собственных.

Любознательный геолог после возвращения домой сутками изучал в архивах старые чертежи, легенды, древние рукописи. Сопоставил, сообразил...

— И нашел!

— Что?

— Зброшенныя шахты, в которых в древности добывали золото. Разработал, теперь имеет дело в нескольких странах. Аид уже очень богатый человек.

— Изменился? — поинтересовалась Анна. — Его связывает с Россией только «Российская водка»?

— Ни в коем случае, — сразу же отшел подозрения Рахман. — Он помогал нам, особенно в трудные годы.

Коллега взглядывает на собеседницу, не принести ли еще кофе, она кивает головой, мол, да, принести, и когда чашки опять на столе, разговор продолжается, но уже не на столь радостной ноте, на которой едва не закончился.

— Знаешь, у меня в доме случилось несчастье: Селим погиб, — трагическим шепотом сообщил Рахман.

— Тот мальчик, который вас когда-то с Леной соединил?

Жизнь, как всегда по привычке возведя курок, почему-то любит стрелять и в невинных.

— Как это случилось? Буря виновата, коряга, овраг?

До чего же иногда беспечны люди! В жаркий день, когда невыносимая духота заливала, казалось бы, весь мир, жена Рахмана Лена (ради счастья которой он когда-то подпольно пересек три границы) с дочкой на руках во дворе оживленно болтала с соседкой. Катя дернула маму за плечо, но та не обратила внимания. Малышка неожиданно заплакала, показала пальцем куда-то за спину, в другой угол двора. Лена, тряхнув ее и шлепнув по попке, продолжала обсуждать городские новости. А когда оглянулась, было уже поздно... Маленький Селим, у которого от жары закружилась голова, упал в бассейн и захлебнулся. Мать была совсем неподалеку, но уже ничем не могла помочь своему ребенку.

— Выражаю соболезнование! — проговорила печально Анна, сожалея о том, что ушел мальчик, который, будто на параде планет, выстроил в Галактике жизнь едва не потерявших было друга мужчины и женщины.

— В том горе каждый из нас ушел в себя. Мы едва не расстались.

После такой беды, Анна знала об этом по себе, ни с кем не хочется разговаривать. Уткнуться бы в такие минуты в угол и долго глядеть в одну точку. Выйти из такого пике, из состояния вечно падающего планера, трудно. Нужно время. Немалое. Но глаза Рахмана вдруг засияли.

— Теперь у нас еще двойня. Мальчик и девочка!

— Вот это да, поздравляю!

Странно как-то устроена жизнь: кластер беды иногда совсем рядом с кластером радости.

— Каким образом ты в Москве?

Рахман потянулся, с удовольствием сообщил:

— Я в своей стране работаю теперь от АПН — для вашей печаль-

ти освещают события в Африке и арабском мире.

Судьба долгое время тащила Рахмана по камням, как вдруг вытолкнула-таки в необозримые пространства бытия, когда пиши о целом континенте, ничего не будет упущено, все будет опубликовано.

— Мне это нравится тоже. Сотрудникам АПН из других стран раз в год положен бесплатный билет на самолете в Советский Союз вместе с членами семьи. Вот мы и прилетели. В Москве теперь вместе.

— Надолго?

— Я недели на две. Лена пока останется.

Крепкий сильный человек... Он столько претерпел из-за того, что остался верен идеям своей юности, не отвернулся от страны, которая в трудную минуту не очень-то помогла своим темнокожим единомышленникам. По-прежнему тянулся к России, надеясь, что его вторая родина всегда будет гуманной, любящей, будет двигать цивилизацию и по пути технического прогресса, и по пути лучших в мире человеческих отношений... Очень радовалась в этот момент Анна, что однокурсник вновь поднялся, что у него и у его детей опять светлый период в жизни.

— Как я люблю Москву, — проговорил коллега, засовывая сигареты в карман. — Город, который строит социализм, мой город. Мне здесь хорошо. Многие из нас тоже ради этого много трудятся у себя дома.

— Какая у вас обстановка?

— Братья-мусульмане набирают силу.

— Может не стоит драматизировать такой поворот?

Рахман удивленно уставился на Анну.

— И это говоришь ты, женщина? Пожила б ты у нас...

Автобусы в стране на многих маршрутах между селениями ходят один раз в день. Всем надо на работу или на рынок. Кто-то идет пешком, кто-то голосует на дороге. Мужчину всегда подхватят, а вот женщину... Если и помогут, но так, чтобы не видели другие.

— Почему?

— Если чужую женщину заметят в машине, водителя и его пассажира могут судить. По законам шариата. За прелюбодеяние. Не каждый мужчина решится на осложнения в своей жизни. Это приятно? Поэтому машины чаще всего проходят мимо. Я когда-то тебе говорил, что у нас триста народностей и племен. Тем, другим, как тогда жить, по нашим глупым законам? На юге живут не мусульмане. Как выстраивать государственные и человеческие отношения с ними? Мало того, что все постоянно дерутся из-за скота и пастбищ... Если насаждать арабский национализм под видом мусульманской религии и культуры, будет еще хуже.

Взглянув на часы, Рахман вспомнил, что его ждут еще в одном

месте, но задержался, оглядел буфет, обрадовался, увидев на подоконнике крепкий кактус, вроде как еще один гость с другого континента.

— Люблю у вас бывать, — размышлял он. — Ни одна религия тут не притесняет никого. Мне в Москве легко дышится. Мужчины и женщины говорят между собой на любые темы. Ваши люди идут в стране, куда хотят, везут в автомобиле, кого хотят.

В тот момент ни Рахман, ни Анна не могли еще знать, что через несколько лет его маленького сына из-за цвета кожи избьют в детской песочнице на Крылатских холмах так, что ребенок с сотрясением мозга попадет в больницу, и много лет будет страдать головной болью. Так что не очень-то и в России все идет, куда хотят. Даже самые маленькие. Темные неведомые силы, не уловленные, не пойманные, не препарированные еще общественной мыслью в кино, в театре или в газетах, поднимали время от времени голову и в стране Анны.

— Приходи в гости к нам с Леной. Ребятишек посмотришь.

Что еще добавить к разговору давно не видевшихся коллег?

— С удовольствием приду, — пообещала она и наконец-то робко спросила:

— Хади как там?

Намного строже и суше уже выглядел Рахман.

— Сама его об этом спроси. Завтра он прилетает в Москву. На конференцию по ядерной физике. Будет в гостинице «Пекин».

Калейдоскоп чувств на лице Анны собеседник уже не видел, он быстро шел к двери.

Ночь была тяжелой. В душевной комнате не хотелось заснуть ни на одну минуту. Хотелось сидеть у окна и обдумывать: можно ли верить человеку из другой страны, как разгадать чужое лукавство, как найти человека, которому ты всегда дорога, необходима, как трава лугу, как ветка дереву? И большая ли ее вина даже перед собой в том, что в ту пору она была юной и доверчивой студенткой, которая увидела только то, что хотела увидеть.

Ненадолго забылась в дремоте Анна и вдруг увидела, как из-за деревьев в каком-то дремучем и густом лесу, из-за сосны выплыла худенькая, с очень тонкими руками женщина, закутанная в белое арабское одеяние. Она минуту скользила по крапиве, желтым головкам золототысячника, легко ступила на дикие фиалки. Потом каким-то образом оказалась в квартире Анны, у постели которой замерла, наклонилась и шепотом произнесла:

— Пожалуйста, не отнимай моего мужа. Я очень больна...

От легкого шевеления занавески женщина исчезла во мгле, ушла за дерево, выглянула все же из-за него, с улыбкой подняла руку на прощанье, и провалилась в овраг, доверху наполненным туманом, который стал надвигаться на спящую.

Сколько раз огромные стрелки пробежали по золотому циферблату на Спасской башне, прежде чем они увиделись вновь? Когда-то казалось, что разлука будет год, максимум два, но сейчас уже не знаешь, радоваться ли встрече, печалиться, или просто задуматься и понять, почему она, эта жизнь, повязала их какими-то неведомыми и кондовыми законами?

— Денек вроде будет жарким, — сказала Анна, чтобы хоть как-то отвлечь его внимание от себя.

— Да, — согласился Хади и нехотя повернулся к лавочке, за которой кончалась тень. Утренние лучи гуляли по его волосам, и в них она впервые увидела седину.

Вероятно, он тоже когда-то думал, что женитьба на иностранке — это авантюризм в любви. Но вот даже спустя несколько лет глядит на Анну так долго, что ей уже чуточку неловко. Дрожат его ресницы, взволнованно лицо и отчего-то он долго не выпускает ее рук.

— Как поживаешь, мудрец из бамбуковой рощи?

В ответ он протягивает Анне большие алые розы.

Кто-то из писателей сказал: никто не знает, когда чувства приходят, и никто не знает, когда они уходят. Никто из великих еще не определил, почему они не уходят даже тогда, когда завывают метели, ледяной сечкой режет по лицу косой мокрый снег? Отчего из-за гор, дальних морей или озер легким, едва заметным дуновением овевают они порою твою жизнь годами?

Хорошее у тебя настроение или плохое, дома ты или стоишь в той очереди, в которой «дают» Шукшина, они почему-то всегда в тебе. Может потому Хади подмечает, что за годы разлуки она ни капельки не изменилась.

Она тоже задумалась, что, в конце концов, в нем хорошего? Загибает один палец, другой... Плохого и на малую горсть не найдется. Крепыш, доброжелателен, открыт, ласков... Гимн этот, как и прежде, может длиться часами.

— Я все время тебя искал, писал письма, посылал телеграммы. Ты их получала?

— Ни одной.

В это время Анна не имела своего жилья и перебиралась от хозяйки к другой. Одну не устраивало, что в редакции курят и ее одежда пахнет, видите ли, сигаретным дымом. Другой хотелось, чтобы поутру не хлопала дверь и квартирантка влетала бы на третий этаж через...балкон. Третья возмущалась, что стучит громко будильник, много книг, а значит — много пыли, вот когда будете иметь свою квартиру, тогда заводите и кошек, и книги. «А у тебя ничего сейчас нет. У меня же — еще дача со сверхприбыльным луком!». К носу тут же летел кукиш в кулачонке влюбленного в себя мучителя. Вот и помни, каково это не уважать частнособственни-

ческий интерес бабы Лизы?

Возвращаться к таким людям никогда не хотелось, потому и не долетали до Анны телеграммы, будь они даже из другого созвездия.

Но не все было так печально. Много было в жизни и смешного. Однажды в редакцию поступила жалоба, мол, по какому праву журналистка написала, что урну для голосования принесли в дом старейшей жительнице села Таисии Ивановне Петровой?

— Машке Богачевой уже 87 лет, а никто не считает ее самой старой. Вы меня оскорбили, извинитесь, пожалуйста.

Извинилась Анна, куда же деваться?

В другой раз написала в зарисовке, что молодая горожанка Алена встречала мужа с фронта в голубом платье. В райком тут же полетела жалоба, что Валентина была одета в тот день в белое платье с голубым по полю горошком.

Хади спросил, жива ли ее мама, где нынче братья? Как поживает подруга Ольга?

— Мама здорова. С братьями все в порядке. В институт не пошли, но уже работают.

А Ольга?

Ольга жила неплохо. Летала с мужем в Париж, Нью-Йорк. Рассказывать дальше о ней не хотелось. Когда Иван тяжело заболел, в этой семье тут же случился развод. Теперь однокурсница замужем за его начальником.

— У нашей делегации сегодня траур, — сказал невесело Хади.

— В чем дело?

— Мухаммед погиб.

В университете студенты-южане устроили забастовку и потребовали, чтобы ни на одно собрание не приглашали больше братьев-мусульман, по требованию которых недавно в стране даже казнили старого уважаемого муллу лишь за искажения, с их точки зрения, толкований Корана. Но ректор, оказывается, приглашал их по требованию правительства, которое уже полностью стояло за создание такой эпохи, в которой все сферы жизни, даже светские и научные, во всех регионах, даже там, где жили анимисты и христиане, полностью зависели бы от норм мусульманской морали.

На юге, однако, верили не в Коран, а в духи предков, как, например, люди из племени Ним. Народ Нуэр разговаривает, будто с живыми, с ветром, небом, птицами. У народа Шиллук божеством считается их король. Действует на юге и католическая церковь.

Но правительство требовало всюду внедрять мусульманство. Мухаммед, находившийся в это время в Хартуме, был разъярен, когда узнал, что в его вузе забастовка, хотел немедленно наказать студентов и потребовал, чтобы его срочно доставили к месту событий. Летчик отказывался лететь, говорил, что в песчаную бурю

не летают, хабуб есть хабуб. Но Мухаммед настоял.

— Неужели погиб в авиационной катастрофе?

— К сожалению, летчик тоже.

Так что ретивость Мухаммеда, уж больно не хотелось ему терять дворец, доверие и любовь вышестоящих, впервые обернулась для него злом. Что прежде принесило большую удачу, то карьериста и погубило. Впрочем, кто его знает? Может только таким и дает жизнь трассу, только таким разрешает взлет? Ну, бывают случайности, и что же?

— Мы так много говорим о других, — поворачивается Хади к Анне. — Может поговорим о себе? Скажи, что случилось тогда?

Этого-то Анне не хочется. Боль и через сто лет боль. Не залюбила жизнь, на том и точка. Пусть не каждый нынче день ей нравится, зато каждый стерпится. Когда-то ей хотелось потрогать подоконник, около которого стоял у себя дома в Хартуме Хади, поговорить с деревом, под которым он, возможно, дремал, с пика Коммунизма увидеть бы, что происходит в Африке нынче? Но когда перебирала предыдущие события, то отворачивалась от прежней жизни навсегда.

Ждать двоих и никого не дожидаться, каково? Каково это споткнуться, упасть и порвать душу так, чтобы потом тайком штопать, цеплять ее кое-как нитками целую жизнь?

«Как мало им было нужно!», — часто с обидой думала она, вспоминая обих. Тепла и любви к ним хранилось еще так много ее в душе, будто в вулканическом подземелье, хоть лавой извергай их за ненадобностью. Но поговорить, а тем более рассказать о своей беде в райцентре, где так переживали за огурцы и погоду, было абсолютно не с кем.

Университетский мир с его обширнейшей географией и проблемами в масштабах целой планеты, тут был чужд и казался бы неслучайным.

— Почему ты мне написала, что малыш умер, а другим сказала, что он живой?

Съежилась ли Анна в этот момент, испугалась? Нет, беды в жизни ее уже было столько, что теперь не до страха. Ведь у катастрофы, в конце концов, два автора. У той беды были два родителя. И пусть не только она знает все до конца.

Перед выпускными Анна встретила в коридоре Халима.

— Как живешь? — скабрезно улыбаясь, спросил он. — Ты подумала, зачем черным парням — белые жены? Нам своих девушек девать некуда. Мы делаем все, чтобы вас и рядом с ними не было.

Неподалеку обсуждали свои проблемы китайки. В своих шелковых, голубых и розовых платьях они были такими свежими, веселыми, за версту видно, что ни одна проблема еще не душила их

молодые чистые души.

— Никогда Хади не остался бы с тобой. Чуть ты говорила.

— Почему?

— Хочешь знать правду, не боишься?

В жизни у каждого человека много сквозняков, но чем еще можно напугать женщину после известия о том, что умер ее ребенок?

— Когда вечерами Хади уходил от нас, он говорил, ну, я пошел к своей шлюхе.

— Не может быть! — вскричала Анна, весь мир которой перекручивался в это мгновение по спирали, кинулся вверх-вниз, перевернулся слева и направо, вывернулся наизнанку, показав вдруг самую что ни на есть черную сердцевину ядра.

— Знаешь, почему он так говорил?

Качествами палача Халим обладал выше нормы.

— Он тебе сказал, что женат?

— Перед отъездом.

— Видишь, я правду говорю. Ему надо было в глазах друзей оправдаться, что тут лишь интрижка, но дома у него все по-настоящему, на высоте! После таких слов не женятся. Твой удел — муж алкоголик и тупица-начальник.

— Ах, вот как!

— Ты знаешь, что там сын родился. Мальчику теперь три месяца. Его уже искупали в отваре из коры баобаба, чтоб рос здоровым и крепким.

Анна поперхнулась. Они когда-то вместе с Хади... выясняли мир, столько спорили, так загорались при виде друг друга... Теперь ясно... Выяснять уже нечего. Он просто... — Что просто? — спросила она себя. — Да не любил.

— Тебя жизнь и наказала за то, что ты посягнула на чужое, — спокойно продолжал Халим. — Ты хотела причинить горе арабской девушке, но аллах этого не допустил, потому и погиб твой ребенок. ... К тому же шариат не разрешает мусульманину жениться на неверной. Весь его род был бы против. Тебя там ждал бы ад.

— Это я-то неверная? И мой ребенок неверный? Ах ты...

И в ответ запальчивое, гневное, страшное, вот, мол, запоете вы сейчас матушку-репку!

— Погиб? Уж нет! Он живой! — выкрикнула Анна, желая казнить Халима, а заодно и Хади, за неожиданно открывшееся его лицемерие и коварство. Ведь она его жалела, щадила, уберегала от выходок националистов, помогала во многом, как могла, упрятывала от зла. Встречаясь, они уже тем самым вдвоем вышли на баррикады против расизма, но вот сейчас на этих баррикадах Анна одна. Осмеянная со всех сторон. За лучшее, что было в их душах, ее омерзительно, на весь коридор одну отчитывал в эту минуту черный расист.

— Так и передай в свою Нубию, — выкрикнула она Халиму в лицо, — мальчик живой. Он в больнице. Просто очень больной...

Ляпнула в истерике Анна, а воробей этот трагический, несуразный, мгновенно выпорхнувший, уже полетел с ветки на ветку, с дерева на дерево, из переулка в переулок, из страны в страну. Кумушек ведь по миру обоих полов на земле великое множество. Женщине некому было теперь поведать о своей беде, а труднее еще признаться, что все не так, что впопыхах, с горя, из-за огромной беды оговорила себя, и настолько нынче она одинока, что и поделиться не с кем.

Зато охотно делились другие: Анну нигде не брали на работу, за спиной постоянный шепот о том, что она, злодейка, бросила дите в детском доме. И те расисты, которые вчера травили ее за отношения с Хади, вдруг стали хором жалеть несчастного чернокожего ребенка в детском доме.

Стоило Анне принести в редакцию очерк, как в глазах окружающих уже мерцал мираж с очертаниями несчастного брошенного дитя.

Жизнь превратилась в ад, напоминала раскаленную сковородку. Утром не хотелось просыпаться, выходить из комнаты, за порогом которой, казалось, плескался океан, тот, Ледовитый, в котором через минуту легко утонуть.

Это была величайшая трагедия, однако нет худа и без добра. Благодаря этому мифу она узнала, кто в этой жизни порядочен, а кто подлец, горячо заинтересованный в том, чтобы под любым предлогом сбить с ног соперника по перу, придавить к полу того, кто невзначай может возвыситься. А уж эти циничные редакционные поговорки: «уважаем только тех, кто не пишет», «это написано хорошо, но у вас нет имени», «не читала, и в принципе не подойдет»...

Вот и пойми, о каком принципе идет речь? Оставалось одно: работать так, чтобы ничья беспринципность не могла уже подцепить ногой, будто орех на обочине. Портативных носилок в делах, оказывается, не бывает. Плавать в этой жизни приходится не только в лягушатнике.

Но благодаря своему, еще таившемуся в недрах души мифу, Анна отчасти уже не чувствовала себя одинокой: ей было с кем говорить, рассказывать о каждой минуте своей жизни. Ее мальчик был всегда с ней, рядом, внимательный и добрый. И он как-то незримо, таинственно связывал ее с Хади, напоминая о бесцеремонности и неосуществимости их мечты, которая должна была, видите ли, воплотиться в жизнь, как-то магически перелетев через хребты и континенты, сквозь десятки чужих жизней и обстоятельств.

Вот тогда Анна и уехала в далекий райцентр, чтобы там, в лесах, на лужайках, у реки хоть чуть отойти душой. Но там даже с этим

трудным, созданным ею же мифом, жить стало легче. Ей было с кем вечерами подсмеиваться над несуразностями будней, сетовать на холод или простуду, рассказывать об удаче на грибной полянке. Но чем дальше она, будто по лесным чудным тропкам, уходила в новую жизнь, это наваждение, хоть и очень для Анны дорогое, как-то незаметно и тихо из ее жизни ушло.

Но вот нынче спустя даже много лет как тяжело говорить правду! Притом, обоим. И мужчине. И женщине. Которых когда-то и зачем-то объединила судьба. До чего же трудно до конца выговаривать истину.

— Значит, твои слова о том, что ребенок живой, — обман? — вскричал гневно Хади. — Что ты натворила, хоть понимаешь? Меня за душу тряс Рахман и требовал, чтобы я срочно ехал к тебе, а я не мог тебя найти. Он хотел меня избить. О, аллах, ты моя ошибка! Главная ошибка в моей жизни.

— А ты не моя ошибка? — взъерилась Анна. — Зачем ты вступал в отношения с девушкой, если знал, что женат? Почему сам не пожалел свою молодую жену? И меня, в том числе. Или девушки других национальностей — для вас расходный материал, чтобы скрасить жизни в вашем временном одиночестве? Халим наврал, что ты в своей арабской компании худо обо мне говорил?

Хади вскочил со скамейки, потом как-то странно обмяк.

— Было, — признался вдруг он. — Говорил. Был дураком, во всем разобрался позднее. Уже когда улетел. Когда понял, что жена по сватовству, лишь потому, что она родственница, и жена по любви — это как между небом и землей.

— Значит, все-таки говорил? — упорно лезла на рожон Анна, спрашивая при этом: — Халим не врал? Ты хоть понял, что в основании женского вранья всегда лежит мужская подлость?

Они зло глядели друг на друга, готовые, как самые яростные враги, схватиться в жестокой битве на рапирах и, пожалуй, даже оторвать друг другу головы.

— Я два года назад прилетал в Москву, везде тебя искал: ездил на твой факультет, приезжал к поезду, на котором работает твоя мама, просил проводников передать твоей маме, что я ищу тебя, везде оставлял записки...

Хади обеими руками взволнованно гладил свою густую шапочку волос.

— Зачем я это делал? — поднял голову он, тоскливо обвел взглядом деревья. — Зачем?

— Ты приехал за мной, потому что развелся с женой? — задала ему перекрестный вопрос Анна.

— Нет, — мотнув отрицательно головой, сказал он и по-прежнему глядел на Анну то ли наивным, то ли лукавым взглядом, теперь уж

и не поймешь, чего же в нем от этих качеств больше.

— Тогда зачем ты меня искал? Чтобы еще поиздеваться? Зачем я тебе хоть когда-нибудь была нужна?

В ответ он молча развел руками, опустил голову, шаркнул ногой по асфальту.

— Ну, вот что, товарищ дорогой, — поднялась мгновенно женщина и резко махнула рукой. — Вон из моей жизни! Чтоб я тебя больше не видела. Еще появишься в моей стране, я тебя уже в воздухе пристрелю! Ни тяти, ни мамы в России больше сказать не сможешь!

Как чепуху, как глупость, смущенно теревбит она в руках ненужные розы и швыряет их на лавочку.

— А если ты появишься в моей стране, я тебя крокодилам скормлю! — выкрикнул ей в ответ Хади. — Я тоже устрою тебе дыхательный аппарат «легкие-сердце». Прямо сейчас...

— Ты мне?..

— Дура, я же тебя любил! Мне нужно было время, чтоб во всем разобраться. Меня, мальчишку, женили на родственнице. Вскоре я улетел в Москву. Как можно сразу отказаться от всех родственников, от мамы, которая мечтала видеть меня мужем своей племянницы, девочки, которая росла со мной в одном дворе?

— Разобрался? Только наши отношения почему-то раздавили лишь меня.

Они соскочили со скамейки, будто их в центрифуге прокрутило, будто каждого ударило башкой об асфальт, потом подкинуло к облаку. Но вот Анна махнула рукой, провались, мол, все пропадом, и как бешеная, понеслась домой... На север.

Хади размеренно и тяжело шел к гостинице «Пекин». На юг.

— Что ж ты творишь, я же с тобой всю жизнь разговариваю... — крикнул еще раз он ей на прощанье.

— Мне что с этого? — также очень громко на всю улицу ответила она ему.

Как видим, звезды не только сводят, но и разводят. Они иногда устают от людей и тоже машут на все рукой. Венера когда-то обещала великую радость, да жизнь не исполнила. Хорошо хоть, что по-прежнему сияет она во Вселенной и заговаривает с каждым мужчиной и с каждой женщиной, не считаясь ни с их разноплеменностью, ни с разной их воззрений. Только ее красота да игра, вероятно, и спасают мир.

А может высота, которую задает человеку Венера, нужна хотя бы для того, чтобы люди изо всех сил карабкались ввысь, а не копошились бы годами под гниющей листвой и черными корнями в злобе, мелочности и пустоте?

Жизнь, конечно, мало кому позволяет достичь обещанного Звездой, но может эта абсурдная недосыгаемость и есть главная ее за-

дача? Может быть код, ухороненный плутовкой на дубах, секвойях и семи баобабах, рассчитан для Анны и Хади на более длительную разгадку во времени? Зачем же тогда она, женщина, поторопилась?

« А сон? А просьба ночной слабой тени в белых платках?..».

— Ничего не хочу больше о нем знать! — еще раз твердо сказала себе Анна, взяла командировку и улетела из Москвы.

Машина из аэропорта мчится и мчится. Вдоль дороги — виноградники, дувалы, сберкассы, аллеи роз, планшеты с наглядной агитацией, школы, кинотеатры.

— Наконец-то приехали, — сказал водитель и показал рукой на вышедшего из конторы мужчину.

— Это Абиддин, агроном. Он вам тут во всем поможет. Надо отдохнуть, вид у вас усталый.

В конторе совхоза никого. Все в поле, бухгалтерия на обеде. Абиддин подошел к телефону, долго с кем-то разговаривал:

— Говоришь, что ключ у оконной рамы? Спасибо... Гостя у тебя только одну ночь будет. Не волнуйся, плов я приготовлю...

Лучи, падающие косячками сквозь плотные занавески, высветили жилище небольшое, метра три на четыре, скромное — стол, деревянная кровать и трюмо, но такое обжитое, понятное — шелковые платья под марлевой занавеской на стене, книги на тумбочке, будто обладательница их давно знакома, будто не раз тут пришлось бывать, говорить, волноваться.

— О, Мухтасар купила палас! — восхитился агроном, заметив под ногами мягкий светло-желтый ковер. — Хозяйственная девушка, ничего не скажешь.

Абиддин подошел к трюмо, на котором манила темным лаком пудреница, мерцал флакон розовой воды, а из небольшого рога торчали женские заколки.

— Вот похвалил, а тут столько всего уходит на ветер...

В доказательство своего агроном уже громко и насмешливо читал:

— Желе. Для ухода за кожей. Лицо и руки становятся мягкими, гладкими. Сделано в ГДР.

— Вай, что я говорил? — торжествуя поднял брови он. — Глядеть не хочется...

А сам от трюмо не отходил и все разглядывал, и на его лице читалось иное: «Как же тут интересно, что невозможно хотя бы чуть-чуть не потрогать».

— О, Мухтасар, о, легкомысленная! Она восточная пери или колхозный бригадир? Забыла, что ли?

Он передохнул и продолжил:

— У меня семеро детей, из них четыре дочери да еще жена, и им все это тоже нужно? Вай...

— Конечно, нужно! Носить все надо прямо сегодня. И ничего не прятать.

На пороге стояла девушка с золотыми сережками в ушах, но в пыльном платье. Видно, что прямо с поля.

— Знакомьтесь, — представил Анне хозяйку комнаты Абиддин. — Бригадир Закирова. Закончила институт хлопководства. Завтра поведет комбайн — у нас уже начинается сбор хлопка

Поскольку на Востоке плов готовят мужчины, он мгновенно сбежал во двор и начал между кирпичами разжигать огонь.

Пока девушка переодевалась в яркое платье из хан-атласа, Анна листала тоненький сборник и натолкнулась на отмеченные ею владелицей строки:

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен,
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

В открытую дверь видно было, что подошел к арыку старик, окопал пристольный круг росшего около него тутовника.

— Мухтасар, о наших женщинах расскажи! — попросил агроном, закладывая в варево рис. — Какие они у нас красивые, добрые!

— Я их терпеть не могу! — ответила гневно девушка.

— Ты что? — выпрямился Абиддин. — Разве можно такое? У них же много детей, они о них заботятся!

— Видела я, как они заботятся. В какой дом ни зайди, нет кроватей, дети спят на полу, вповалку, без простыней, укрываются одним одеялом. А стирают его через три-четыре года.

Мухтасар восторга своего начальника не разделяет и рассказывает о том, какие сельские женщины глупые и жадные.

— И ни одной книги в доме!

«Не преувеличено ли это?» — подумала Анна, но вслух спросила иное. — Может в этих семьях каждая копейка на счету?

— Бывает, конечно, — вроде соглашается Мухтасар, но возражает. — Я по ведомости вижу, сколько они получают. Нельзя сказать, что у населения нет денег. Машину у нас непременно купят, а вилку, ложку — нет. Женщины закупают десятками метров плюш. Платят за невесту большой калым, а купить себе пододеяльник, полотенце, простыню не подумают.

Поварешка Абиддина уже минуту сердито моталась в воздухе, он пытался урезонить своего бригадира, но та закусила удила и выпалила:

— Я еще с твоей женой разберусь!

— Марьям не трогай! — выкрикнул агроном. — Чем она тебе не пришла?

— Мы недавно большую денежную премию давали, дарили колхозницам ночные рубашки, полотенца, домашние тапочки. Раду-

емся в правлении, что сделали доброе, захожу в дом к Абиддину и что же?..

— Что? — сердито выпрямился он.

— Марьям опять босиком по холодному полу ходит, опять во всем доме ни одного полотенца.

— Неправда, она в калошах ходит! — защитил свою жену агроном.

— На босую ногу, в резиновых, — фыркнула девушка. — А вы спросите, почему она ходит без носков? Она же все прячет в сундук. А этот сундук бездонный.

Уж тут Абиддин повеселел, вошел в комнату с подносом плова.

— Причем тут Марьям? Мы живем как все люди. По исламу. Аллаха так велел, чтоб был калым.

Но Мухтасар, видно, немало в своей жизни читала, потому мгновенно возразила односельчанину.

— Я читала Коран. Нет там такой глупости. В Коране не написано, что во время свадьбы надо вывешивать на стене сто платков, притом бельгийского производства, и выставлять на обозрение швейную машинку «Веритас». Авторы Корана не были сотрудниками «Внешпосылторга».

Мухтасар потянулась к полке, достала толстую книгу, поднесла к носу своего начальника и спросила:

— Покажи мне страницу, на которой написано, что отец парня должен дать отцу невесты японскую видеотехнику и целый университет баракла?

— Что ты ко мне прицепилась? — возмутился уже всерьез Абиддин.

— Вы с Марьям хорошему парню из моей бригады, который сватался к твоей дочери, жизнь ломаете, а я не имею права его защитить? Почему он должен принести тебе костюм... с английскими этикетками? Тебе Коран подсказал быть взяточником?

— Видите, как коварен Сундук? — повернулась хозяйка к гостю. — Вот и напишите об этом. Тогда я вас уважать буду.

До чего же она права, эта девушка, смелая и красивая, как восточная персидская, подумалось тогда Анне. Сундук и впрямь воспитывает алчность, он полон мещанства и непорядочности. Дети около него сидят и спят на прохладном полу. Сундук убивает тонкие и нежные чувства между мужчиной и женщиной, превращает их свадьбы в торг вымогателей. Он отнимает у детей фрукты: лучший виноград и гранаты идут на базар. Женщина из-за этой «сберкнижки» видит на своем столе только лепешку и чай. У Сундука не бывает дна. Он сжирает деньги, здоровье, ломает мечты, чьи-то планы, разоряет государство. Выдавливает людей в средневековье. Религия поклонения шмотке убирает с дороги честного, отнимает у человека современную жизнь, засовывает его в Сундук, как обезьяну в клетку.

— Они калым большой за невесту сдерут, — объяснила Мухта-

сар Anne, — потом парни со злости лупят своих жен. Вся жизнь потом идет наперекосяк. И женщины хороши. Когда сбегают от своих домашних тиранов, знаете, о чем беспокоятся? У них душа не о детях болит. Не о том, что некому досмотреть стариков. А о том, кому теперь достанется Сундук?

Абиддин торопливо ел плов, украдкой и стыдливо поглядывал на свою подчиненную.

В старые времена пожелание гостя в восточном доме было таким: «мир вашему дому». Здоровья хозяину. Здоровья хозяйке. Счастья и любви молодым. Пусть ребенок придет в этот мир со своей долей».

— Забыла? И прежде говорили: «со своей долей»! — покопавшись в памяти, обрадовался своей находке мужчина.

— «Со своей долей»... необходимого, — поправила агронома грамотная и шустрая Мухтасар. — Со своей долей здоровья, — терпеливо она объясняла Абиддину. — с образованием, со своей кроватью и простыней. Остальное тебе не обломится, понял? Иначе — в райком! Партбилет на стол положишь, взяточник поганый.

Односельчанин втянул в голову плечи от ужаса, повернулся к Мухтасар, да так, чтоб гостя не видела, как он грозит ей кулаком.

В дверь и окна едва проникала прохлада, в комнате было очень душно, выйти бы во двор, но Anne хотелось выслушать все, что могла произнести Мухтасар.

— Страна давно зовет жить иначе, — размышляла девушка. — Она говорит своим гражданам: вот вам квартиры, училища, институты. Покупайте детям книги, отправляйте их в пионерские лагеря.

— А что граждане? — в тон ей шутиливо спросила Анна.

— На кладбищах памятники строят в трехэтажный дом и цветными кирпичами выкладывают крупно: «оглы-Ибрагим умер в... году». На это уходят огромные средства. Потом плачут, что нищие, нечем детей кормить. Им дай миллионы, они все равно их досыта кормить не будут: все спрячут в сундук. Зачем до седьмого пота работать в поле с кетменем во имя... украшения могил, а не жизнью?

В окна потянуло запахом мяты, затрещали цикады. Абиддин как-то боком, боком тихо вышел из комнаты, в которой ему устроили такую крупную выволочку, видимо, наказав себе твердо: живи так, чтоб за тебя не было стыдно, чтоб не приспособлять под свою глупость других.

— Не очень ли вы смелая, Мухтасар? — спросила Анна, забеспокоившись, что теперь девушку из кишлака выживут.

— Не выживут, — успокоила она гостью. — Из женщин только я умею водить комбайн. Они мной гордятся. За своих жадных и глупых жен они будут отчитываться в райкоме? Если до конца и по правде, им самим с сундучными плохо. Вот и напишите о вреде ка-

лыма. О вреде жадности. Я эту газету на каждом дереве в кишлаке повешу.

Но люди в целой Вселенной не послушали ни Анну, ни восточную девушку Мухтасар: сундучников вокруг, даже в Москве, становилось больше и больше. В жизнь вошла и эта реальность.

Анна в тот момент не догадывалась, что социализм будет недопетой песней человечества, недоцветшим бутонем, несбывшейся мечтой. Что устройство это лишь для честных, работяг и романтиков. Тем не менее, понимала, что к социализму еще идти и идти. Десятилетиями. Строить бы все время дома, санатории, электростанции... Уноситься бы на Марс!

Однако естественный код романтиков был внезапно взломан.

Социализм привык заботиться обо всех, а негодяев не мог углядеть, будто его программа напрочь мелочевку не ущупывала. Социализм о людях хорошо думал, а негодяй, напротив, глядел на него, сквозь щелочки глаз, будто через бруствер, прикидывая, как бы его растоптать? Социализм — программа без двойного дна, а угадай-ка мерзавца, что ему, с точки зрения алчности, в этой жизни еще не хватает?

Тесноваты просторы социализма для хапуги — все ведь на виду. Мелкую, очень мелкую дичь можно, конечно, незаметно переварить. Однако завод при социализме, будто кошель, в карман не упрячешь. За уворованные детали с предприятия большой срок прежде давали, а уж к крупной поживе никто и не тянулся.

Но прощельга — палач любого порядка... Социализм не научился еще защищаться так ловко, чтоб негодяй никогда не мог считать себя вечно невинным. Прощельга и социализм не уживаются, не глядятся рядом, будто цветок и гадюка. Даже в один век им трудно ужиться.

При социализме гнусность втихую на мир из подворотни глядит, чтоб отметить, что с борта упало, что еще тайком бы утащить из института, стройки, с завода, у другой жизни.

Карьерист поначалу тоже много раз вокруг оглядится, чтоб не раскрыться раньше времени

И наглецы при социализме не в полную меру живут. Прикинув, как бы сломать шею другому, поганцы все же боятся, что процент раскрываемости коснется и их.

У невежественного тоже при социализме не все ладится. Глупость за версту видна. Кто-то фыркает, кто-то над нею открыто смеется, иной вежливо отводит глаза. Вот и стыдно век в недоумках ходить, глядя, в педагогический, да поступил.

Однако наступил день, когда вору надоело не воровать. Карьеристу совсем плохо стало без того, чтобы не подставить подножку миллионам. Невежественный возомнил, что видит наперед весь ход истории, и надо бы всех в такую сторону повернуть, чтоб и ему,

добычливому, тоже неплохо жилось.

Что после этого случилось, весь мир увидел, но не вздрогнул, а обрадовался тому, что ни страны, ни миллионов людей на земле уже нет.

Странный, однако, этот мир. Он открыто радовался слову жизни других, считал беды и несчастья миллионов — своей удачей, победой столетия. Выходит, что людская цивилизация — просто гнусная помойка?

— Купила мешок макарон, — радостно сообщила пассажирка подруге в автобусе. — Перепродам. Это мои золотые сережки.

— Молодец, — охотно поддержала другая. — Я вчера прихватила две меховые шапки.

— Почему на наших казначейских билетах до сих пор Ленин? — заорала вдруг на всю страну поэтесса Иванова. — Почему в школах кормят всех детей, а надо кормить адресно? Выборочно...

И сделала категоричный вывод: — Прежние уйдут, все помирятся!

После этого народная дрянь с удовольствием улетела в Америку, на казначейских билетах которой уже много лет нарисован... масонский знак.

— Это лучше? — хотелось бы ее спросить, но поэтесса уже вместе с сыном обживала чужие просторы. Какие-то очень странные, абсолютно не обжитые совестью просторы. Как человек в эти прерии попадет, так, будто джин в сказке, переворачивается, и ненавидит в ту же минуту собственную страну. Будто в аэропорту ему темечко желтым елеем мажут, а тот проникает в черепную коробку, выедаёт мозги, оставляя лишь мелкие незначашие ростки.

В американской печати появилось вдруг сообщение, что в Израиле создано несколько управлений по разрушению Советского Союза.

«Этим-то что нужно? Им это зачем?», — удивилась Анна. — Люди уехали сами, их никто не гнал, напротив, удерживали. Однако уехали. Уехали за еврейской мечтой, и о них тут давно забыли. Как и они мгновенно забыли о прежней стране «пребывания», как величают свою родину те, кто вечно бежит из какого-нибудь Египта.

— Какой хороший пинок дал матушке-России Егор Гайдар! — с восторгом изрек на Брайтоне в защиту неудачного внушка сказочника Бажова американский иждивенец Василий Аксенов, которому великодушно позволили прижиться около чужих унитазов.

— Почему вы, Леонид, бегаєте по Москве и собираете подписи на выборах за Ельцина? В будущем — это же платное лечение... Ты врач, понимаешь, где люди найдут деньги на лечение? Да и сама на пенсии, как... лечиться будешь?

Леонид распрявил листочки, бережно положил их в папку.

— Нам сказали в синагоге: если мы не изберем Ельцина, в августе в Москве будет еврейский погром.

— Какой?..

Погром в августе все-таки был. Однако не в Москве, а в далеком Нью-Йорке. Хасид-водитель по неосторожности в бруклинском районе Краун-Хайте задавил черного ребенка, не нашел нужным остановиться, чтобы отвезти мальчику в больницу. Тогда афроамериканцы начали громить еврейские лавки и магазины, зарезали студента-еврея, мальчишку 16-ти лет, который только что прилетел из Австралии в Нью-Йорк. Комиссар полиции и мэр Бруклина палец об палец не ударили, чтобы остановить это этническое безобразие.

А люди, которые в столичной синагоге вещали насчет погрома в Москве, видимо, жили в каком-то своем мирке, советскую страну не любили, либо недавно въехали в нее, потому перепутали психологию тех и наших, вот и ввали напропалую... лишь бы наврать, ввести в заблуждение, спровоцировать конфликт.

Но в тот день погром все же был и в Москве. Целый день у Дома Верховного Совета болтались Леонид и его жена. В подвале гуляли будущие нувориши. Совсем, как бомж, дремал на стуле в коридоре Дома Верховного Совета Растропович, в футляре которого, рассказывают, в тот день пряталась не только скрипка... Композитор со своим оркестром, то есть с сотней таких же загадочных футляров, напичканных отнюдь не скрипками, был, словно цэрэушник, и в Германии при падении Берлинской стены. Зачем Растроповичу это было нужно, он что — не каждый день музыкант, а совмещал еще какие-то тайные профессии?..

В этот день был рагромлен Советский Союз. И миллионы людей мгновенно стали безгосударными, ничейными, без политической и национальной крыши над головой.

Но почему? В стране почти не падали самолеты, исправно работали заводы и фабрики, на Кубани вызревала пшеница, на поле порой без единого сорняка, однако, недовольных теперь было столько, будто каждый умножился в кубе.

Люди утром спешили на работу, но в метро, отложив в сторону газеты, жаловались друг другу на то, что вот уже два смотровых ордера на бесплатную квартиру получено, а все, видите ли, не то: лифт не имеет права громыхать за дверью, а метро не имеет права далеко отъезжать от подъезда.

— Теперь колбасу у нас только мухи нюхают. Совсем нечего есть, — жаловались во дворах бабушки и целыми пакетами сбрасывали с балконов вороном хлеб, гречку, пшено и просо, очень жалая воробьев, но абсолютно не жалая людей, подоконники которых они закидывали мусором.

Потом кучи колбас находили отчего-то не в магазинах, а в лесах. Какая-то неправильная и нечестная сила начала повально расправляться сознанием людей.

Веgeto-сосудистая неустойчивость и подлость ворвались в их души, и вот уже узбеки крушат дома турков, сжигают в этих стенах живых людей лишь за то, что у них лучшей марки холодильник или на ковер-два в комнатах больше. На стенах домов по ночам рождалась зверинья лозунги: «русским — Рязань, татарам — Казань».

Потом поднялись на дыбешки армяне, искренне считая, что Армения предназначена только для армян, забыв, правда, что царство армянское в древности было кочующим, то на одной территории, то на другой, где удавалось меж другими народами втиснуться. В итоге по холодным горным перевалам потянулись несчастные больные беженцы с голодными детьми на руках. Боль и страдания выброшенных из квартир азербайджанцев в Ереване не заметили, но какой громкий стон раздался на весь мир, когда армяне из Баку столкнулись с крепко сжатым мусульманским кулаком, лупцевавшим уже, кого ни попадя, по всем южным окраинам страны.

В Баку во время погрома на улице что-то жарили на огромном вертеле.

— Я это увидел из окна гостиницы, не понял, в чем дело? — рассказывал позднее однокурсникам журналист Всесоюзного радио Леонид Лазаревич. — Спустился, подошел к группе смеющихся людей. И услышал вдруг хвастливое, что они жарят армянина. Мне дурно стало. Я едва добрел до крыльца гостиницы.

На камнях за городом несколько дней лежали убитые армянские дети. Бандиты врываются в квартиры, грабят, убивали жильцов. Но когда на улицы азербайджанских городов вошли солдаты для усмирения убийц любой национальности, истеричный вопль, выдаваемый за святое возмущение, переполошил весь мир, дескать, советская армия убивает невинных... азербайджанских граждан.

Когда-то страна зачитывалась книгой Виктора Драгунского «Денискины рассказы»:

«Я услышал, как мама сказала кому-то в коридоре:

— Тайное всегда становится явным.

И когда она вошла в комнату, я спросил:

— Что это значит, мама: «Тайное становится явным?».

— А это значит, что если кто поступает нечестно, все равно про него это узнают, и будет ему стыдно, и он понесет наказание, — сказала мама. — Понял?.. Ложись-ка спать!».

«Но у меня было столько новостей для папы, что я не мог удержаться. Из меня высыпались новости, прямо высказывали одна за другой. Потому что очень уж их было много. Если бы их было меньше, может быть, мне легче было бы перетерпеть, и я бы помолчал, но их было много, и поэтому я ничего не мог с собой сделать».

— Пап, а ты знаешь, сколько в озеро Байкал можно напихать Азовских морей?

— Где это он нахватался? Откуда? Когда?

Мама улыбнулась:

— Он современный ребенок. Он читает, слушает радио. Телевизор. Лекции. А ты как думал?

Он сказал:

— Ты не мальчишка. Нет. Ты просто профессор! Настоящий профессор... кислых щей!».

«Хотя мне уже идет девятый год, я только вчера догадался, что уроки все-таки надо учить. Любишь не любишь, хочешь не хочешь, лень тебе или не лень, а учить уроки надо. Это закон. А то можно в такую историю вляпаться, что своих не узнаешь».

И что же изрек этот «профессор», когда вырос? Он вдруг сделал самые неожиданные выводы: «бесплатное образование бывает только в зоне».

— Неужели сидел, неужели сын такого хорошего отца мотал срок на Колыме? — испугалась за него Анна. — Вся страна получала образование в университетах, а он в Мордовлаге? За какие преступления он туда попал? Почему же Денисик ни одного урока толком не выучил, хотя и слово давал, что будет исправно это каждый день делать?

«Тайное ведь всегда становится явным», — утверждал в своих рассказах его отец. Биография Дениса Викторовича оказалась обычной: окончил филфак МГУ. Как указывают сайты: преподавал греческий язык в Дипломатической Академии, был журналистом, политическим аналитиком в информационном агентстве «Постфактум», в журналах «Век XX и мир», «ДН», «Итоги», «Новое время», старшим научным сотрудником Института мира США.

Вроде все удачно сложилось в его жизни, но филолог вляпался-таки в некрасивую историю. Получив прекрасное бесплатное образование в Московском университете, он кинулся позорить, подрывать авторитет своего образования, безжалостно хлестать его собственным же кулаком. Будто персонаж комедии, показывающий зрителю, что может лупануть и слева направо, и справа налево, только любуйтесь эти ухарем!

В общем, как говорится, случайно МГУ толкнул.

Что такое неблагодарность? Свойство плохо организованных в душе людей. Так что отнюдь не профессор вырос в семье автора «Денискиных рассказов». И далеко не мудрец. А бойкий молодой человек, который, как и в детстве привык изрекать истины, вовсе не думая над тем, насколько они сомнительные и пустые.

И после изречения о том, что «бесплатное образование бывает только в зоне», не будет ли Драгунский-Второй пожизненно те-

перь выглядеть ретроградом, прямым потомком не писателя Виктора Драгунского, а наследником министра просвещения Российской империи И.Д. Делянова, издавшего в 1987 году «Циркуляр о кухаркиных детях», в котором было заявлено, что непременно «гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей»?..

И освободились тогда же, выбросив на помойку всех разночинцев, сломав судьбы тысячи пассионарных людей.

Может испугался Денис, как видим, отнюдь не профессор, что и другие получат образование, которое позволит его обладателям тоже преподавать греческий язык в подобной же Академии, да перекроют дорогу его будущим любимым чадам к столь же прекрасным должностям? Вдруг это будут дети рабочих и крестьян, как такое позволить? Потому и мечтал Денисик убрать возможных конкурентов. Может за этим ухарством дрожь в коленках была, страх, что дети его любимые не смогут также легко влезть в тот Сундук, в который удалось нырнуть и ему, кстати, благодаря отцу — артисту и писателю? Это тот случай, когда родители были лучше своих детей, хоть и успевших выучивших греческий язык, но не ставших от того умнее и добрее.

Потряс Анну в те годы и другой Драгунский. Давид Абрамович — генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза... В Великую Отечественную войну — командир гвардейской танковой бригады.

В те годы, когда все яростно отталкивали друг друга от жизни, генерал вел себя с великим достоинством!

Энциклопедии о нем сообщают: «Родился в бедной еврейской семье портных. В 1936 году с отличием закончил Саратовское бронетанковое училище, был направлен на Дальний Восток. Спустя год командовал танковой ротой; одним из первых на Дальнем Востоке провел свой танк Т-26, не предназначенный для роли амфибии, под водой через бурную реку Сейфун и через 15 минут вывел его на противоположный берег, для чего негерметичные участки танка обмазал суриком и солидолом.

За эту инициативу Драгунский получил награду — именные часы от командира дивизии. Как командир танковой роты, Давид Абрамович участвовал в боях у озера Хасан в 1938 году, удостоен ордена Боевого Красного Знамени.

В начале войны старший лейтенант Драгунский был на Западном фронте командиром танкового батальона. Осенью 1943 года после жестоких боев стал командиром 55-й танковой бригады, принявшей участие в освобождении Киева и Правобережной Украины. Когда в танковом бою в районе Малина под Житомиром 9-го дека-

лось переправить танки. Благодаря этому был захвачен Сандомирский плацдарм.

За героизм во время форсирования Вислы и удержание Сандомирского Плацдарма командиру 55-й танковой бригады Драгунскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

По распоряжению командарма П. С. Рыбалко в марте 1945 года Давида Абрамовича направили на лечение. Но к решающей битве за Берлин он «подоспел» и к середине апреля 1945 года вновь в 55-й бригаде.

27 апреля 1945 года на западной окраине Берлина 55-я гвардейская танковая бригада Драгунского соединилась с частями 2-й гвардейской танковой армии и советские танки вошли в Берлин.

Вражеский гарнизон был рассеян на две изолированные части. Берлин пал. За умелое руководство действиями бригады во время штурма, мужество и отвагу, за стремительный бросок бригады на Прагу, гвардии полковник Драгунский стал дважды Героем Советского Союза.

Давид Абрамович Драгунский принял участие в историческом Параде Победы 24 июня 1945 года — его танкисты прославились в боях за Берлин и за освобождение Праги.

В 1949 г. Драгунский окончил Военную Академию Генерального штаба, и ему присвоили воинское звание генерал-майор. В 1957—1960 г.г. командовал дивизией. В 1965—1969 г.г. был первым заместителем командующего войсками Закавказского военного округа. В 1969—1985 г.г. — начальник Высших офицерских курсов «Выстрел». С 1970 г. он — генерал-полковник танковых войск. В 1985—1987 г.г. Д. А. Драгунский состоит в группе Генеральных инспекторов Министерства Обороны СССР.

С 21 апреля 1983 года и до последнего дня своей жизни Давид Абрамович был бессменным председателем Антисионистского комитета советской общественности (АКСО).

После развала СССР он остался на своем посту. Генерал говорил, что искренне считает сионизм опасной человеконенавистнической идеологией, что сионизм сильно повредил евреям СССР, развалил их социальную и культурную жизнь, сильно повредил им в продвижении по службе. «Сионизм концентрирует в себе крайний национализм, шовинизм, расовую нетерпимость, поощрение террриториальных захватов и аннексий...». («Генерал Давид Драгунский. История советского еврея», журнал «Невероятные евреи», выпуск № 6-2010 г.).

И вдруг из подворотни выскакивает свора зомби, которая ногами живет в одной стране, а мозгами и душой исправно служит другой. Этот собачатник накидывается на старого генерала, много сделавшего для своей Родины, а не для мифической, мол, бог дал нам землю, и мы должны ее взять, вырвать из горла, тысячи других

загнать в могилы, забыв, что Бог, даже мифический, — категория нравственная, а не юридическая, признаваемая добровольно, однако не по принуждению.

Давида Абрамовича буквально растерзывают. Достается ему за то, что на курсах «Выстрел» преподавал военное искусство палестинцам, будто он по собственной воле выбирал своих курсантов. А палестинцы, негодяи эдакие, потом посмели, видите ли, защищать свой дом, а не наспех выстроенные на чужих землях жилища оккупантов. Генерала таскают по судам за то, что он не захотел признавать Серпентарий на юге за свой «Дом-2». Никак не признавал, что он с его обитателями одной крови.

Драгунский не носился со своей национальностью, как кенгуру с непромытой торбой. Никому не отравлял жизнь своими обидами на то, что не очень-то быстро, с его точки зрения, двигался по службе, видимо, понимал, что в том Апартеиде, в котором много навязывают шовинистических указаний другим, ни одному чистокровному русскому ни творческой, ни служебной карьеры пока еще не обеспечили. Он вслед за Герцлем мог сказать о себе твердо: «Я не следую религиозным импульсам».

И не создавал этот опытный вояка у себя в душе внутреннее гетто, из которого непременно бы вырваться, как из Египта. Притом, в удобную для себя минуту. Да еще чтоб в любой момент предательство выдать за подвиг, мол, любуйтесь мною в Апартеиде, я же к вам бегу, оцените заслуги, приготовьте квартиру, виллу и должностное местечко! Подобной схоластикой мифов генерал не жил. Ему не от кого и незачем было бежать, в том числе, и от самого себя. Он не был двойным и хитрым.

Драгунский любил страну, в которой жил и которую защищал. Никогда не врал на нее, не обливал помоями. Вероятно, знал фразу Хаима Вейцмана (будущего президента Израиля) о том, что «все эти евреи не стоят одной палестинской коровы», сказанной в тот момент, когда Давид Абрамович в рядах Советской Армии спасал людей, в том числе, и евреев, от истребления в немецких концлагерях. У людей его национальности во все века была, есть и будет нигде не афишируемая связь с соплеменниками, живущими в разных уголках планеты. Еврейское сарафанное радио в этой системе по всему миру всегда работало исправно, потому, скорее всего, генерал знал и другое высказывание Вейцмана от 1938 года: «Я задаю вопрос: — способны ли вы переселить 6 миллионов евреев в Палестину? Я отвечаю: нет. Из трагической пропасти я хочу спасти только 2 миллиона молодых... А старые должны исчезнуть... Они — пыль, экономическая и духовная пыль в жестоком мире... Лишь молодая ветвь будет жить». (Раввин Шонфельд «Жертвы Холокоста обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступниках», Нью-Йорк, 1977 г.).

Абрамович был бессменным председателем Антисионистского
Как же это высказывание Вейнцмана перекликается с известным высказыванием из «Евангелия от Матфея»: «Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь».

Вот и ушла в войну эта «экономическая и духовная пыль» в огонь, еврейская человеческая составляющая, которая, буд-то смоковница, в тот момент не нужна была никому, даже своим лидерам.

Генералу не хотелось стать пылью под ногами тех, кто заманивал профессоров, врачей, инженеров из любой страны в Серпентарий, а там превращал их в подметальщиков, курьеров, банщиков. Потому и стал жертвой той неожиданной войны, на которой вдруг победили недруги, объявившие вскоре отставку огромной страны вместе с ее ста восьмьюдесятью народами.

Мэр Москвы Лужков, любивший отключать канализацию, свет и воду где только можно, выгнал старого генерала из его служебного кабинета и в издевательство, в насмешку над ним сдал эти апартаменты частной сионистской компании. Вот у мэра Лужкова его национальная принадлежность, в отличие от Давида Абрамовича Драгунского, видимо, оказалась в данном случае значительной составляющей. Потому он так жестоко и цинично надругался над Героем войны, вскоре умершим после этого от инфаркта, но которому, придет время, на государственном уровне будет еще вручен посмертно третий орден Героя за защиту чести и достоинства Советской страны.

В день его смерти в газетах «Завтра», «Советская Россия» был опубликован некролог: «...16 октября 1992 г. Москва прощалась с верным сыном России Давидом Абрамовичем Драгунским. Генерал-полковник Танковых войск, дважды Герой Советского Союза, Давид Драгунский однажды сказал: «Я горд и счастлив, что принадлежу к поколению, которое воевало и сокрушило фашизм».

И в этом коротком прощальном тексте — тоже вранье и сознательная подмена понятий. Старый генерал был сыном Советского Союза! Иначе не расправлялись бы с ним так подло. Тут уже срабатывал национализм с другой стороны. Уже и оппозиция подчищала историю, ломала страну и корежила ее не меньше стреляющих окраин. Для чего охотно и сознательно путала бездушный космополитизм с теплым и добрым интернационализмом — братством людей в собственной стране. Всем почему-то и левым, и правым хотелось, чтоб каждый народ шел над бездной один, первобытным зверем, и поглядывал на тропки, по которым двигались другие народы, лишь рыча и оскаливаясь.

Потому стоило только Анне принести в какую-либо редакцию материал о необходимости сохранить государство в том виде, в каком оно есть, чтобы никому и никогда не приходилось бежать

с малыми детьми на руках, как слова «Советский Союз», «советский» тут же из текста даже в патриотическом издании вымарывались. Она понимала, когда некий Эндрю Росс Сорокин из Оклахомы, когда-то удравший из Советского Союза и уже привыкший к роли приймака на чужой земле, пишет в чужестранной газете, мол, «в 1927 году российское правительство выступило с предложением оплатить 15 % стоимости облигаций в обмен на новый французский кредит, но получило отказ». Так мог писать чужак, сознательно в своей статье подменивший название страны, ибо в те годы правительство уже было Советским.

Но также поступали и те, кто в речах и на всех перекрестках вроде горой стояли за Родину... Анна не понимала их задач, их подлинных целей. Неужели и они заодно с врагом, но, прикинувшись овцами, идут в тех колоннах, к которым реально, в душе никакого отношения не имеют?

Познавать в эти дни приходилось людей с разных сторон. Каждый повернулся к обществу, будто Луна, темной и неожиданной стороной.

Национализм, квинтэссенция которого расизм, прежде даже в спящей фазе отравлявший жизни лишь единицам, таким, как Анна и Хади, ныне в дружбе с Великим Сундуком, вкупе с национальной спесью и алчностью, под шумок и в неразберихе набивающий свое чрево чем только можно да побольше, вырвался из подземелий общественной жизни, будто раскаленная лава из огромной вулканической камеры, затопил, залил все вокруг. Теперь его огненные потоки, коридором выше, коридором ниже, извне и внутренне сжигали до костей многих. То в Молдавии взлетали вихри крови, то в Киргизии взрывались крученые бомбы злобы (я — лучше всех и в этом мире вне конкурса, понял, узбек!), то Грузия рвала на куски черноморские пляжи вместе с их обитателями. Вскоре киргизы написали в своих учебниках, что они — арийцы! Остальные азиатские народы — и рядом, оказывается, с их цивилизацией не стояли...

Чечня превратила сто семьдесят тысяч граждан в рабов, посадила их в ямы, заморила голодом, многим отрезала головы, а, получив за проступки по морде, взывала от возмущения, как же так, наших бьют, схватила в руки автоматы, гранатометы...и по скалам, по теплым людским шеям, по чужим и собственным детям. Сколько теперь их, инвалидов, стонет в чеченских детских домах! В это время чеченский поэт Лечо написал исследование о том, что вся цивилизация зародилась в каком-то высокогорном чеченском ауле. Может она там и зародилась, но почему дальше не развивалась, коль Лечо сам дважды сидел в яме рабовладельцев?

По всей стране взметывались протуберанцы необъяснимой не-

ненависти друг к другу: в Приднестровье молдаване стреляли во все, что двигалось. В Латвии на телебашнях шли горячие боины. Таджики закатывали друг друга в бетон. Казахи — в песок....

Лава страданий, то и дело взрываясь, летела на недосягаемую высоту, падала вниз тяжелой лавиной, заполняя опустевшим бездну умершими надеждами или еще живыми, но таки умершими, которые уже ни одним светлячком своим не могли порадовать и поднять над этими битвами ни одну жизнь. Неужели через такое глобальное поражение страны можно придти к каким-то победам?

Это мегатонное извержение национализма, рванувшее в стратосферу, услышала вся планета. Придушенные прежней жизнью инстинкты алчности, молниями теперь метались по пылающему небу, взрывной волной обогнули земной шар. Наверно, сотни раз, потому беду, спровоцированную на одной шестой части суши тысячами мерзопакостных душ, своих и чужестранных, не могла не заметить даже Галактика.

Обвал вершины на гигантское дно...И великое государство — Советский Союз, основа равной жизни для миллионов, уже грандиозными обломками лежит бездыханно на дне кальдеры. Однако его гибели никто, кроме жертв, не заметил. Оставшиеся в живых норвят в это время набить за щеки сотню бутербродов, выстроить не один, а кучу домов, пододвинуть прямо к крыльцу Гавайские острова или Сейшелы, чтоб теперь каждый день у ног шумел океан. Люди уже боролись не за необходимую долю во всем, а за... сверхдолю. Иной раз — космическую.

Сундук умудрился засунуть в свои недра даже политику, которая коли нынче и высовывала свою морду наружу, то вещала с трибун необуянную глупость.

— Страна должна быть маленькой и дешевой! — изрек на телеэкране Константин Боровой, слегка, конечно, перепутав Советский Союз с карликовой Кибуцией, не там ли и получил он сию установку?. В такой стране и нуждался индивидуально сам Боровой.

Но лекала эти чужеродные мгновенно подхватили другие. Многочисленный люд на улицах почему-то желал теперь несметных благ. Ну, каждому бы по пещере Аладдина или — Среднеазиатское управление железных дорог, в придачу еще и Норильский никель. Даже за счет убийства собственной страны. Прежние границы в этом простеньком желании «положить Багамы в собственную сумку», теперь очень мешали. Никого уже не устраивала когда-то выстроенная система сдержек и противовесов, созданная для того, чтоб человек не зверел, а тянулся бы, в первую очередь, к добруму и опрятному.

Безобразный Сундук, разросшийся в десятилетие до невероятных размеров, командовал теперь всей жизнью: когда-то мирные и тихие, трудолюбивые, не корыстные, люди замечали вдруг

иметь особняки даже в... Америке. В этом вопросе у всех появилась литерная скорость мышления, дабы не упустить хоть что-то и в момент агонии страны прихватить побольше заводов, рек, морей, территорий... Ради чего и взяли в руки автоматы, чтоб напроць снести башку другому. Чужая беда уже не воспринималась трагедией. Через нее перешагивали, будто через холмик, еще не заросший травой.

Сундук почти никому не оставил пространства для прежней внесундучной эры: безмятежно лежать на траве, читать книгу, спокойно плескаться в ближайшей реке.

Однако Сундук, вот ведь хитрован, не каждому исполнил заветное. Многим пришлось вдруг тащить на барахолку последнее: посуду или полупригодный светильник. Светить, радовать другого хотя бы просто человеческим и теплым словом, уже было некому. Все поодиночке металось по планете с баулами. Интеллект теперь был под замком: что ни скажешь против Сундука, высмеивалось в автобусах, магазинах, около дома. И в газету теперь не сунешься: за публикацию надо платить. Такого понятия, как гонорар, вроде бы никогда и не существовало.

— Почему, — спрашивал Рахман Анну в недоумении, — разобщить людей и сделать страну меньше — это подвиг? Все вокруг кричат: «развяжите Ельцину руки», и не заметили, как связали руки себе...

Чашечки кофе на столе перед коллегой уже не стояли долго, он их поглощал мгновенно.

— У меня даже дети стали идиотами. Нынче и они мне орут: — Папа, если бы ты был белым, ты голосовал бы за Ельцина.

Рахман улыбается, но нерадостно.

— Я отвечаю им, белые, что, все — дураки? В ответ слышу: — Что ты понимаешь, папа!

— Как поживает Катя, твоя старшенькая? — спрашивает Анна.

— Уже учится в институте. Тоже за Ельцина, говорит, что Ельцин — это свобода!

— Но это же платное образование, неужели Катя не понимает?

— А мы, мол, зарабатывать будем ...

Рахман очень переживает раздрой в собственном доме, мнется, не знает, куда себя деть и домой не торопится.

— Свобода... какая свобода, какой толк в том, чтобы закрыть заводы и фабрики? Почему безработица — это свобода? Где мои дети заработают? Какое они смогут жилье получить?

В последний год прежней жизни Рахману предложили в АПН переехать в Москву. В Агентстве нужен был переводчик арабских текстов на русский. И дали квартиру. На Крылатских холмах, в одном из лучших районов столицы. Но ордер из-за временных проблем с

гражданством оформляли на Лену.

Толстая, неповоротливая, она часами раскладывала на кухне пасьянс и проблемы с любой нехваткой денег сваливала на мужа, мол, зарабатывать в доме должен он, так принято у арабов,.

— Я только по дому...

Однако и в доме усердия не замечалось. Везде пыль, часами болтовня по телефону и умение красиво сварить только кофе....

Когда Лену спросили, на сколько членов семьи оформлять нынче ордер, она безмятежно ответила, что на четверых, насмерть забыв про старшую дочь, которая в это время жила в студенческом общежитии. Семья получила трехкомнатную, хотя заслуженному журналисту собирались дать площадь куда больше. Теперь Рахман, все уступив детям, спал в коридоре на диване.

В семейной жизни у него был полный облом, нынче жену будто подменили.

— Я всю жизнь ненавидела коммунистов! — вдруг изрекла она. — И делала все, чтобы уехать из страны.

Прежде Лена была преданной, любила накрывать на стол, встречать делегации, принимать редакционное начальство Рахмана, всем рассказывала, какой у нее замечательный муж... Но вот исчезли рядом покой и благополучие...

— По какому праву у моего деда отняли две лошади, корову и мельницу? Разве это богатство? — Вспоминая далекие годы, когда нынешних поколений с их претензиями и в задумке еще не было, то и дело взрывалась она.

Оторвав голову от будущей статьи, муж объяснял:

— По нашим временам, возможно, и не богатство... Но тогда, кажется, это был капитал, необходимый стране для дальнейшего импульса...

— Отнять и поделить, — смеялась Лена.

— Но ведь вернули...

— Что вернули? Что ты выдумываешь?

Рахман много читал, думал, потому мгновенно возразил жене.

— На моих глазах все вернули. И лишнего даже дали. Сколько лошадиных сил стоит твое образование? Сколько лошадиных сил стоит наша квартира, ты за нее хоть копейку заплатила? Почему две лошадки деда помнишь, а сколько через поколение тебе дали взамен, — не замечаешь?

Матерый эгоизм поднявших внезапно голову потомков кулаков был главной составляющей тех дней. Во многих семьях вдруг началась гражданская война. Между поколениями, между людьми разных социальных положений, между теми, у кого деды прежде имели хотя бы «сто... курей». Многие годы страна сглаживала любые углы, вела себя по умолчанию, чтоб никого не обидеть... Нынче же внуки тех, кто некогда пострадал, кого талантливо рассре-

доточили в огромной стране, чтобы выпустить в новую пахоту их ярость и стремление к разрушению, теперь на всех митингах вгоняли общество в вину перед собой, лишь бы оказаться в центре внимания хотя бы на час.

Потомки репрессированных, ничего, кстати, в своей жизни не терявшие, устроили на митингах и в печати такой дебош, что накопили уже новые караваны пострадавших, в придачу разнесли собственную страну вдребезги, не заметив даже, как отправились на погост миллионы ни в чем не виноватых перед ними людей. И все это было сотворено во имя давно ушедших в мир иной родственников, да, очень им родных и близких. Но задумался ли хоть один подобный наследник над тем, что, скорее всего, даже тем, кто когда-то и провинился перед Советской страной, понравилось бы такое безумное грязное мщение, лишь подтверждающее давнюю линию неприличного отношения к стране? Понравилось бы им это повторение?

— За что моего отца расстреляли? — возмущалась Лена. — Он тружеником был, на нем в Краснодаре институт держался. Как можно сажать ректора?

Немалые уже связи в Москве помогли журналисту заглянуть в личное дело тестя, которого он никогда не видел, однако, на дочери которого когда-то женился. Но правду ей не решился открыть. У отца Лены была большая растрата. И после обычного суда он не был расстрелян. Его, как всех растратчиков, посадили, а через год он умер. Попав в сложные обстоятельства и в неподходящие для немолодого человека условия в лагере.

Однако не хотел отец семейства, чтобы его дети ощущали себя внуками вора. Не хотел, чтоб дети знали, что их мать нагло врет. Он молча глотал все, чтоб не добивать семью, а Лена, закусив удила, уже требовала поставить во дворе института памятник «невинно» пострадавшему и загубленному злодеями. В институте, не изучив архивы (подлинники тогда были не в моде), прогнулись перед активной «демократкой» и бюст заказали.

Повзрослевшие дети слетали на юг, потом с гордостью рассказывали друзьям о замечательном дедушке. На отца теперь поглядывали какое-то время с жалостью, потом — враждебно.

Но самое страшное для Рахмана случилось тогда, когда по требованию иноземного президента было закрыто Агентство Печати и Новости. Признав верховенство международных законов, Россия превращалась в колонию и выполняла теперь любые прихоти начальства из Алабамы. Тысячи талантливых людей, владеющих языками, преданных собственному государству, а не воцарившемуся тогда в обществе пошлomu мифу о красоте чужбины, остались без работы. Где теперь заработать кусок хлеба, а тем более — иностранцу?

Под гигантскими обломками прежде могучей и сильной страны на дне кальдеры шевелились миллионы полуживых существ. Национализм тайфуном снес их жильё, мечты, надежды. Им оставалось самим выгребаться из-под рухнувших скал, утесов и дрожащими руками собирать в своей жизни хоть что-то: пару носков, когда-то брошенный на антресоли чемодан, пачку иголок, полотенце, затоптанное ногами ворвавшейся в дом гогочущей толпы. Но и эти жалкие остатки имущества по дороге в якобы Спокойный край у них пытались отнять. Одна шестая — уже была перегорожена шлагбаумами и мощными рядами таможенников, на шее у которых — орды полуголодных родственников.

Рахман регулярно читал газеты и знал, что в России людям месяцами не платят зарплату. Живущий на севере пенсионер в квартире упал, потерял сознание и примерз к полу из-за отключения отопления.

— Почему ваши парламентарии защищают капитал, а не людей?

— Они сами с головой залезли в Сундук и шарят в нем в поисках, чтобы еще прихватить... — отвечала ему Анна. — Не до людей им... Не до нас...

Она недавно вернулась с Украины и в поезде видела кощунственное: какие-то «качки» везли с Ямала в Харьков группу хрупких и нежных, как Майяне, девочек под предлогом знакомства с евангелистской общиной.

В длинных юбках, с накрашенными не по возрасту губами, они весело смеялись, с удовольствием глядели в окно.

— Почему вы в поезде, а школа как же? — спросила в недоумении Анна.

— Мы из далеких поселков, на Ямале школ уже нет, — ответила старшая. — Мы не умеем ни читать, ни писать, — буднично, без какой-либо боли даже за себя рассказывали они. — Вот только одна из нас считать умеет.

Девочки гляделись в зеркало, поправляли волосы. Как и Майяне когда-то, закалывали их яркими заколками. Только рассказывали иное. И ни одной книжки не было у них в руках.

— Как же родители отпустили вас так далеко?

Девчонки переглянулись между собой, рассмеялись.

— Мы из дома сбежали, они не знают, где мы...

В вагон зашли пограничники. Навстречу им поднялся седой и вроде благородной наружности человек. Через пять минут документы на девчонок ему вернули назад.

«Зачем сбежать из дому тайком, если намерения у сопровождающих благородные? — спросила себя Анна и вдруг поняла, что девчонок везут, скорее всего, на продажу. Она поднялась, вышла за одной из них в коридор, стала дежурить около туалета.

— Давай я запишу твой адрес, — шепнула она девочке, когда та

вышла с полотенцем через плечо.— Родителям сообщу, где вы...

— Зачем? — испугалась юная жительница Ямала, занесенная может быть огромной бедой уже на пролетающие за окном поля Украины.

— Вдруг что-то случится, они должны знать, где вас найти...

— Пастор плохого не позволит, — недовольно поджав губы, ответила гордо девочка. — Пастор у нас хороший.

Она скользнула мимо и спокойно ушла в купе, из которого уже с угрозой во взоре поглядывал на Анну здоровый мужик, которого неопытная девчонка приняла за священника.

— Неужели и к нам пришла торговля детьми? — смекнула вдруг Анна, когда увидела плевков гноя в мойке, над которой только что умывалась девочка.

«У них же туберкулез, кому они всерьез нужны? — обдумывала она тяжелейшую ситуацию, совершенно не зная, как помочь попавшим в беду девочкам, нежным и трогательным, как и Майяне из Панаевска, но беззащитным, как и те мальчишки, которых когда-то на продажу, по словам Рахмана, везли по африканской саванне в мешках.

— Если у них туберкулез, слабое здоровье... Они же никакой эксплуатации над своими крошечными и больными телами и трех дней не вынесут. Выходит, девчонок везут на... органы?

Поезд затормозил. В Харькове сбежавшие с Ямальского полуострова девочки дружно спрыгнули с подножек вагона. Их подхватили уже местные «качки», на две головы выше своих подопечных. Пастор что-то девочкам шепнул. Глядя на Анну, они pokrutilи пальцем у виска, а «качки» украинские с перрона погрозили ей кулаком.

Вернутся ли когда-нибудь эти северянки в края, «где олень держит на рогах день»? Где пускают прозрачные гейзеры в холодной Обской губе белухи, где живут щекур, гагара, налим... Будут ли и они еще там жить?..

Капитал... он выгоду не упустит. В любые века, в любом краю. У всех поколений, которые позволили согнуть себя Капиталу. Даже если в мешках шевелится плачущий и беспомощный товар. Или бойко пока еще прыгает с подножки вагона. Помощников у этой алчного, циничного устройства много: благородные пасторы, киношные режиссеры...

Еще действуют в стране Конституция и 41-ый закон, по которому медицина бесплатная, но на экранах телевидения уже кочуют кадры о бедном юноше, у которого больная мать, или молодая женщина с больным дитем на руках. А денег на операцию нет, потому непременно надо бы, подсказывает режиссер, кого-то обокрасть или убить. Потом будь, что будь...

Можно, конечно, за такое святое дело, когда помог своим, но

уничтожил других, пойти и в тюрьму. Но в жизни новичка там потом будут всем камерным братством без устали насиловать, а, выйдя на свободу, паренек с порванной с прямой кишкой больше трех месяцев не проживет. Режиссер, конечно, об этом умалчивает. Ему нужна романтика воровства, однако, не страшная реальность жизни, а потом и реальность смерти.

То есть интеллигенция открыто, всеми художественными формами нагло и подло толкает человека на преступление, растлевая его. Интеллигенция занимается килерством, убивая чужую душу, желая другому того, что каждый не пожелал бы своему дитю.

Мир всякий раз жестко учил Анну новому. Учил и сегодня. Или ты нынче в своей профессии ноль и напрочь забываешь прошлое. Превращаешься в зомби, так никого и не защитив.

Либо ты — килер, боевитый, наглый, научившийся убивать каждую клеточку прежней жизни даже... словом. Как на телевизионном экране, на котором каждый день что-то в ком-то и кого-то убивают: чужое достоинство, чью-то мысль, чье-то желание вернуться к той жизни, в которой прежде у кого-то что-то и отняли, было такое, однако, отнятое поделили. Между всеми. А в эту эпоху отняли, но ни одной копейкой с другими не поделились. Накупив в других странах, будто гроздь бананов, кучу вилл, яхт, замков. Как тут написать традиционный и любимый всеми властями материал под заголовком «Итоги радуют»?

Хотя... и киллеры пишут уже подобное. Даже в кинофильмах показывают. Но восхищаться этим у Анны не получалось. Рахмана также не радовало почти все, что происходило в стране. По-прежнему он читал каждый день газеты, звонил Анне и комментировал их, будто отстреливался:

— Фронт резко переменялся... С журналистикой этого дикого поля у вас никто не умеет воевать. Хочешь, научу? Большевики во всем виноваты? Не спорь, поддакивай во всем. Пиши, что это они подбили туземцев съесть Кука в Меланезии. И шумерские захоронения в древней Месопотамии — тоже жертвы большевистских репрессий. Вулкан Кракатау... — это большевики взорвали, когда кинули в него водородную бомбу.

— М-да, а кто написал письмо турецкому султану? — мгновенно поняла Анна, повеселев из-за открытия, что и на том поле, на котором неплохо устроились мощные и недобросовестные люди планеты, тоже можно что-то отстаивать свое.

— И граф Дракула — большевистский агент. На Лубянке им очень гордятся... Наградили сотней орденов, снимают фильмы... Народные денежки ведь не жалко...

Доводить до абсурда? Но как еще ответить тем, у кого танкеры, особняки, самолеты? Может хоть усмешкой размыть бы их по

шлые идеалы, их визгязычное желание превратить каждого человека в придурка.

— Еще одно предательство, — тяжело вздохнул Рахман при очередной встрече и отложил газету в сторону. — Кто после этого Россию уважать будет?

Анна вернула ее на стол и прочитала о том, что лидер Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан обращался к российскому президенту, премьеру и к спецслужбам с просьбой разрешить остаться ему в России. Ельцин был в очередном запое. Окончательное решение принял Примаков, а он сказал твердое «нет». Евгений Максимович отказал, несмотря на то, что в свое время сам поддерживал отношения с лидером курдов и был даже в отдаленных курдских партизанских отрядах. Хотя в Госдуме почти все дали согласие на предоставление Оджалану политического убежища.

— Америка, значит, надавила. Или Турция пообещала повлиять на события в Чечне, — проанализировал Рахман ситуацию.

Вскоре Оджалан оказался в тюрьме — пожизненно — на турецком острове.

— Примаков после этого спит спокойно? — спросил как-то Анну коллега.

— Конечно, спокойно... — подтвердила Анна.

— Вот гляди, газета... Издается в Америке удравшими из Советского Союза вечно обиженными. В ней об измене партийной верхушки уже в давние времена говорится открыто.

Бывший советский человек, некий Марк Перельман, физик, живший теперь в Иерусалиме, на страницах газеты «Новое русское слово» напоминал о временах Хрущева:

«В конце 1956 года или в самом начале 1957 года в Египет направляется делегация Верховного Совета СССР во главе с Д.Т. Шепиловым, в то время редактором «Правды». В составе большой группы то ли переводчиков, то ли спичрайтеров — и Е.М., — . — Делегация должна была, в частности, прогнозировать вопрос о возможности освобождения арестованных к тому времени коммунистов. Но Шепилов вынес из этой церемониальной, вообще говоря, поездки иное впечатление: он уговаривает быстрого на решения Хрущева в корне изменить концепцию внешней политики СССР — от поддержки рептильных компартий перейти к поддержке там, где можно, так называемых национально-освободительных движений!

Шепилов становится на восемь месяцев министром иностранных дел СССР, закладывает основы незыблемого вплоть до распада Советского Союза внешнеполитического курса, так что даже нашумевшее изгнание «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» (помните анек-

доты о самой длинной в мире фамилии?) не меняет, увы, этой концепции. Марк Перельман, доктор физ-мат. наук, Иерусалим, г-та «Новое русское слово», 10-11 октября 1998 г., Нью-Йорк).

— Е.М. — это же Примаков, — расшифровал нынче Рахман. — Как, по-твоему, главный редактор газеты «Правда» обсуждал тогда с арабистом Примаковым идею будущего предательства?

Конечно, обсуждал. Тем более, что в ту поездку Дмитрий Трофимович взял Евгения Максимовича, как советника по арабским делам. Обсуждали и, видимо, не раз. Но каким образом эта пошлая установка стала главной по отношению к коллегам-коммунистам из других стран? Притом, у первого на земле советского государства... Кто бы знал тогда, что идея Измены поселилась в те годы уже прямо в Кремле? И социализм этот народец Измены начал сдавать, начиная с окраин планеты, с предательства арабских и африканских компартий.

Выходит, что для руководителей Советского Союза наши единомышленники в других странах такие, как Махджуб, Рахман, Хади, плачущие на университетских кухнях девочки, их братья и отцы, погибающие в Каире, Багдаде, а далее... везде... уже тогда казались им рептильными.

Конечно, это не Шепилов оторвал голову молотовской внешней политике первого Советского государства, обращавшей внимание в первую очередь на трудовые, а не на буржуазные резервы во всем мире. Дмитрий Трофимович, скорее, лишь довел до Хрущева концепцию арабистов нового поколения, ориентировавших страну на поддержку националистов, а не на поиски подлинных друзей, которых и без того у СССР было маловато в мире.

Ориентация на активную буржуазию в арабских и африканских странах была грандиозной ошибкой внешней политики страны. Вместо того, чтобы везде приводить к власти своих людей, как это делают американцы по всему миру, мы своих «опускали», или не обращали на них никакого внимания, а медом-сиропом разливались перед громко орущими выскочками. Пустой барабан, как известно, громко гремит.

Пришедшие к власти буржуазные офицеры все равно были крепко повязаны с западными банками через прежние займы, торговлю, общие предприятия, а независимыми становились большей частью формально. Для помпы, для вида, чтоб самим быть наверху. Потом бежали в мечеть, в которых нянчили тайно или явно свое мусульманство, хвастали своей правотоверностью, отчего волей-неволей помогли вскоре захватить влияние почти во всех мусульманских странах самым фанатичным и религиозным силам.

Уж если концепцию предательства арабских и африканских компартий и впрямь подсказал когда-то в самолете Шепилову арабист Примаков, а тот, как попугай, озвучил ее в присутствии Хрущева, то

уже одним этим шептанием Евгений Максимович нанес огромный вред стране вопиющим распылением левых сил. И своих, и единомышленников в других странах.... Но крепко спаял по всему миру чужое нам националистическое и религиозное кубло. Однако как такие подлые мысли могли придти в голову людям, которые вроде бы по положению своему должны быть умнее и прозорливее?

И лишь через много лет, уже почти на склоне лет своих Анна нашла объяснение подобному поведению арабиста и примкнувшего к нему Шепилова. Александр Петрович Шевякин в своей книге «КГБ против СССР. 17 Мгновений измены» подробно рассказал о том, почему некоторые высокопоставленные чиновники уже и на свою страну глядели как на рептильное, никому не нужное, образование.

Вернее, им не нужное. А люди не в счет. Кто они такие, эти мелкие букашки?

«...Весьма значительная доля международных — А. Г. и Г.А. Арбатовы, А.Е. Бовин, Р.Г. Богданов, Ф.М. Бурлацкий Г.И. Герасимов, В.В. Журкин, Н.В. Загладин, А.А. Кокошин. В.П. Лукин, Е.М. Примаков, А.Н. Яковлев — просто-напросто в какой-то момент либо сами перешли на сторону Америки, либо стали интеллектуально обслуживать явных врагов Советского Союза внутри страны. Интересен, конечно же, вопрос, почему они изменили? И ответ я нахожу не в том, что некая патология предательства есть в них, но и потому, что, получая сведения из первых рук, из закрытых спецхранов и минуя их, имея доступ к свежей разведывательной информации, они подвергались психологическому воздействию со стороны Запада, они убедились в его интеллектуальной мощи как никто другой...».

Но и внешние сторонники Советского Союза — на митингах, перед толпой такие хорошие, а изнутри — черви грызущие, были такими же хищниками, как и вся собравшаяся при жизни Андропова команда.

Вот, положим, Насер... Википедия сообщает:

«В беседе с госсекретарем США Дж. Даллесом в мае 1953 Насер сказал: «Если мы и опасаемся коммунизма, то изнутри, а не экспортируемого СССР. И если я перестану вести себя как националист, то у меня в стране победят коммунисты».

После военного переворота «Свободных офицеров» и прихода к власти Гамалья Абдель Насера аресты, пытки и репрессии египетских коммунистов были продолжены. Сам Насер и ряд высших руководителей БААС рассматривали коммунистов как внутренне-го врага.

В декабре 1958-го в Египте вновь стали арестовывать коммунистов, обвинив их в «предательстве арабского дела». Бывали, напротив, и периоды относительного послабления: например, из еги-

петских тюрем в 1960—1962 годы были выпущены левые деятели и коммунисты, многие из которых были назначены на руководящие посты. В годы объединения Египта и Сирии в единую Объединённую арабскую республику египетские спецслужбы нанесли значительный урон до тех пор там весьма сильному коммунистическому движению в Сирии. В 1965 году в результате полицейских репрессий объявили о самороспуске, частично влившись в состав Арабского социалистического союза».

Но поразительно, как по-доброму относилось руководство Советского Союза к этому антикоммунисту и националисту Насеру! О том, какую огромную, фактически безвозмездную помощь оказала советская страна Египту, описал в своей книге «Гамаль Абдель Насер» Анатолий Агарышев:

«Национализация Суэцкого канала принесла ОАР некоторые финансовые средства. Было решено использовать их для строительства Высотной плотины на Ниле. Но этих средств не хватало. Отказавшись финансировать строительство, США считали, что Советский Союз не в состоянии помочь Египту. Даллес так и заявил на заседании сенатской комиссии 28 сентября 1957 года: «В принципе допустимо, что Советы согласятся оказать помощь, как приманку. Но они никогда не смогут построить эту плотину».

Но Даллес жестоко ошибся. В декабре 1958 года Советский Союз подписал соглашение о предоставлении экономической и технической помощи в строительстве первой очереди Асуанской плотины. При этом за основу был принят проект советских специалистов, признанный лучшим на международном конкурсе.

Никогда раньше Александрийский порт не принимал такого количества грузов, как в те дни. День и ночь у причалов разгружались суда. На берегу выстраивались целые пирамиды пахнущих смолой ящиков. Земля содрогалась от рева многотонных советских самосвалов, бульдозеров и экскаваторов. На железнодорожных вагонах, из которых формировались составы, уходившие из Александрии, ставилась короткая надпись: «Высотная Асуанская плотина». Грузы отправлялись также и по Нилу на наспех сооруженных плотках, баржах и на фелюгах. Толпы крестьян выходили на берег реки, провожая барабанным боем вереницы плотов и фелюг. Из-за барханов пустыни выныривали на верблюдах бедуины и, увидев речные караваны, палили в воздух... Маленькая железнодорожная станция Асуан на юге Египта, которую с трудом можно было отыскать на карте, удостоилась вдруг внимания крупнейших международных агентств, газет и журналов. Даже высокопоставленным служащим египетских министерств пришлось задолго до 9 января 1960 года забронировать места в единственной на весь город гостинице «Катаракт». Наступил торжественный день. В десяти километрах от города на каменистой площадке, с ко-

торой хорошо видны Нил и окаймляющие его утесы, раскинулся огромный шатер, рассчитанный на несколько тысяч человек. Рядом был сооружен каменный постамент с нишей. Около него феллахи в голубых галябиях держали стреноженного быка. Шатер не вместил всех собравшихся, люди сидели на прибрежных скалах, стояли вдоль дороги, ведущей из Асуана. Вдруг, словно по мановению волшебной палочки, гул многотысячной толпы стих. Колонна черных машин, показавшихся из-за поворота, остановилась перед шатром. Первым из машины вышел Гамаль Абдель Насер. Он радостно улыбался, подняв руку над головой в знак приветствия.

Люди кричали, как солдаты во время атаки. Полицейские, взявшись за руки, едва сдерживали напор толпы. Вместе с Насером прибыли гости из многих стран, в том числе и советская правительственная делегация. Жестом он приглашает всех осмотреть модель будущей плотины. Затем в нишу каменного постамента заложили документы, связанные со строительством плотины, коран, монеты — это для потомков.

Наконец нишу замуровали, стреноженный бык дернулся в предсмертных судорогах. Традиционное жертвоприношение совершилось. Так египтяне поступали всегда, предпринимая великие дела.

Гамаль Абдель Насер с гостями вошел в шатер. С трибуны, украшенной флагами ОАР и СССР, он горячо поблагодарил Советский Союз за помощь в строительстве плотины.

Затем Насер и гости одновременно приложили пальцы к кнопке взрывающего устройства. Дрогнули черные скалы. К небу взметнулось коричневое облако песка и камней. Тысячи людей с кирками и лопатами бежали к месту взрыва. Тяжело рыча, разворачивались бульдозеры и экскаваторы. Великое покорение Нила началось».

И вот за эти горы ящиков, тысячи экскаваторов, грузовиков, тонны цемента, советское правительство не посмело защитить брошенных в тюрьмы египетских коммунистов! Не говоря уже о том, чтобы привести их во второй-третий эшелон власти!

«Мы в Египте ждем того уже недалекого дня, когда красный флаг взвоет над пирамидами, чтобы салютовать красному флагу над Кремлем!», — сказал в 1923 году первый лидер Египетской коммунистической партии Хусни Аль-Ораби. И не эти замечательные слова, не программа компартии Египта легли в нишу каменного постамента будущей Асуанской плотины, а Коран...

Выскачка Хрущев еще раз двинул поперек истины, то есть против концепции собственной атеистической страны, и лютому националисту Насеру присвоил звание Героя Советского Союза!

А это, интересно, чья была подсказка?

Помнится, тогда народ удивлялся, за что это антикоммунисту — высочайшую премию советской страны? Может не зря много лет

спустя внук Хрущева, тоже Никита, работавший дворником в Леонтьевском переулке в Москве, как-то сказал высокопоставленным жильцам в этом доме:

— Ну, какой дед коммунист? Он никогда коммунистом и не был...

И впрямь... Ну, построили мы Египту Асуанскую плотину, а в Индии — огромный металлургический завод... Когда Советского Союза не стало, эти страны вернули хоть что-то в казну коммунистических движений России, топнули ногой на Ельцина, когда тот в центре Москвы расстреливал собственных граждан? Еще богатейшая по тем временам Ливия не вернула Советскому Союзу, потом и буржуазной России, семнадцать миллиардов долларов.

Националисты всех стран шкурно помалкивали, радуясь тому, что некому больше отдавать долги. Их интересы понятны. Кошке кинули жирный кусок, она и слопала его. Но тяга во внешней политике позднего СССР ко всем антикоммунистическим силам в арабских и африканских странах, конечно, была пошлой и неразумной. Ведь в это время на колхозных фермах собственной страны не было ни одной асфальтированной дорожки, и бедные сельские женщины, зарабатывая средства для строительства далекой Асуанской плотины, с трудом вытаскивали ноги из грязи, когда тянулись из деревень на фермы к своим Зорькам и Майкам.

Однако эти острые углы обычной, но очень трудной деревенской жизни никогда не обсуждались вслух. В газетах под рубрикой «Мир за неделю» с утра до ночи восхищались приходящими к власти националистами на всех континентах.

Стоит ли удивляться тому, что в Советском Союзе никогда на страницах газет не было ни одной открытой дискуссии по поводу национализма, своего или чужого, как воплощения алчности и хитрости. Никогда не объяснялось, что национализм — это обычная программа ненависти, забравшаяся в души людей чуть ли не на генном уровне, когда у человека еще не было такой мощной защиты, как государство.

Национализм, как явление, никогда в СССР не был обсужден публично, не разобран на все его хорошие и гнусные составляющие, не объяснен, как факт разобщения и отторжения людей друг от друга, как источник в людском роду вечных бед и страданий.

Выходит, что из-за излишнего осторожничания и множественных хитроватых умолчаний уже в те годы вызревала огромная трагедия для всех тех людей на планете, кто связал свою жизнь с первой советской страной, кто был ей верен, кто считал ее идеи осью будущего мирового развития?

— Своих соотечественников, как молекул, сдавали миллионами в республиках, что им один единственный Оджалан? — беседуя с Рахманом, заметила Анна, вспомнив печально, какие горы оружия отдавали уходящим из страны регионам, чтоб потом там резали

головы всем подряд! Лишь бы никогда больше не было целостной страны. Только вот как понять до конца, зачем это все?

Во имя чего... Возможно, время и докопается когда-нибудь до истин, но пока что эпохе было не до разгадок. Время бесцеремонно тащило по камням всех, даже эпоху. Во всех точках такого вроде бы огромного земного шара.

Очень переживал Рахман за происходящее и на собственной Родине. Там все было, как и в России, только гораздо хуже. В уголовный Кодекс его страны уже были включены новые статьи: бичевание за употребление алкоголя, отсечение руки за воровство, избивание камнями за супружескую неверность.

— Конечно, мы тогда в 1971 году поторопились, плохо подготовились, не предвидели многого. — рассказывал Рахман о делах давно минувших лет. — Потому мы и проиграли. Но знающие люди понимают: мы спешили, мы делали все, чтобы братья-мусульмане и близко около парламента не оказались. Кто знал тогда, что богатейшая страна в мире — Саудовская Аравия — будет финансировать не полеты арабских парней в космос, не новые открытия в лечении рака, чтобы хотя бы дети от карценомы не умирали, а тех, кто протащит закон об отсечении головы человеку, если он против ислама? Или пожизненное заключение с конфискацией имущества за любую антиправительственную деятельность.

— Как видишь, мне путь домой закрыт... — добавил Рахман невесело. — И много лет у нас идет война... Представь, парень утром идет в университет, а его хватают на улице и отправляют на войну. Вечером он уже у матери на столе в... саване. Кто так делает?

— Из-за чего война?

— Помнишь, я много лет назад говорил, что нельзя в стране, где более трехсот национальностей, навязывать всем шариат? Не хотят шариат на юге. Не хотят женщины там ходить жарким днем в душных платках. Не хотят, чтобы их били плетьюми за любовь.

Анна когда-то интересовалась исламом и ее поразила воинственность и фанатичность его проповедников. Вот, положим, имам Абу Ханифа из средневековья... Но разве и в те времена надо было быть злобным и агрессивным? «...Аллах приказал начинать войну и сказал: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение», «Убивайте многобожников, где бы их не нашли». А вот слова ученого ханафитского мазхаба Шейха Абду-ль-Гания аль-Гунайми уже из 19-го столетия: «Джихад является общественной обязанностью — если какая-то группа ведёт Джихад, то с других эта обязанность снимается, если же никто его не ведёт, то грех ложится на всех людей по причине оставления этой обязанности. Сражение с кафирами является ваджибом (обязанностью), даже если они не наступают на нас первыми». «Посланник Аллаха сказал: „Мне было велено сражаться с людьми, пока они не засвиде-

тельствуют, что нет иного божества, кроме Аллаха. Если они засвидетельствуют это, то обезопасят свои жизни и имущество»...

— Но это же геноцид! Что за чушь, почему надо непременно наступать на другие народы? Это узаконенный религией захват чужих пространств и унижение других жизней. Почему на меня, моих друзей и близких надо непременно наступать, что-то у нас отнимать и даже убивать?

— Да, наступают и заявляют, что «только Халифат может сделать бедность историей». За семьсот лет ничего не сделали, а теперь вдруг сделают...

— Неужели такие невежды?

— Дремучие... Объявили социализм низшей формацией и навязывают экономику по шариату. Нет экономики по шариату! Беспроцентную ссуду объявляют находкой ислама, но простым гражданам и предприятиям ее давали и при социализме. Распределяют продукты по общинам. При социализме в трудные его годы люди имели талоны на все необходимое. Хотят, чтобы коммунальные объекты стали объектами общественной собственности. При социализме прачечные и многое другое было общественной собственностью. Однако в нашей стране частная собственность, кто отдаст даже прачечную? И почти вся земля в руках феодалов.

— Чтоб волки бегали по лесу, а овцы жили в уверенности, что их не сожрут! — подтвердила Анна.

Когда-то она встретила у Тургенева фразу: как только человечество перестанет бороться за социальную справедливость, книгу жизни можно закрывать. И какое благо, что еще находятся люди, которые в любой, даже в очень трудной для себя житейской ситуации, эту книгу держат открытой и не устают рассказывать о ней другим.

— Да, — согласился Рахман. — Это социал-демократия. А она, как евнух, — хороший охранник любого гнусного порядка. Вроде хочет помочь жертве, но охраняет и насильника. Это когда много болтовни, и никаких дел.

— И каков итог? — переспросил он и тут же ответил.— Частная собственность при попустительстве социал-демократии рано или поздно почти все у людей отнимает. И никакой шариат, никакие увещевания и призывы к совести и имени Аллаха тут не помогут. Все решает экономика, а не религия. Религии — это чтоб люди подчинялись. И боялись что-либо изменить. Религия в первую очередь нужна феодалу. Благодаря ей он владеет душою дехканина, как счетом в банке, как собственной мотыгой. Религия — это звено в буржуазной политике, ее родное ребро.

— Что делает Фарук, который учился на философском? Он в Хартуме? — поинтересовалась Анна.

Когда-то студент с философского предал русскую девушку, ис-

пугавшись, что Рая не будет ему верной женой, если вдруг он окажется в изгнании. Но идеалам своей юности Фарук, судя по рассказам Рахмана, не изменял, не выходил из компартии, хотя она уже много лет в подполье.

— Фарук выступает против утверждений, что «воистину, неверующие являются вашими явными врагами», — рассказывал о своем соотечественнике Рахман. — Наш парень с философского ненавидит утверждения: «О те, которые уверовали! Не берите неверующих себе в помощники и друзья вместо верующих. Мы приготовили для неверующих унижительные мучения»...

— Почему уготовлены мучения тем, кто далек от Корана? Как принять такой «добрый» совет? В общем, влез наш философ еще в тот серпентарий!.. — подтвердил Рахман и рассказал, что, конечно, братья-мусульмане не простили того, что философ открыто заговорил о средневековой зловредности религиозных книг, не простили ему утверждений, что авторы этих изданий даже не предполагали, что когда-нибудь рабства вообще не будет на земле, потому описывают его как норму. И не предполагали, что женщин нельзя будет когда-нибудь покупать, будто огурцы на рынке, как эта скупка живых душ рекомендуется в Суре 4 «Женщины»: «если вы боитесь, что не будете справедливы к сиротам, то женитесь на других женщинах, которые нравятся вам: на двух, трех, четырех. Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной или невольницами, которыми овладели ваши десницы. Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости (или бедности)».

Работая преподавателем университета, Фарук открыто возмущался тем, что женщина по шариату не может выйти из дома без разрешения мужа, не имеет права работать без такого же разрешения, что молодые люди не имеют права жениться по любви, а полностью подчинены воле родственников.

— Радио, телефон, Интернет, самолеты... Как можно в наши дни насаждать рабство? — возмущался нынче Рахман, а вспомнив Фарука, погрузился и добавил: — Мусульмане выслали ему фетву — предупреждение, что убьют его, если он не прекратит свои выступления на митингах.

— И как же он?

— Скрывается где-то...

Но, кажется, готов был скрыться из этой жизни и Рахман. Жена не подзывала его к телефону, когда звонили друзья, которые остались на прежних позициях. Уничтожала газеты, еще защищавшие советские принципы жизни, они ей, видите ли, давно надоели. Контролировала почту. Все больше и больше безработный журналист просто болтался на улицах. Но и на огромных проспектах

ему было тошно. Особенно когда видел юных девочек в мусульманских платках.

— Зачем это? — спрашивал он свою коллегу. — Они хотят многоженства?

— Как ни странно, уже хотят, — отвечала она ему.

Рахман вспоминал установки шариата, охотно и долго рассказывал, что в мусульманском обществе «запрещается мужчине смотреть даже на портрет женщины, тем более — с наслаждением». Шариат не признает красоты человеческого тела на фото, в скульптуре и на картине. Врач имеет право осматривать больную только через... зеркало. Муж может избавиться от жены, не объяснив ей причин развода. При любом мусульманском браке обязателен выкуп.

Анне тут же представилось, каково нынче живется в кишлаке когда-то колхозному бригадиру, шустрой и грамотной Мухтасар, где Сундук теперь открыто и нагло руководит жизнью уже почти на государственном уровне. Выстояла ли она, уехала ли, по-прежнему ли переживает за молодых, а может, как и Рахман, печально глядит в эту минуту на деревья вдоль улицы, на которой уже почти нет прежних лиц, а появились какие-то странные мумии, по нос закутанные в платки?

— Мы столько сил положили на то, чтобы мусульманские девушки спокойно учились, работали, гордились своими косами и прическами, а они... в Йемене, к примеру, проводят конференции, на которых сами женщины высказываются в пользу их же битья и кастрации... Объясни, что это? Глупость человеческая бесконечна? Мы этого просто не знали? Почему даже в России девушки легко и охотно влезли в хиджабы? Знают ли они, что за этим стоит? — спросил Рахман свою спутницу.

— Что именно?

— Когда их дочерей отдадут замуж в девять лет ...А то и в шесть... По шариату совершеннолетними считаются мальчики двенадцати лет и девочки с девяти лет.

— Но ведь по нашему времени это... — возмутилась Анна. — Это пора... и притом очень жестко — менять. В мечетях должны... Какой нынешний судья с этим согласится? Разве сегодняшние государственные установки не имеют значения?

— Кого это волнует? А женщины не отличают религиозный мираж от реальности и довольны тем, что сидят в четырех стенах. Но когда их дочерей начнут бить на площадях плетьюми за любовь к другому мужчине, когда им за это будут отрезать носы, — продолжал Рахман, — может, и одумаются... Я этим восхищаться не могу. Я это за норму не принимаю.

Умный и честный человек не может бежать вслед за регрессом. Не может вернуться на пятьсот или хотя бы на сто лет назад. Ту-

пость признать за ум, подлость даже во имя ее вселенской победы принять за истину. Рахман не вписывался в грязь нынешнего дня, идеалы наживы, издевки по отношению к прежним друзьям, мгновенная смена масок на собственном лице — не были его ни прежней, ни новой сутью. Этот человек нынче всей своей мятущейся душой расплачивался за политическое предательство огромного пласта прежних нуворишей, которые легко, будто птицы, даже незаметно для себя, перелетели в другую реальность. Однако оставили за своей спиной кладбища, на которые бездумно уложили не только прежних сторонников, но и истины, во имя которых жили и трудились миллионы людей. Кто бы объяснил, почему у честного человека всегда так много в душе рубцов?

Но в таком случае, каков смысл величин постоянных? Нужны ли они, если на земле умирают даже вулканы, когда за один только год подходят и отходят друг от друга миллионы мужчин и женщин. Если уходят в небытие вместе с эрой секвойи. Зачем тогда при шустрой изменчивости всего живого диковатым пустынным вараном застывать на тропах уже иной эпохи?

— Как, по-твоему, что будет с твоей страной? — спросила коллегу Анна.

Сигарета мелькнула в руках Рахмана.

— Когда-нибудь кончится война между севером и югом. У каждого будет своя победа. Все, как и у вас. Только немного наоборот,— отвечал он неторопливо. — Ваши южане захотели остаться с шариатом, а русские говорили, зачем нам эти чурки-турки, когда у нас есть нефть? Страна от всех вас ушла, зачем ей такие придурки?

— А у нас... Южане останутся в бикини и со своими плясками. Однако, с морем нефти под ногами. Президент же наших северян заявляет, что религиозное единство ему дороже территориального. Северяне останутся только с шариатом. Без нефти.

Столь математически выверенным прогнозом мог бы восхититься любая.

— Но плясать южане будут недолго. Скоро и они отрыдаются коту в пузо. Нефть у них отнимут. Вначале подкупам и договорами, затем пушками. Потому и воспользовались нашей распрей. Очень там шустряют израильтяне и настраивают христианскую интеллигенцию против арабского Севера. Я вообще думаю о том, не было ли создание государства Израиль — величайшей ошибкой человечества? Сколько войн и конфликтов будет этой страной еще спровоцировано?

Интересы американцев и израильтян понятны: как можно больше всего отнять у тех, у кого можно отнять. Не могла Анна понять другого: почему миллионы людей на советском юге при жесткой системе защиты миллионов вместо реальной добротной жизни в собственной стране предпочли распри? Почему они отказались от

страны, в которой были для всех рабочие места, пенсии, поездки в санатории, твердые границы?

— Они решили, что им еще больше достанется, когда уедут турки, русские и прочие... Квартыры ведь с собой не увезешь. Жадность ребят подвела.

Боль змеиным клубком давно свернулась в душе Анны. Ее близкие, бывшие одноклассники и просто многие земляки стали беженцами. Поезда приходили теперь из Средней Азии, перегруженные узлами и чемоданами так, что уже и пассажиры вываливались из вагонов, будто помятые и растерзанные баулы. Вытащив узлы на перрон, люди испуганно оглядывались, встречают ли их, помогут ли хоть в чем-то? Мечтать о распределении жилья, работы, еды, как это было в войну, когда мать Анны с новорожденным дитем на руках, расположившись вначале под вагоном, через неделю оказалась с крышей над головой, этим беженцам не приходилось. Страну рвали на куски не для того, чтобы кому-то помочь. Ее ломали, чтоб вырвать все из других для себя, любимых. Ново-представленные «рубят капусту» быстро, где шумно, где по-тихому. Как получалось.

Это была самая настоящая война мгновенно выпрыгнувшей, как черт из табакерки, нарождающейся буржуазии со своим, еще ни о чем не догадывающимся народом. Коль были миллионы беженцев, значит, была и война. Но простой человек не видел врага, не понимал, не прощупывал его. Враг был невидим, он ездил в «Ауди», от него зависела будущая работа, учеба детей. Кто ж догадывался, что это просто-напросто оккупант, который оккупировал совместно нажитое имущество, а теперь выдавал его, видите ли, за свою собственность, личную, притом, уже и... священную.

Кого только в те дни не ввещала квартира Анны! Умоляющие глаза глядели на нее то на кухне, то в комнате: помоги хоть с каким-то жильем, подскажи с работой, пусти в дом хотя бы на ночь... Аферисты, которые ломали огромное государство, мозгов у них не больше, чем у промокашки, от всех пострадавших прятались теперь за солидными дверьми своих кабинетов и трусовато выглядывали из окон, не привяжут ли эти прибывшие их к двум березам, не подкинут ли в воздух и вдруг на минуту отойдут?

Но беженцы вели себя на редкость тихо. Никого не подкинули, не привязали виновников своих бед к верхушкам берез, а сложили руки на груди и смиренно просили в разных конторских прихожих помочь им хоть в чем-то. И конечно, от новой власти получили шиш с маком. Подают лишь профессиональным попрошайкам. Которые и просить толком не умеют, а все что-то бубнят себе под нос, таких просто гонят взащей.

Вскоре на вокзалах появились и те, кто на юге изгонял и бесчинствовал. Где в погромах, где по соседству втихую. Теперь и эти

были в полном несчастье.

— Простые люди не догадывались, что все отнимут и у них. Когда остановится производство, и все станут безработными.

Точку в этом прогнозе Рахман еще не поставил и добавил для Анны загадочное

— Потом все отнимут и у элиты.

— Каким образом? — изумилась она.

— Открою и этот секрет. В вашей печати не пишут о том, что во многих мусульманских странах националисты и религиозные фанатики взялись за создание всемирной империи мусульман — Халифат. За счет России, в том числе. Чечня... тому доказательство. Дагестан...

— Тьма кромешная! — воскликнула Анна. — Халифат... Но это же мираж! Полнейший астрал!

— Мусульмане теперь искренне верят в то, что при Халифате да с помощью Аллаха они непременно будут жить, как никто в мире. Отсюда и растут уши терроризма по всему миру. Любой ценой — мусульманскую умму величиной в половину земного шара!

— И за счет чего они будут жить хорошо? Неужели саудиты поделятся своими доходами на нефть? Да не обломится. В этой выдумке — огромная доля ничтожности...

«Впрочем, о чем это я?», — оборвала себя Анна и сообразила, что древнейшая и неистовая тяга к толстой суме у человека, хоть и нигде об этом не пишут в учебниках, по-прежнему ломает любые границы, растерзывает судьбы миллионов: умных скидывает в бездну небытия, слабых превращает в рабов, у романтиков отнимает мечту, космос и небеса, юных наказывает бездорожьем. И вот из-за этой алчной безответственности, хотя бы молекулой притихшей на доньшке души каждого, и погиб Советский Союз, отчего миллионы жителей уже несуществующей страны, будто стада тупых бизонов, безропотно и тихо разбрелись по всей земле. Без мечты, планов и надежд на устойчивость бытия. Даже толком нигде не восстав. Мало где бросившись на защиту собственных жизней. Почему бы не застолбить во всех книжках, что алчность делает тупым целое человечество? Неужели это и есть вечная шутка Сундука, которая легко превращает человека в идиота?

— Конечно, всемирная мусульманская умма — это мираж. Чтоб все воевали друг с другом. А под шумок и у этих отнимут все. Их же руками. Как в вашей стране. Американцы тоже строят свой Халифат.

И этим, выходит, Сундук нужен только бездонный, радиус интесресов которого, как сказал недавно один генерал, длиннее радиуса земного шара. И они хотят, будто индейцев, теперь уже все человечество затолкать в резервацию.

— Представляешь, что ждет народы...

— О чем еще не пишут в нашей печати? — поинтересовалась Анна.

На коленях у нее тут же оказалась еще одна газета: на этот раз на арабском.

— О том, что в моей стране и южанам и северянам грозит большое несчастье... И нынешняя война между племенами вскоре покажется ерундой.

Газеты информировали мировую общественность о том, что Израиль, а это в первую очередь и в планах Америки, договорился с Танзанией и Руандой, что в Верховьях Нила будут построены пять плотин. Значит, Судан и Египет остаются без воды... И будут полностью зависеть от прихоти Израиля...

— Наши источники жизни — Белый и Голубой Нил — превращаются в источники смерти, — возмущался Рахман. — На Иордани, хоть и прикидываются там овечками, тоже свой шариат — иудейская вера. И ради этого иудейского шариата они давно ломают кости многим. У них ведь даже в Талмуде написано, что только иудеи люди — остальные животные. Что таким стоит отнять воду у миллионов? Если мы для них лишь... животные. Выючные мулы...

Перед Анной мгновенно открылась злодейская задумка, которую сотворили в мире с ее страной, необъятные пространства которой, огромные богатства, ее людские ресурсы давно и втихую разбирались и растаскивались под коряги, под камни, по норам. Под крыши чужих и далеких домов. По другим формациям. Незначительным и малым от природы, но обитатели коих уже подняли свои крохотные головки над миром, как водяные змееныши над водой. Вот их провокаторы и долдонили, что страна должна быть маленькой и дешевой, чтоб никогда и никто не мечтал бы о большом и сильном гнездовье, каким оно еще недавно было у ста восьмидесяти народов. Потому и поучали, что бесплатное образование бывает только в зоне, мол, все тут дерьмовое и достойно уничтожения... Потому и были созданы в Кибуции управления по разрушению СССР. Потому отшвыривали от Советского Союза много лет тех, кто желал быть единомышленником и другом.

Что же это за порода людей, заинтересованных в гибели собственной страны и в торжестве чужих формаций??

Как-то на экране телевидения спросили певца Андрея Макаревича: — Вы что-нибудь сделали для разрушения Советского Союза?

Ответ последовал мгновенно: — Во всяком случае, мы для этого сделали все.

Зачем ведущий задал этот вопрос, и кому фактически Макаревич докладывал? Перед кем они оба отчитывались? И почему в той фразе не было ни грамма жалости к тем, кто стал беженцем, кого изгоняли, убивали... в итоге той грязной работы, во имя коей было «сделано все». Неужели и этот — кибуцник, то есть, навсег-

да для Анны чужой, безжалостный, циничный, служащий каким-то чужим, утаенным целям?

По улице шла женщина. На неухоженных ногах ее — потерянные шлепки, признак материальной и моральной незащищенности судьбы. На нее презрительно поглядывали из машины молодые люди, которые с удовольствием лакомились мороженым.

— Можем ли мы нашу страну вновь собрать? — спросила Анна.

— Не знаю, — ответил в сторону глаза Рахман и дал новый комментарий. — У вас каждый хочет быть богатым. На кого ни глянешь, всех перекашивает от жадности. У всех в глазах по доллару. Как вы соберетесь, если воспитан и уже поднялся такой скверный человек? Пираньи за идеи не воют. Они выхватывают кусок и мгновенно проглатывают, чтобы тут же схватить другой. Скопище хищников уничтожить трудно. И самому можно превратиться в набор костей. Пираньи с любым управятся мгновенно.

Недавно в печати мелькнуло сообщение, что у депутата Госдумы Резника на острове Майорка своя вилла, около берега плавают его персональная яхта, на вилле — дорогой антиквариат.

Все примитивно до посинения. Буржуазия способна только на пошлость. К чему резникам Большая Родина со всеми ее проблемами, если у них есть прекрасная малая родина — вилла и яхта? Из большой лошади оводы только высасывают. А ради малой уютной и компактной родины они будут сражаться до кровавой пены на губах. Чужими, правда, руками. Каких-нибудь нищих и глупых наемников. И ради такой сказочной табакерки они ни пяди ее заколдованных пространств не отдадут и уничтожат все, что будет угрожать ее уюту и покою. Вот ради этого без какой-либо жалости они любую, даже не совсем отечественную войну развяжут.

Резники пришли на землю не для того, чтобы давать, а чтобы... брать. Ежедневно что-то прятать в сундук. У них, как и у кишлачной Марьям, жизнь хороша только в небольшом замкнутом пространстве. Им даже пещера велика. Только в набитом благами Сундуке исправно бьется их сердце, хорошо прощупывается их пульс.

Регионы проживания у жадноватой кишлачной Марьям и у Резника разные, но страсти у обоих одинаковые, хотя масштабы у каждого несравнимые. Героев на таком базаре не бывает. Здесь только одно в голове: как бы присвоить, утаить, догнать, отнять... И впрямь, ни любви между людьми, ни дружбы народов не бывает, когда мозгами и душами руководит, в первую очередь, Сундук. Однако как лишить его такой гигантской власти над людьми, как захлопнуть его навсегда?

Лишь однажды за всю историю цивилизации его все же захлопнули, очень прочно, надолго, и люди большого проекта начали создавать блага для миллионов. Но алчность людская, вроде как артель «Кулацкая мечта», — взломала крышку и опять с треском его

распахнула. Мол, хватайте все, что можете: бани, прачечные, заводы!.. Глотайте суверенитеты, пока не поздно!! Живите только для себя! Для своей семьи воровать не стыдно. Советуем и рыбку съесть, и кости сдать.

Граждане, которые пытались что-то уберечь, увещевать, подсказать толковое, объяснить что-то без какого-либо пиара, были не в моде. Их высмеивали, передергивали, соседи и родственники от них отворачивались, как от изгоев. Вскоре таких правильных становилось меньше и меньше. Тотальная вражда между людьми стала новой религией.

Началась эпоха отвертки. Глобальным потрошительством теперь занялись почти все. От страны отвергивали, отвинчивали, откалывали все, что можно. Даже огромные заводы разбирались мгновенно. Что в итоге это потом произошло?

Миллионы людей кинулись к Сундуку, доверчиво над ним наклонились, что-то сглотнули до самых кишок, будто комаров в Заполярье, и отпрянули от той трещины, которая змеей попозла меж ними, кусая их слева — направо и сверху — вниз. Потом и вовсе не до укусов стало. Такая пропасть отделила всех, что и не верится уже, что когда-то в большой стране работали дружно и сообща.

И получилось все, как в народной сказке: была у зайца изба лубяная, а теперь ледяная. Чеши в затылке, думай, отчего у резников яхты и виллы? Не сам ли ты им помогал? Не сам ли лихо отдал свое? Не стыдно довести до такого разора свой дом? Как теперь управиться с этим?

Нет, выправлять уже ничего не надо, утверждают нынешние газеты. Идите в церковь, «гундяевок» теперь по стране в избытке. Падайте на колени, кайтесь в том, что целых семьдесят лет посмели не быть рабами.

Журналисты, которые когда-то пели на целине о том, что среди догорающих листьев они не умеют молчать, теперь дружно молчали, а если и заговаривали, то несли такое... уж лучше бы помолчали!

По утверждению нынешних теперь лишь толерантность нужна! На тысячелетия! И не смейте, козюки, трогать чужую собственность (уже, видите ли, чужую!) — отгороженный кусок земли у реки и все алмазные копи. Ваши — только болота! Осталось еще провести границы по Солнцу. Чтоб для нас всегда было чудное лето. А вам... и мерзкая осень сойдет. Холодно? Работать будете лучше.

Вот и подумай, как у таких отнять нефть, газ и поделиться с друзьями, чтоб в ледяной стране во всех жилищах было тепло? В то время, когда капитализм плодит вокруг лишь стаи пираний.

Ну, а вдруг, а все же вдруг, где-то в нашей эпохе уже родился Спартак?..

Не Христос, нет! Эта социал-демократия в религии тут же кинется мирить жертву с насильником, всем фарисейски пообеща-

ет рай, в котором вы непременно будете нюхающим розы бездельником. Но вот лишь одна закавыка: когда вас не будет в земном пространстве, тогда вам и будет хорошо. Когда улетучитесь, буд-то эфир. Вот этому газоносному облаку и будет, дескать, идеально за облаками. Только потерпите, пожалуйста, любую гадость от негодяя.

Для виду, формально, религия всех устроит, но ничего на земле практически не сделает. Именно это очень устраивает его величество Сундук. Ибо капитализм и религия — близнецы-братья, друг друга поддерживают, будто хромым со слепым. И все время друг друга спасают. Именно потому целых два тысячелетия безмятежно идут они по земле рука об руку.

Там, где социализм, религия умирает. Тут все как-то реальнее, чем на небе, дается человеку. Будто спринтер, социализм в поте лица своего добирается до каждого, перед каждым на ладони тянет то, что у него есть, за душою ничего не прячет, тут облака несбывающихся надежд как-то не особо нужны. Ежели только совсем уж ослабеющим.

А коль нет явно несправедного, хищнически устроенного общества, надламывающее собою все, как тут быть в чьих-то жизнях религии? При социализме религия живет, как и народ, на равных, по труду, по зарплате, а кому такая уравниность понравится?

Церкви всегда надо, выставя пузо вперед, величаво шагать по улице, внушая всем необходимость подчинения только себе. Церковь лишь на той стороне, где огромная ее власть над людьми и богатством. Ибо там, где подчинение царствует над сознанием, там несут в твой дом все, что желается. Церковь обожает ротозеев. И они к ней стаями летят, доверчивые, наивные, нуждающиеся в том, чтоб их, даже сорокалетних, по головке погладили да что-нибудь заоблачное, неосуществимое пообещали. Но и матерым дельцам иногда надоедает жить на земле и им порою хочется подлететь к облакам, да заглянуть, что же там? Вдруг там и впрямь все проделки простят и дадут к тому же разрешение еще на десяток гнусных и не наказуемых сделок? Ведь не все еще прихвачено, нужно засунуть в карман еще с десяток фабрик и заводов, а для этого придется разорить сотни, а то и тысячи людей. Каждому бизнесмену тоже необходим свой халифат, и строить он его будет до тех пор, пока ему не закроют... глазки. Навсегда. Ох, ох, грех велик! Но когда церковь за мзду не отпускала любые грехи?

И как тут помочь, как подсказать хоть некоторым, что заводы и фабрики, как и прежде, должны кормить всех, а не единицы? Но людям надоело жить в прошлом измерении, им захотелось узнать, что сулит жизнь, коли они теперь не обладатели хоть чего-то, а главные не владеющие больше гигантской коллективной собственностью?

Ну, и подсказжешь об этой самой глупой сделке народа, выслушают тебя десять человек из тех, кто сам когда-то нанес себе ущерб, а дальше что? Где найдется тот, кто способен на действия? В то время как полиция исправно уже служит только Сундуку... Любому единоличному халифату, кто больше заплатит...

Но... думай — не думай... Автор не может помочь ротозеям. Да такие к тому же очень ругаются, когда им что-то подсказывают. Мол, кто тебе за это платит, признавайся! Глуповатые ошибок не признают и не исправляют их. Они в них и с ними умирают. Безропотно. Страну никогда не могут отнять у людей. Страну отнимают у бездумных тараканов.

Обреченное поколение, которое на все свои трудности обрело себя само. Которое пожелало вдруг хапнуть и отвернуться от всех, вроде как пес, который в одиночку ест украденный на столе кусок.

Остается надежда: вдруг их детям захочется двинуть к другим Созвездиям... Вдруг и они пожелают узнать, что это за жизнь такая, когда между людьми равенство и братство? И тогда, скорее всего, не будут увозить глупых девчонок из края по имени Рытхэу в далекие земли на продажу.

И тогда... вдруг и наши внуки построят свой Ферганский канал! И Днепрогэс, и вновь перегородят Саяны! И отправятся на Марс за веткой сирени! А может и дальше... Прямоком к планете Нибиру, на которой, как и на Земле, утверждают астрономы, можно жить, а коли трудиться, то, конечно, трудиться сообща!

Не веками же, упрятавшись в Сундук, жевать мелкий прожект, по которому помнить нужно только о себе, лавочку мастерить лишь для себя и суп в тарелку наливать только себе.

Но пока перед Анной — примитивная явь. В которой уже почти не читают газет. Ни в метро, ни в автобусах. Не получают ордеров на бесплатные квартиры. Не летят по улицам высунувшиеся из окон автобусов пионерские горны, радостно трубя всему миру о том, что дети — есть лучшее на земле. Это и впрямь надежда! У всех поколений. На лучшую мысль. На большую чуткость и справедливость. И на огромные открытия! Не только технологические. Но и в области человеческих отношений... целой цивилизации!

— Надо идти домой! — напомнил о себе Рахман, и сгорбилась, будто уходил в склеп.

Конечно, в его душе напрочь поселилась безысходность. В стране, которую он так любил, надругались над дорогой ему идеей, вырвали из него, впрочем, как и из миллионов, стержень, на котором держалась вся его жизнь.

По улице уходил человек, из кармана которого уже торчала... бутылка. И прикладывался он к ней теперь и от баловства, и от настоящего мужского горя, из-за ощущения, что у него уже в судьбе отнято все.

По улице, не торопясь, уходил человек, которому Анна, несмотря на все к нему уважение, ничем не могла помочь, потому что не было между ними... любви, а было только понимание. Очень глупое, но товарищеское...

А любовь... она как-то иначе, в каких-то иных мирах зарождается, то ли ветерок меж дубами особый нужен, то ли чтоб улыбнулся кто-то рядом иначе. И чтоб звезды ниже опустились, чтоб шепнули они такое... Попробуй тогда догони их намерения и мысль!

— Погоди, Рахман, подожди минутку... — остановила она его и, потупившись, тихо спросила:

— Скажи, как там Хади?

Какое-то время ветви берез привлекали внимание Рахмана.

— Вы что сговорились? — наконец-то произнес он и, улыбнувшись, внимательно глянул на Анну. — Когда Хади увидел меня в Хартуме, тоже в первую очередь спросил о тебе.

— Вот как...

Дорожка опять начала шириться между ними, вот уже и до саженьца около газона дотронулся Рахман.

— Набери в интернете его фамилию на английском, и все узнаешь, — как всегда дал он разумную подсказку и заторопился: — Скоро свадьба у Кати, я тебя приглашу.

На эту свадьбу они не попали оба. Наверно, Рахман-таки сказал правду своим детям... Боясь, что муж и в день торжества ляпнет что-то неподходящее, начнет защищать (с ее точки зрения) уже умершее государство да еще не в меру напьется, Лена под предлогом лечения почек через своих родственников устроила супруга в больницу, адрес которой никому не дала. И никто не принес больному в палату его любимых газет, ни одного бутерброда.

Хотя нет... Однажды в больницу к пришла жена. Посидела рядом, поговорила, а когда медсестра вызвала пациента на процедуру, обшарила его постель и унесла последние крохи, которые больной заработал своей аналитикой на какой-то арабской радиостанции, где его не забыли, где еще ценили не утраченное им мастерство.

Сама Лена, вернувшись из Хартума в Москву, ни одного дня не работала, считая, что всегда и везде ее должен содержать муж.

Обчищенный карманниками всех типов, от домашних до политических, Рахман вскоре умер. Но зато с какой помпой, будто самая преданная и любящая жена, на деньги, собранные его друзьями, повезла Лена прах мужа в Нубию, в которую ему нельзя было ни на минуту вернуться домой живым.

Интернет — великая деревня, радость для миллионов в эпоху, когда неподъемные цены на поезда, самолеты, телефонные звон-

ки и телеграммы, кому угодно вывернут карман наизнанку. Интернет — это как тропки по лугу меж деревьями, дороги к неведомым прежде городам и, что прежде было неслыханно, доступная трасса меж континентами.

Интернет сократил расстояния, сблизил эпохи, объяснил чьи-то поступки, помог поговорить мужчине и женщине, не отпустил лишней раз на улицу озорника, рассказал о клеродендруме, нашел редкую книгу о древнем Востоке, в один миг отнес как джин к излучине Нила.

На сайте «Анекдоты» кто-то опубликовал утверждение, что Интернет подобен автомобилю, может отвезти в библиотеку, может и в кабак. Однако от человека зависит, куда ляжет его ближайший путь.

Анну больше тянуло к заповедникам, неведомым рекам, к горам, по которым будто сама бродила, к океанам, на песках которых будто бы когда-то жила. В далеких снах, в каких-то неведомых жизнях. Как жаль, что наяву такие полеты над земными пространствами мало кому доступны. Но океан мыслей, к счастью, доступен каждому.

Домой или в кабак? Анна спешила к столу, за которым хоть что-то можно узнать о родине Хади. А там... по-прежнему Север презирает Юг, который до сих пор, видите ли, равнодушен к исламу. Юг ненавидит север. Южане осуществили нападение на Омдурман и Хартум, бомбили города. Людей скашивали пулеметные очереди на улицах и в огородах. Вечером суданское телевидение объявило о полном разгроме боевиков и об убийстве руководившего нападением Мохаммеда Салеха Гарбо и командира разведывательной службы южан-повстанцев.

Налетчики — арабы с севера — в свою очередь захватили в рабство тысячи черных южан народности динка. Женщин и детей после тяжелой работы в полях заставляли жить в загонах для коз. Продажа рабов, как и в древности, вновь стала прибыльным делом.

Далее на другом сайте Анна увидела страшное зрелище: на центральной площади Хартума, в огороженном глиняным забором закутке, с чахлыми вокруг него кустами, огромные здоровые верзилы в тщательно отглаженных голубых униформах с огромными бичами в руках, которыми, как правило, щелкают по хребтам быков, хлестали высокую молоденькую девушку, одетую в какие-то смертные, черные с головы до пят, одежды.

Как же кричала эта чернокожая девушка, уползала поближе к машине, как отчаянная хваталась она за хлыст в надежде, что поймает и хоть чуточку смягчит свою боль! Но огромные мужичины, похожие скорее на скот, нежели на людей, только смеялись...

За кого, объясните, в этой стране тогда выходить женщинам замуж? Кто может быть таким вот избранником, чтобы женщина искренне ему сказала: — Я тебя люблю! Как ветерок в поле, как цвет

на лугу, как жеребенка в пойме! Ты мой самый прекрасный!..

Прекрасный... с бичом в руках... И с животным гоготом из глотки! При виде женского отчаяния и боли...

За что же девушку наказывали, отчего еще девять жертв в этот же день перенесли такую же циничную экзекуцию? По Шариату, который приобрел в этой стране государственность, девушек истязали лишь за то, что в двадцать первом веке посмели они придти в ресторан в... брюках!

— О, небеса! — схватилась за голову Анна при виде этого мерзкого средневековья. — Как можно целому государству докатиться, опуститься до такого?

«А впрочем, если бы тогда, в далеком 1971 году, в борьбе с мусульманином Нимейри победили бы коммунисты, кто посмел бы нынче истязать этих девочек, праздновал бы Шариат в наши дни свою подлость по отношению к беззащитным? Кто своим давним безучастием, пусть хоть и косвенно, виноват в беде этих девчонок?

Значит, правы все-таки южане, коль не хотят, чтобы их жен и дочерей — вот так же прилюдно били огромными бичами, предназначенными для скота...

Но и южане, о чем рассказывал далее Интернет, между собою после победы не ладили. Шесть тысяч воинов племени Нур в Южном Судане напали на город Пибор, где живет враждебное им племя Мерл. Здания подожжены, в том числе и больница.

После трех дней осады войска Северного Судана заняли столицу нефтеносного региона город Абьей. Благотворительная организация «Врачи без границ» обеспокоены судьбой более 130 своих сотрудников в Южном Судане. Потом войска Южного Судана освободили район Абье. Войска Северного Судана опять отбили этот драгоценный район.

Так что война в этой стране гремит не только на компьютерном экране. В итоге поднялась плата за образование, поднялись цены на хлеб и отопление, полиция окружила университеты в Хартуме, Омдурмане, пустила слезоточивый газ и била возмутившихся студентов дубинками.

На официальном экране российского телевидения — ни слова об этих кровавых событиях в центре Африки. С болью в душе откликнулся на происходящее лишь неведомый поэт с Урала — Сергей Сероухов.

Людская глупость неустанна,
От колыбелей, до седин.
Теперь на свете два Судана,
А раньше — был всего один.

И как-то сразу стало жутко
Народам прочих, дальних стран.

Ведь это всё-таки не шутка,
Ведь это всё-таки Судан

Планета трауром укрылась,
Поналетело вороньё.
И курс рубля заметно вырос,
К Суданской, этой... как её?
Перемешались в общей массе
И детский плач, и женский стон.
А в беспокойном Гондурасе,
Свернули миссию ООН.

Сломалась графиков прямая,
Поник хвалёный «Доу Джонс».
Все вспомнили
 народность майя,
И майский метеопрогноз.

Пусть станут узы — крепче стали,
Судан, как водится — един.
В селе далёком, на Урале
Авось откроют магазин ...

Какой-то скромный неведомый поэт с Урала мечтал об объединении далекой страны, переживал за нее, а позволь ему, тут же кинулся бы к двум Нилам святым миротворцем. И, вероятно, сказал бы людям разных культур такие слова, прочитал бы им такие стихи, что дула автоматов у многих жителей тамошних стран мгновенно опустились бы к земле. Но Россия посылала во многие страны своих посланников уже только в составе ООН, лишь как второстепенную незначущую силу, и об этой своей подчиненности чужакам у себя дома помалкивала, лишь бы собственные народы еще не догадались о роли политической и человеческой никчемности, какую отвели им в мировой сообществе.

«А зря», — думала в это время Анна, вспоминая прошлое, когда в Советском Союзе на протяжении нескольких десятилетий ни один христианин не убил ни одного мусульманина. И мусульманин не убил ни одного еврея. По религиозным или политическим причинам.

Бытовуха была, да... Кто-то приревновал, кто-то в чем-то обошел другого, не в меру хитрил с близкими... Но в остальном... Гранатометы разве на наших свадьбах ликовали?

Как удавалось целых семьдесят лет удерживать от боев и распрей в одной стране почти две сотни разноликих народов? Такая общность не заслужила ли коллективной Нобелевской премии за

особое устройство государства, на протяжении долгого времени не располагавшее людей к этническим дракам и боям? Система долгое время удерживала свои народы от подлости и по отношению к собственному государству, в общем, до тех пор, пока у нее у самой с факелами в руках не выжгли душу, пока не отгрызли ей сердце за этот же самый Мир.

А тогда в одном классе на школьной парте спокойно сидели ребяташки разных национальностей, и никто не переходил чего-то неведомо запретного. Может этот многолетний опыт советских будней, опрокинутый и растоптанный обнаглевшим политологическим быдлом, и надо бы уже из десятилетия в десятилетие изучать? Во многих мировых центрах и колледжах.

Но коли крепко подумать, чего в тех буднях не было того, что есть сполна ныне в вечно дерущихся странах?

Не было несметного количества церквей, синагог, мечетей, в которых людей, как правило, натравливают друг от друга и отделяют, вроде мало что значащей, незримой, но очень крепкой стеной.

Легенды далеких предков, мифы о том, как они жили в своих эпохах, малограмотные рассказы, в которых человек непременно назывался рабом, рассказы о том, как дрались, убивали и ненавидели друг друга две тысячи лет назад, — этот огромный конгломерат ветхих, примитивных заветов, от которых человечество давно ушло, не был главной воспитывающей силой советской жизни. Кто-то в государстве точно знал, что, повернувшись к религии, мир уходит от знаний. А стране нужна была бездна знаний, чтоб поставить каждого ее человека на крыло.

Утверждение о том, что для Великой Мифической Единицы, поселившейся где-то меж облаков, один человек — верный, богоугодный, другой для этой же Единицы — неверный, и жизнь ему за это нужно испортить, а то и вообще убить, этот позорный постулат давно должен быть человечеством отброшен и осужден.

Все мы пришли под это Солнце, всех привели в жизнь облака, ветерок, шум легкой кроны молодого деревца, всех нас привела в жизнь любовь между мужчиной и женщиной. Может где-то и краткая, как миг, жестко оборванная ситуацией, но все-таки это была любовь, неистребимая тяга друг к другу... Почему же кто-то нужен земле, а кто-то уж прям на ней совсем негодник? Не пора ли религии ответить перед человечеством за эту коварную чушь, за разжигание тысячелетней давности конфликтов? Не пора ли цивилизации отказаться от такого необъективного самостоятельного прокурора?

В Советском Союзе все это и было оставлено в прежних эпохах. Мир праху их. Поколения пришли и ушли, а их ненависть, неприязнь, желание бить и кастрировать женщину, продавать в рабство соседа, мечты о захватах других стран, чтоб ограбить, улучшить только свою жизнь или своей общины — все это было отправлено

к теням. А что в хадисах мудрого было, и без того давно и незаметно живет в душах народов.

Верным, правильным и нужным в Советском Союзе был каждый человек. Все ныне живущие. От Кольского полуострова до Памира. От Бреста — до Курил. Бери лопату в руки и строй! Бери учебник в руки и строй... свою жизнь. Не унижая другого.

Чего еще не было в Советском Союзе того, что есть нынче в вечном дерущихся странах?

Не было той собственности, которая создается воровством. Работаете — получайте, пожалуйста, квартиру. Заработали вновь — покупайте машину. Учите сына в институте. Есть честные деньги, стройте собственный дом. Летайте к южному морю...

Драться людям было незачем. Все необходимое было у каждого. В холодной стране не было ни одного бомжа. До тех пор, пока кому-то не захотелось иметь куда больше. За счет другого. И тут же вспомнили, что вот этот христианин, этот мусульманин, а тот же иудей, значит, одним лишь этим человек уже не заслужил общих благ от страны, выходит, непременно надо его догнать, отнять, растерзать...

Советский Союз убил... его Величество Сундук, коллективная алчность. Которая во веки веков всегда терзала человечество. Убивает и нынче. И убивать будет долго, может еще не одно тысячелетие, пока люди Земли не поймут, что частная собственность (не путать с личной) — это позор человечества, самая его гнусная находка. То подлое ископаемое, которое может выползти из древности и проникнуть в жизнь любого поколения, как вредная и мерзкая пиявка. И может отравить собою жизнь сотни будущих поколений. Значит обеспечить наперед миллиард конфликтов и чьих-то смертей.

Интернет сообщал: в Судане по-прежнему нет мира, каждый день тут бойня. Вот мальчонке с юга, которого украли и сделали рабом, втерли в глаза перец, чтоб он ничего не видел. Захватили в заложники женщин целой деревни, отняли скот. Люди в джунглях уже едят траву.

ВВС Израиля после полета над чужой территорией невидимо для радаров беспилотника «Эйтан» нанесли авиаудар по колонне машин, которая двигалась в Судане недалеко от египетской границы. Иудеи взяли дурную моду: чуть что — и стрельба на поражение, чуть что и в морду соседу. Забыв уже, как много веков получали со всех сторон сами. Как будто им нечем больше заняться, будто пустыня Негев уже озеленена и превращена в прекрасный оазис. Ну, что взять с кибуцников, коли ни одного прозорливого там нет?

И опять же от России в ответ — никаких действий и заявлений.

И никому никакой защиты. Будто дипломаты ее сдохли, как куча беспризорных щенков на мусорной свалке. Или переползли к другой кормилице, которой они нынче только тихонько подтягивают, а потом ползут к чужой сиське, умильно заглядывая при этом в глаза, мол, ну как, я заслужил кормежку?

Видимо, давняя позиция Хрущева-Шепилова, зачем нам нужны маргинальные партии, а тем более, маргинальные страны, и по сей день осталась во внешней политике без изменений. В официальной российской печати и на экране телевидения много лет — ни одного слова, ни одного кадра о том, какие страшные дела творятся в Африке около всех ее Лимпопо.

В России и свои народы уже были не нужны, и своим норавли не платить зарплату, пытались отнять даже жилье. Тут нынче абрамовичей волновал лишь собственный капитал. Кого теперь тревожила какая-нибудь далекая страна, в которой ни одна нефтяная труба еще не принадлежала российскому нуворишу?

Журналисты имели возможность давать информацию об этом регионе только в Интернете.

Как ее добывали? История умалчивает. Что-то, видимо, переводили с арабского, в чем-то коллеги из других стран помогали. Ведь есть же солидарность между людьми одной профессий из других стран, как, положим, во время международных конференций американские ученые из НАСА втихую помогали своими наработками советским ученым, врачи — врачам.

А журналисты... они более открыты и доброжелательны друг к другу. Это же только мурло злобится и бегаёт по улицам с ногайками и нунчаками.

Хотя и журналистам порою достаётся. В Судане, к примеру, господа куда выше, чем простое уличное пугало, сами каждую минуту держат в руках плетки. И стоило какому-то газетчику опубликовать материал о том, как был похищен и казнен главный редактор газеты al-Wifaq Мохаммед Таха, как ведущая и вроде независимая газета была тут же закрыта.

Ну, а коммунисты, остались ли они в этой стране после гибели Махджуба?

Остались. И, оказывается, выпускают газету... «Искра»! В логотипе которой знакомые и теплые слова о том, что «Из искры возгорится пламя». Может и впрямь возгорится, коли подумать? Философ Фарук, никогда не изменявший идеалам, тоже нынче ее автор, и он уже один из лидеров суданских левых. У каждого своя судьба, и у Фарука она, хоть и трудная, но все же удачная, коль остался он верен тому, с чего начинал жизнь, хотя многие потом относятся к чистым и праведным стратам молодости, как к отмершему бутону.

Левые журналисты в Судане, как и прежде, говорят правду, категорически выступают против войны между Севером и Югом, осуж-

дают лидеров с той и другой стороны, из-за которых уже погибли сотни тысяч людей, многие с детьми на руках потеряли жилища. Вот нынче южан, живущих на севере, будто скот, гонят из арабской части страны, а северян грабят и изгоняют с юга... И в этой регионе мира миллионы беженцев, кто их защитит?

Из-за очень смелых и честных статей на страницах этой, такой далекой от России, но близкой по идеям «Искры», уже арестованы восемь сотрудников и газета закрыта. Пятый раз... Однако благодаря солидарности журналистов даже из буржуазных газет, издание каждый раз открывается и несет свою мысль, свою — икру — людям!

Курсор скользит по экрану компьютера в поисках новостей, и вдруг наталкивается на фамилию Хади. Сто шестьдесят упоминаний о нем в Интернете! Вот он на конференции по ядерной физике в Дублине, вот в Аргентине, самолет несет его в Японию, Пекин, в Дубаи...

Но в России все эти годы Хади ни разу не был. Не слишком ли резко однажды махнула Анна рукой, когда сразу кинула на землю все, что связывало ее с юностью, поисками идеалов, с таким неожиданным обоюдным чувством людей, которые, хочешь — не хочешь, через год должны были навсегда и бесповоротно разбежаться по своим континентам? Ведь не придвинешь же Африку ближе к России, и два Нила во веки веков будут катить воды только к своим народам. И даже ветрюги разные. На русской платформе — ледяная метель, в нубийской пустыне — пыль до звезды из миллиарда песчинок! И тулуп не поменяешь на бикини. И в открытом платье не прогуляешься по тундре.

Хотя... пояс, который часовой, один. Впрочем, и планета одна. А это по нашим временам с новыми технологиями скоростей уже почти как одна деревня. Потому вполне возможна была бы встреча на той деревенской улице, когда все же не обойти, не разминуться друг с другом. Не поторопилась ли? А был ли и Хади настойчив в том, чтобы удержать около себя любимую женщину? Что, в конце концов, он для них двоих сделал?

Хорошо путешествовать с курсором! Вот плывешь вместе с ним в Австралию, здороваешься с бушменами, узнаешь, что такое бумеранг, удивляешься как, что в Таиланде, когда из деревни отправляются на сбор коксовых орехов, бортовушку доверху набивают обезьянами, которые на плантации спрыгивают за борт, устремляются на вершину пальмы и скидывают за день на землю почти весь урожай с сотен деревьев.

Через минуту ты — в лаборатории Теслы в Колорадо Спрингс, на его двадцатиметровой башне, вокруг которой вьются огненные

змеи, шипят, кусаются, кидаются под ноги прохожим. От них то и дело шарахаются местные жители. Но человечество от них не шарахнулось И благодаря Тесле теперь ярко освещен электричеством каждый дом на планете.

Вдруг курсор показал, что многочисленный род Хади, все его родственники и однофамильцы, перебрались в Европу и Америку. Вот это миграция! прапрадедушка — из африканской деревни у воды с тесаком в руках боролся за независимость, а правнуки — в Париже и Нью-Йорке! Лишь через век. То есть, получив образование, сразу же кинулись в приймаки... обустраивать чужие края. И пристроившись хотя бы с краешку, на любом унижительном пятачке, тут же пополнили собой многочисленный класс образованных босяков. Прежде рабов на веревках тащили на чужие континенты, а теперь они сами охотно кидаются под ноги рабовладельцам, мол, будьте любезны, возьмите меня, пожалуйста! У вас тут лучше, а я и дом и предков своих презираю... Мол, не повезло, не то, я большего стою... Пожалуйста, оцените!

Вот это кульбит эпохи! Неужели человечество по сей день не может реально обойтись без рабства... хотя бы в душе? Выходит, что прав Чехов, когда-то заметивший, что самое трудное в жизни выплюнуть из себя невольника, вбитое кем-то в человеческую душу ощущение нетопыря, стесняющегося и своих рек и своего рода. Попробуй-ка написать об этом времени без пиара, чтоб никого не задеть и не обидеть ненароком...

Но Хади остался дома. Посреди войн, океана несправедливости и нехваток. Лишь он каждый день ходит в университет и преподает студентам ядерную физику. Значит, по сей день, как солдат, стоит на том посту, на который когда-то много лет назад поставила его Компартия. И в нем-то она не ошиблась, как ошиблась когда-то в других.

Африка упустила эру пара, эру электричества... Пожалуй, и ядерная фаза скользит мимо этого континента. Ну, должен хоть кто-то, несмотря на длительные этнические войны, резню, обстрелы сел и городов, несмотря на упорный роман человечества с субстанциями, уводящими людское сознание в мираж и иллюзии, в жестокость и рознь, а не в реальность, должен же кто-то все-таки остаться с молодежью, чтобы вместе с не набалованными, но талантливыми парнями, живущими в излучинах африканских рек, мечтать о первой галактической экспедиции, которая отправится в недосыгаемые пространства Вселенной и с африканской земли! Ну, хоть один вечный двигатель в одной из африканских столиц кому-нибудь помешает?

Курсор двинул дальше, хотел было убежать в Рио-де-Жанейро, но вдруг замер около соболезнавания, которое выражал Хади по поводу смерти крупного голландского физика, а под текстом —

адрес его электронной почты! И сразу же всплыли в памяти церквушка у края обрыва, кусты под огромными снежными розами, укутавшиеся в изморось елки.

«Писать или не писать?», — думала Анна и поежилась, будто окунулась в холодные и одновременно — в кипяточные недра далеких воспоминаний. — Писать или не писать? А, была, не была!».

Письмо было самым коротким в мире и сдержанным:

«Привет. Анна».

Интернет вышвырнул во Вселенную ответ через полчаса:

«О, Анна! Как ты меня нашла? Это чудо! Огромное тебе спасибо. Сейчас у меня много работы. Я принимаю экзамены у студентов. Но в августе непременно буду в Москве!».

Каддафи... Первого сентября 1969 года молодые офицеры, принявшие на своем подпольном съезде лозунги египетской революции 1952 года «Свобода, социализм, единство», ворвались во дворец короля Идриса, лечившегося в это время в Турции, блокировали иностранные базы, захватили ночью радиостанцию в Бенгази. В семь утра молодой капитан Каддафи из берберского племени аль-каддафа, родившийся в бедной бедуинской палатке, выступил по радио и сказал:

«Все, кто был свидетелем священной борьбы нашего героя Омара аль-Мухтара за Ливию, арабизм и ислам! Все, кто сражался на стороне Ахмеда аш-Шерифа во имя светлых идеалов... Все сыны пустыни и наших древних городов, наших зелёных нив и прекрасных деревень — вперёд!».

Монархию офицеры свергли. У страны теперь было иное название — Ливийская Арабская Республика.

Выступая как-то на митинге, Муамар Каддафи, уже председатель Совета революционного командования и верховного главнокомандующего, обнародовал пять принципов новой политики: ликвидация принятых в монархии законов, замена их законами, основанными на шариате; поощрение исламской мысли; репрессии против коммунизма и консерватизма. Чистка всех политических оппонентов — кто выступал против или сопротивлялся революции, а это коммунисты, атеисты, члены Братьев-мусульман, защитники капитализма и агенты западной пропаганды.

С такой неразборчивой политической мыслью трудно ли было сорвать с неба самолет и со спокойной совестью отправить его пассажиров на казнь, лишь потому, что они коммунисты, хотя и из другой страны? Каддафи видел на примере Египта, что за своих единомышленников из других стран Советский Союз реально не заступался, потому Муамар, кого только мог, с левыми взглядами — тут же сажал в тюрьму. Коммунистическая партия в Ливии так и не возникла.

Кстати, в те годы и президент Судана Джафар Нимейри невероятно осмелел, когда увидел, что репрессии Насера против египетских коммунистов не встретили никакого сопротивления со стороны СССР, потому также спокойно вешал восставших левых на центральной площади столицы.

Новое руководство Ливии вывело из страны чужие военные базы, национализировало собственность крупных иностранных нефтяных компаний.

А дальше? Началась историческая чушь. Сто тысяч ныне здравствующих итальянцев были вышвырнуты из страны без какого-либо имущества. Затем верные шариату революционеры разрыли могилы мертвых итальянцев, устроивших в начале двадцатого века колониальную войну в Ливии. Забыть бы прошлое и растереть, помнить бы лишь на страницах научных рефератов и учебников, но кости давно умерших людей, хоть и инсургентов, яростно вышвырнули из земли. Седьмое октября 1969 года этот акт насилия над мертвыми в ливийском календаре обозначили, как «День мщения». Кому, давно ушедшим на тот свет?

Ну, давайте теперь по всему миру швыряться костями из чужих событий и других веков! Участников Шведской войны под Полтавой перекинем через Балтийское море! А кости крестоносцев, ринувшихся когда-то жадной толпой в Византию, метнем в Европу, мол, получай назад своих мерзавцев. Вот на других планетах над нами, как над идиотами, смеялись бы, даже с шариков своих вниз головой от хохота свесились бы!

Кто бы объяснил, зачем ливийцам нужна была такая ретивая война с мертвыми, зачем эта шариатская злопамятность, желание идти вперед — ногами назад? Может это из серии «поощрения мусльманской мысли»? Жизнь покажет. В ней, как ни странно, все аukaется.

Наконец-то новая элита начала думать о живых. Население Ливии — 2 миллиона. В Египте — 34 миллиона жителей. Доходы от ливийской нефти превышали в те годы доходы Египта в 14 раз.

Но вот тут — слава Аллаху, революционеры от Шариата на эти огромные деньги начали строить школы, больницы, поликлиники, жилые массивы, спортивные клубы, стадионы, библиотеки. Возникло 180 тысяч новых квартир, в которых людей, как и в Советском Союзе когда-то, переселяли из подвалов, хижин, палаток — бесплатно.

Бензин в стране какое-то время стоил дешевле газировки, квартплата за жилье будто бы отсутствовала вовсе. И естественно — бесплатное высшее образование, бесплатная медицина — высшее достижение только цивилизованных народов. И не просто бесплатная медицина, а в первостатейно оборудованных клиниках с высокообразованными врачами.

Ходил в Советском Союзе когда-то анекдот: пригласили чукчу в Москву, показали Кремль, университет, шикарные квартиры, и спросили: — Тебе нравится?

Чукча поводит головой из стороны в сторону, спокойно ответил: — Им не терпит. Воздух плохой.

И отправился в тундру. В настоящую, с ее запредельным холодом, вьюгами, с полным отсутствием огонька во время семидневной метели.

Каддафи любил жить в театрализованной тундре — везде возил за собой бедуинский шатер и тут же придумал стране новый календарь, который в Ливии начался от года смерти пророка Мухаммеда (632 год н. э.). Мусульманское летоисчисление было иным: от дня переселения Пророка Мухаммеда из Мекки в город Ясриб, позднее — Медина (622 г. н.э.). То есть, на десять лет позже, чем у всех мусульман. В странах Магриба были весьма недовольны этой ливийской перепутаницей.

В общем, хоть и в современных квартирах, с электроникой в домах, но ливийцы психологически вернулись в средневековье, а может никогда из него и не выплывали, их летоисчисление теперь официально отставало от григорианского на 600 лет, месяцы тоже обозначались как в древние века: мухаррам, сафар, раби-улаввал, раби-ус-Сани.... Причем тут мир со всей его цивилизацией, если жить можно и по исстари племенным законам, как в голову взбредет?

Во время строительства Асуанской плотины советские рабочие с трудом сдерживали улыбки или гнев, только чтоб не обидеть египетских рабочих, которые пять раз в день мгновенно кидались на молитвенные коврики, хотя в это время стояла с раством бетономешалка или плыл над головой подъемный кран.

По этим же бедуинским правилам жила в двадцатом веке и Ливия. Мечети на каждом углу, молись, сколько хочешь, весь день у тебя свободный, нефтяные деньги уже позволяли достойно жить и на пособия. За многих ливийцев на нефтедобыче трудились мигранты.

В ту пору Каддафи очень хотел дружить с Западом. И целые десятилетия Муамар везде, где только мог, рекламировал мусульманскую веру. «Подлинным законом общества, — писал он в своей «Зеленой книге», является обычай либо религия».

И что же тогда на государственном уровне узаконить кровную месть? Почему должны погибать невинные люди? Что же от страны тогда останется?

По шариату нельзя брать даже в няни незаконнорожденную женщину. А уж коли она сама родила без мужа ребенка, тут надо создать вокруг нее такую обстановку, чтобы женщина сама нало-

жила на себя руки. Но чаще всего ее убивают родственники. И это людоедство узаконить?

Тем не менее, когда в 1979 году в Ливии были введены шариатские законы, Каддафи кое в чем пошел поперек религиозной ветхозаветности: дал возможность девочкам учиться, открыл для них университеты, государственные должности, отменил узаконенную шариатом полигамность.

Даже представить себе трудно, как тогда под подушкой скрежетали зубами от ярости мужики, у которых отняли право на многоженство, право на то, чтобы относиться к женщинам, будто к стаду коз...

Но по-прежнему Муамар везде славил мусульманскую веру. Даже во время визита в Италию призывал итальянок принять ислам, и две-три дамы быстро клюнули на его эксцентричное предложение. Остальные жители Европы отчего-то эту идею не приняли.

Однако Кадаффи воплощал в жизнь и те проекты, которые нужны были всем. В 1984 году был заложен первый камень в фундамент будущего завода по производству труб в городе Брега. Через несколько лет огромная ирригационная система под названием «Великая рукотворная река» снабжала родившуюся в Ливийской пустыне страну пресной водой из Нубийского водоносного слоя.

Такой проект был не по зубам ни одной африканской стране. Но Ливия с ним управилась!

Однако нефтяные деньги приносили не только радость. Это только наш прославленный во всех анекдотах добродушный чукча безмятежно жил в своей обитой оленьими шкурами яранге. Каддафи в бедуинском шатре никогда не жил спокойно: вдруг начал вооружать племена на юге Судана, разжигая тем самым гражданскую войну в соседней стране. Потом ввязался в пограничную войну с Египтом, выгнав предварительно со своей территории 225 тысяч египтян, работавших в сфере нефтедобычи. Хотя заранее можно было бы понять, что многочисленная армия Египта не оставит от ливийской камня на камне. Конечно, это был наскок молодого нагловатого петушка на старого сфинкса, несмотря на танки, самолеты и наемников, которых было уже у ливийского лидера в избытке... Может потому через четыре дня боевые действия прекратились. В чью пользу? Возможно, арабам стыдно стало драться друг с другом, и они, как на шахматной доске, разыграли ничью.

Следующей была война в Чаде.

Естественно, что отношения Каддафи с Западом и богатым арабским миром испортились. Против Ливии были объявлены экономические санкции. К этому времени подоспело и падение цен на нефть. На улицах ливийских городов и поселков люди встали в очередь за яйцами и молоком. Рабочих мест не хватало уже сво-

им. Мигрантов попросили уехать. Но не тут то было, люди зубами держались за свои рабочие места, на родине им было бы еще хуже.

Вот в это время Каддафи и поворачивается лицом к Советскому Союзу, хотя в 1973 году, в честь четвертой годовщины победы Ливийской революции был опубликован документ ««Священная война против коммунизма». И в нем черным по белому написано, что «величайшей угрозой, стоящей сегодня перед человеком, является коммунистическая теория».

Но и после этого признания Запад дружить с Каддафи уже напроць не желает. В эти годы страна вновь меняет название и теперь обозначена на карте мира как «Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия» (от арабского слова «джамахир» — массы), что означает «государство народа».

На митинге Муамар объявил: страна теперь строит социалистическое общество, основанное на исламе, морали и патриотизме.

В общем, тяни-толкай: у туловища две головы. С одной стороны социализм, с другой — религия, всегда стремящаяся к власти, к доминированию, к желанию подмять под себя даже государство, управляющая людьми не через законы и приказы, а через художественные образы и мифы, что держит людей в подчинении крепче акульих зубов. Подружатся ли они, эти две головы с исламским прищуром, что принесут народу даже в своем, возможно, временном перемирии?

В эту пору, чем меньше у Каддафи было дружбы с Западом, тем крепче становились деловые отношения с Советским Союзом: армия уже на 90 процентов укомплектована советским оружием. Тут и автоматы, танки, самолеты, системы ПВО...

Советский Союз построил в Ливии атомную электростанцию, исследовательский институт при ней, строил дороги. Сыновья Каддафи и тысячи других ливийцев учились в советских учебных заведениях. Специалисты из советских городов участвовали в десятках ливийских проектов.

И в эту эпоху расцвета отношений между двумя странами внешняя политика СССР во главе с министром иностранных дел Анатолием Громыко ничего не сделала для того, чтобы создать Ливийскую компартию, хотя бы даже облегчить положение левых в стране, посадить их на какие-то государственные посты, чтобы они оказались во власти и обладали даже малыми полномочиями.

А ведь ливийские военные не были достаточно грамотными людьми, чтобы поддерживать закупленную технику в работающем состоянии. И тут без наших специалистов не обошлось.

Что стоило советской дипломатии поставить тогда условие, мол, мы вас поддержим, поможет, а вы, пожалуйста, и наши условия учтите...

Сайты Интернета сообщают, что в ту пору доля ливийских закупок вооружения и военной техники составила 10 % всей прибыли, получаемой СССР от продаж в военной сфере. Значит, главное — торговля. Выходит, уже тогда либеральный цинизм тихо вползал в нашу жизнь. Начиная с внешней политики. Когда уже главным в политике была не идеология, а поддержка любого режима ради материальной выгоды.

И остается радоваться лишь за Северную Корею, которая создавалась при жизни Вячеслава Молотова. Тогда, во время Второй мировой войны вся Корея была под властью Японии. В ней также было много подпольных партий и группировок, создавшихся непроизвольно для освобождения родины.

Но Советский Союз поддержал лишь корейских коммунистов, помог Ким Ир Сену создать дивизии, дал оружие и... результат на века. Северная Корея никогда не предавала ни социализм, ни Советскую Россию. Вот это монолит! Вот так работали настоящие коммунисты, а не их кожзаменители! Да и нынче от проделок буржуазной России в свой адрес северные корейцы лишь вздрагивают, но не предадут.

Поток нефтедолларов в Ливии иссякал. Муаммар Каддафи объявил о новом курсе страны, о ставке на «народный капитализм». Сообщил о необходимости приватизировать нефтяную и прочие отрасли, хотя еще в ту пору Ливия входила в книгу рекордов Гиннеса с самой низкой в мире инфляцией — 3,1 процента. Годовой доход в ней на душу населения — 14,4 тыс. долларов США. То есть, наполняемость домашнего Сундука у каждого ливийца в то время еще была приличной.

Ливийский лидер заявил и о том, что теперь: «любой группе людей даётся возможность участвовать в создании предприятий по строительству домов, дорог, их техническому обслуживанию, а также в других отраслях. Ливийцы могут создавать рестораны, кафе, организовывать места отдыха».

То есть, на народный язык речь переводится так: спасайтесь, кто как может!

И люди отвлеклись, поняв, что и в этой ситуации не обнищают и жить будут не хуже других. Вскоре вышел указ № 31 о приватизации 360 государственных предприятий. Треть государственных служащих — 400 тысяч человек, были уволены с заводов и фабрик. Зато Берлускони, Кондолиза Райс, Тони Блэр выстроились в очередь за самыми выгодными контрактами. Сын Муамара — Ислам обговаривал долю семьи в каждой сделке.

Каддафи приободрился, заговорил теперь об объединении всех африканских стран в единый союз, о создании общего арабского и африканского золотого динара, чтобы перерасчеты с Западом ве-

сти уже собственной валютой.

Как мог Наиглавнейший в мире Сундук такое стерпеть? Задачи у него были иными — обеспечить ресурсы Африки для себя, только для западного мира. Без какой-то там Африки, которая, как и в прежние века, должна знать свое место. Конечно же, последнее в иерархии государств и континентов.

Президент Франции Саркози истерически еще вскрикнул: «ливийцы замахнулись на финансовую безопасность человечества». Только забыл сообщить, что Муамар замахнулся на тунеядскую сущность лишь одной половины человечества.

Сундук заворочался, объявил Каддафи террористом, дал возможность объединиться недовольным, сбжавшим на Запад джамахам, обеспечил их оружием и начал бомбить ливийские города. Что ж, Капитал умеет группироваться, чтобы потом замертво схватить свою жертву за глотку.

В те годы Муамар Каддафи, помимо государственной деятельности, занимался еще и своим творчеством. «Как жесток бывает народ, когда восстаёт,— сокрушительный поток, не щадящий ничего на своём пути, — писал он в бедуинской палатки эссе, кажется, заранее пытаюсь предугадать будущие события. — Народ не слушает ни чьих криков о помощи, не помогает тому, кто в беде. От всякого человека народ отмахнётся небрежно, в сторону отбросит его. Тирания одного человека

«Самый лёгкий вид тирании, ведь, в конечном счёте, один человек — всего лишь человек, — размышлял в ночной тишине ливийской пустыни Муамар-писатель. — Группа людей избавится от него, как только пожелает; человека может устранить и другой такой же человек, сам по себе незначительный и ничтожный. Но тирания масс — самая суровая тирания, ибо кто противостанет сокрушительному потоку, слепой неодолимой силе?

Я люблю свободу народных масс, их вольное движение, без всякого господина над ними. Разбив оковы, они поют и ликуют, праздную освобождение от боли и горя. Но как же я их боюсь! Я люблю массы так же, как люблю отца, но и боюсь их точно также, как его. В бедуинском обществе, не знающем верховной власти, кто помещает отцу наказать своего ребёнка? О, дети любят его, но они же его и боятся.

И точно также я люблю народные массы и боюсь их, как люблю и боюсь моего отца, — клялся на страницах своих рассказов Муамар в любви к ливийцам, но дальше следовали строки, в которых он будто предчувствовал свою будущую судьбу. — Как страшно! Кто воззовёт к бесчувственной душе масс и наделит её чувствами? Кто заговорит с коллективным разумом, не воплощённом ни в одном отдельном человеке? Кто возьмёт за руку миллионы?

Кто услышит миллионы слов из миллионов уст? В этом бесконечном рёве и грохоте кто будет услышан и понят? Кто кого обвинит?

...Вот что массы сделали и по-прежнему делают с такими личностями. Так на что же надеяться мне, бедному бедуину, в современном безумном городе?

...Я чувствую кожей, как массы, не знающие жалости даже к своему спасителю, толпятся вокруг, обжигая меня своими взглядами. Даже когда они мне рукоплещут, они меня словно колют и щиплют...

...Я всего лишь обычный бедный человек, у меня нет учёных степеней, я нигде не учился, и меня не научили быть бесчувственным. Я вырос очень чувствительным к бедам других людей, в отличие от горожан, которым на протяжении веков прививали иммунитет от способности сопереживать, сначала римляне, потом турки, и, наконец, американцы. Кстати, насколько мне известно, Америка была открыта арабским принцем, а не Колумбом. Так или иначе, у американцев есть сила, вездесущие спецслужбы, военные базы, и право вето, которое они с готовностью применяют на пользу Израилю. Они проводят империалистическую политику.

Не на радость явился я в город. Поэтому отпустите меня, позвольте пасти моё стадо которое я оставил в долине под присмотром матери.

...Мне удалось передохнуть и поспать в аду, и могу вам сказать, что эти две ночи — из самых прекраснейших в моей жизни, эти две ночи в аду, когда я был совсем один. Мне было в тысячу раз лучше, чем когда я жил среди вас. Вы гнали меня и лишали меня покоя, и мне пришлось спастись бегством в ад.

...Начну с того, что ад окружён крутыми, мрачными, покрытыми туманом горами, склоны которых уже давно обгорели до черноты. Меня удивило, что вместе со мной в ад шли дикие звери. Они тоже бежали от вас, потому что в аду они могли жить, а среди вас они бы умерли. Но вот горы закончились и остались позади. Вокруг стоят сухие деревья, звери разбрелись по джунглям ада, в поисках убежища, что спасёт их от человека. Даже солнце, казалось, скрылось в аду. Не было видно ничего кроме ада, и я помчался туда, не встречая никаких препятствий на своём пути. В аду я впервые стал самим собой, вы никогда мне этого не позволяли. Я всегда чувствовал, что в вашем городе я был чем-то вроде опасного преступника, которого вы постоянно допрашивали и за которым следили. Вы задались целью не позволить мне быть самим собой, только тогда вы могли быть спокойны.

Как же хорошо в аду... куда лучше, чем в вашем городе! Зачем вы снова вытащили меня обратно?! Я хочу вернуться туда... и хочу жить там. Чтобы войти в ад, мне не нужен паспорт... нужно только быть самим собой... нужно только сохранить моё истинное я,

которое я открыл, и которое вы безжалостно искалечили, пытаетесь вытравить из него всё человеческое! Убегая в ад, я спасал его от вас. Мне ничего от вас не нужно.... оставайтесь среди мусора, грязи и пыли...

Ах, да, я оставил вам золотой шлем...

...Вы страдали, пока я не посочувствовал вам, пока не услышал пятничную молитву, в которой проповедник говорил: «О, Аллах, мы не можем скрыть от тебя нашего тяжёлого положения, ты видишь нашу беспомощность. Только ты можешь спасти нас. Мы возвращаемся к тебе! Мы с тобой!».

Муамар Каддафи — писатель, как удивительный провидец, единственный правитель в мире в своем эссе «Дорога в ад» описал свою будущую гибель. Действительно, «кто воззовет к бесчувственной душе масс и наделит её чувствами?».

Чувств у джамахеров, когда они убивали своего лидера, не было. Толпа была страшна и действительно не слышала его криков о помощи.

И не спасли Каддафи тысяча танков, которые были на вооружении у ливийской армии, две тысячи боевых машин пехоты и бронетранспортеров, более 800 реактивных систем залпового огня. Придравшись к лидеру из-за отступлений от некоторых ветхозаветных диких установок ислама, над ним уже издевался Шариат, которому надо во все века властвовать над толпами и правителями. Без каких-либо соперников. И горе тому по сей день, кто как-то попытается увернуться хоть от части, не отвечающих постулатам реальной нынешней жизни, религиозных догм. У Шариата должно быть все: беспрекословное, как в армии, людское подчинение, трибуна, деньги.

Муамара Каддафи убивали исламисты, которые мгновенно его предали, как только капиталы отвернулись от него.

Восставшие прильнули, как и в начале двадцатого века, к иноземцам, к инсургентам, чтобы разбогатеть и вдохнуть в себя хоть малый глоток от чужих благ.... Прежде итальянских инсургентов даже из могил изгнали, а теперь ливийцы без какой-либо гордости сами за полу американцев ухватили и всеми силами приволокли в их в собственную страну. Правда, вместе с новейшей авиацией и бомбами.

Восставшие не пожелали разбираться в геополитике, не захотели осознать, что иноземцам просто нужна нефть, что они, как и прежде, прибирают к рукам все, что плохо лежит под чужими пещками и деревьями. Восставшие... В народе их называли ливийскими крысами, не поняли, что их используют, как мелких обезьянок на дереве.

А финансовые корпорации убили Каддафи за то, что всю торговлю он хотел перевести на золотой динар, чтобы выиграла от

этого, в первую очередь, джамахеры. Но эти обезьянки прыгали на четвереньках перед своей жертвой, не понимая, что убивают в это время и своих еще не родившихся детей, свое же благополучное будущее.

С криками «Аллах Акбар!», по их мнению, небесное величество, видите ли, должно было помогать им и в этой гнусной ситуации, они истыкали ему штыком задний проход, били творца «Великой реки» по лицу, сыпали ему песок на раны, а подростки даже выстроились в очередь, чтобы насиловать старика. Аллах почему-то равнодушно глядел на то, как убивали его подданного, многократно на глазах всего мира клявшегося в верности исламу.

«Что выделаете? — вскрикивал убиваемый джамахерами человек. — Это не допускается по исламскому праву. Что вы делаете? Это же запрещено в исламе...».

«Меня удивило, что вместе со мною идут в ад дикие звери»... — писал прежде Муамар в своей книге.

Вокруг умирающего Каддафи, действительно, были лютые звери. Однако не он ли сам в 1979 году ввел в стране шариатские законы? И все ливийцы учились по странному учебнику жизни, шагнувшему в современность из лютого средневековья в котором и сказано: «не проявляйте слабости при преследовании врага». (Сура 30.60) «Воистину, тех, которые не уверовали в Наши знамена, Мы сожжем в Огне. Всякий раз, когда их кожа сготовится, Мы заменим ее другой кожей, чтобы они вкусили мучения».

Победив, ливийские крысы надругались над могилами отца и матери вчерашнего лидера, выбросили их кости из могил. Однако не сам ли Муамар и его соратники много лет назад показали примеры подобной некрофилии, когда выкапывали из могил кости итальянских солдат? Как же больно, как страшно, когда этот проклятый бумеранг возвращается?

Каддафи не мог больше принести своим мучителям мещанского счастья, поэтому мгновенно стал для них чужим. Они с ним, как с чужим и поступили. Они линчевали его за отмену закона о многоженстве, закона око за око, руку — за кражу. За свое священное право оставаться дикарями седьмого века. Они казнили его за нежелание вновь создать удобный только для них Халифат, за то, что Муамар открыто писал в своих сочинениях: «Мы выступаем также против нового халифата и будем всеми силами бороться с этой идеей. Мы не хотим снова подставлять шею под ярмо власти халифа, который будет править нами, якобы, по воле Аллаха, хотя Аллах никогда не издавал такого повеления.

Он не имеет никакого отношения к Аллаху. Мы не наивные невежды, чтобы верить в то, что халифат — это от Бога. Халифат — это отступление от веры. Всякое новшество в вере — ересь, всякая ересь — заблуждение, а удел заблудшего — геенна огненная.

Халифат — это внесение новшества в веру, так же как и ересь».

Мечта мусульманских фанатиков создать новый Халифат — не из той ли обоймы, что и мечта турков вернуться в Османскую империю, мечта поляков расширить свои границы от моря до моря, милитаристское желание израильтян все время наступать на другие народы от Тигра до Ефрата, а то и дальше. А уж американцы раздулись так, что им и земного шара не хватает, планы у них, как у ретивого вороватого завхоза: прихватить бы из всех Галактик, даже если это лишь кусок льда с Юпитера.

Так что в эпоху раздувшейся у всех народов алчности, будто мешок с ядом под челюстью у гурзы, что для американцев Ливия! Кусок навоза посреди дороги, малый камешек на бархане, который так удобно пнуть...

И только социализм думал о благе каждого человека, даже с малой, как песчинка, мечтой.

Смерть Каддафи — это еще одна победа Капитала над равноправием всех народов и наций, для чего и был выпущен из бутылки религиозный джин. Это была глумливая победа и над духом тех, кто в свое время хотел совместить религию и социализм.

Когда-то такое полурелигиозное, полусоциалистическое общество хотел построить в Египте и Гамаль Абдель Насер. В итоге — религия осталась, социализма и в помине нет.

Эту же идею объединить средневековые постулаты с идеями современного реального равенства на земле подхватил президент Судана Нимейри. Но спекся быстро, задружившись с братьями-мусульманами. В итоге через некоторое время потерял свой трон. А Шариат с плетью в руках быстро захватил в государстве все позиции, развязал войну между севером и югом, и триста народов Судана потеряли страну.

Попытался было осчастливить иракцев социалистическим равенством и Саддам Хусейн. Для этого круто расправился с возможными соперниками, в том числе, с коммунистами. В 1963 году в результате переворота, организованного партией БААС и последующего прихода к власти генерала Абдель Салям Арефа, был массовый террор против всех левых. Большая часть руководителей партии во главе с Салямом Адилем была уничтожена, тысячи коммунистов посажены в тюрьмы. Кое-кто в те месяцы в Ираке растворял коммунистов в ваннах с соляной кислотой, закапывал людей живыми в землю. Хотя социалистическая программа партии Баас была создана коммунистами.

Ни одна мечеть в эту пору не была закрыта, а ведь правящая партия в это время называлась Партией арабского социалистического возрождения. Однако не религиозного.

Но каково это после многочисленных казней создать в Ираке социализм? Может, на кое-то мгновение и было что-то в стране до-

брое, потом и тут победила религия.

Впрочем, если бы... в 1971 году Муамар Каддафи не сорвал бы с неба самолет с руководителями Левого восстания в Судане и не послал бы их на казнь в Хартум, может, в случае их победы тогда история арабских и африканских стран пошла бы иным путем, более человечным и добрым. Да и сам Каддафи, глядь, не был бы казнен нынче. И по сей день ходил бы по ливийским пескам в своих экзотических одеждах, и писал бы свои эссе, и были бы живы его дети и внуки, и не сидел бы в тюрьме с ампутированными пальцами его старший сын Ислам. И остались бы в живых миллионы погибших людей в Судане, Ливии, Ираке... А нынче погибают и в Сирии.

И внешняя политика Советского Союза, вероятно, посерьезнела бы, обрадовавшись победам единомышленников в других странах, повернулась бы от циничного внешнего торгового либерализма к реальной поддержке своих товарищей. Глядь, и наша страна, имея мощную поддержку во всем мире, не рассыпалась бы.

Вот как давно была заложена мина страшных взрывов под события нынешнего дня, которые Анна за много лет удержала в своей памяти.

«Я никогда не оставлю землю ливийскую, буду биться до последней капли крови и умру здесь со своими праотцами как мученик. Каддафи — не простой президент, чтобы уходить, он — вождь революции и воин-бедуин, принёсший славу ливийцам. Мы — ливийцы — вели сопротивление против США и Великобритании в прошлом и не сдадимся сейчас, — сказал незадолго до смерти лидер Ливийской Джамахерии.

И Каддафи, как мифический богатырь, как настоящий мужик, дрался до последней минуты. Но международный капитал в союзе с местечковой религией не оставил надежды ему и мертвому остаться в памяти народа мучеником. Его тело выставили в холодильнике города Миссураты, чтобы люди ощутили запах разложения обычного человеческого тела. По исламу от тела мертвого шарида должен исходить лишь мускусный запах.

Никакой памяти народу не захотел оставить ислам о лидере, пожелавшем при своей жизни построить хоть какой-то социализм, пусть корявый, неловкий, нестойкий, но все же по тому времени вытщавший из нищеты бедуинских палаток абсолютно всех.

Переосмыслив события давних и отнюдь не мирных дней, которые много лет пробегали перед глазами, Анна — свидетельница этих событий, напрочь согласилась с неким Кешей Сталкером, величайшем политологом от народного колодца, который на сайте «Исламский социализм» написал свое мнение: «На фиг, какой исламский социализм? Вы с дуба рухнули? В социализме и ком-

мунизме нет места религиям. Религии разъединяют народы. Долой мусор древних обычаев и религиозных догм. А то станем папуасами. Актись, друг, Коран не может быть конституцией. Атеизм — будущее народов».

И если бы линию атеизма до конца выдержали бы и в Советском Союзе, глядь, не было бы у разрушителей СССР такого мощного подспорья, как религия.

Когда-то бывший Генсек компартии Узбекистана Шараф Рашидов в память о традициях своих предков тайком от партии и государства строил в горах мечети, и как только центральная власть ослабла, во всех мечетях Востока муллы востепенулись, будто птухи после утренней зари, и очень быстро дезавуировали величайшее достижение советской власти: право на равенство наций, право жить равно всем на одной и той же земле. Миллионам немусульман пришлось срочно паковать чемоданы: они мгновенно стали неверными, то есть, низшими. Без равного права на свой язык и без права на равное участие в жизни.

В центральной России церкви, призывавшие с амвона голосовать за Ельцина, то есть, против советской власти, помогли негодям уничтожить равное право на труд, жилье, образование, медицину, ибо вместе с Ельциным и его камарильей пришло в жизнь народов такое расслоение, какого не было даже в диких американских прериях. Рассказывая чудесные сказки о том, как на небесах прекрасно живет тем, кого уже нет (поди проверь!), церковь размышляет представления о справедливости, как о крайне необходимом устройстве общества.

Священник при этом понижает трагически и театрально голос: «Господь же терпел все, мол, любого нахала, рабовладельца, казнокрада терпел, а вам к чему быть иными? Вот когда жизнь кончится, в приемной очень ответственного Товарища тогда и поговорите, обсудите все как положено»...

Социализм адрес справедливости изменил. Сквозь облака, сквозь ветви деревьев он стащил ее, слегка обленившуюся и заживевшую, на землю и указал: выстраивай свою линию в каждой семье, на каждом заводе, на каждой улице. Строй ее, желанную, своими руками. Бери в руки лопату и строй! Сажай яблони, чтоб каждому ребенку нашлось угощение, кустарники, чтоб у каждого романтика была ветка сирени, строй квартиры, чтоб ни один человек не жил на ледяном тротуаре.

Адрес справедливости был теперь доступен, как и любая книжка о ней. Тут и Бальзак кое-что подсказал, Флобер кое-что добавил, Джек Лондон целую энциклопедию людской беды при алчном устройстве жизни рассказал...

Ну, какому мулле, попу или ксендзу это понравится? Городская и деревенская паства теперь ведь не к ним, косноязычным, бежит,

а в библиотеку, институт, в партком, к другу, на предприятие! И получают реальную помощь! Из фондов государства, а не из фондов древнеримского, греческого или иудейского мифа. Малоимущего, как мираж в библейской пустыне. Мгновенно улечучивающегося, когда к нему обращаются за помощью, будто песок на бархане во время бури.

Но есть люди, которые обожают сказки! Что с такими поделаться? И пусть их любят, эти сказки, только к другим не пристают, другим против воли их не навязывают.

А вот на такой случай, когда человек вдруг от какой-то конфессии отвернулся, у всех религий мира имеется в запасе весьма грозное оружие...

— Господь накажет! — говорят священнослужители, а в религиозных книгах тут как тут обзывалки и угрозы: «Змеи, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геену», «Истинно говорю вам: не останется тут камня на камне; все будет разрушено!»

«Кто приходит ко мне и не питает ненависти к своему отцу, матери, братьям, сестрам и даже к своей жизни, тот не может быть моим учеником» («Евангелие от Матфея»).

Вот что диктует в это время ислам в хадисах из Сунны: «О Пророк! Воодушевляй верующих сражаться с неверными!» (Коран 8:65.) А когда вы встретитесь с неверными на поле сражения, обезглавьте их ударом по шее, а когда убив многих из них, вы ослабите их, укрепите оковы пленных. Потом, после окончания боя, либо помилуйте их, освободив без выкупа, либо освободите за выкуп, либо обменяйте их на пленных мусульман. Так поступайте с неверными, пока не кончится война. Это решение Аллаха относительно них. Если бы Аллах пожелал, Он покарал бы их, победив без боя, но Он предписал джихад (борьбу за веру на пути Аллаха), чтобы неверными испытать верующих. А те, которые погибли в борьбе на пути Аллаха, — деяния их Аллах не сделает тщетными, а поведёт их по прямому пути к раю и исправит их сердца, и введёт их в рай, о котором Он возвестил им (Коран 4:74).

И тут угрозы и принуждение людей к вечной вражде.

Что нашим мусульманам отвечают нынешние российские православные, вроде бы образованные и очень толковые люди?

На сайте «Есть ли в Коране призыв убивать неверных?» протоирей Воскресенского Горицкого женского монастыря, настоятель храма Введения Святой Богородицы Алексей Мокиевский корреспонденту ИА REGNUM утверждает:

«Я думаю, что в Вологодских вузах есть смысл преподавать основы ислама. Россия всегда была многоконфессиональной страной. К тому же ислам является традиционной для России религией. Но со стороны духовного лица должна быть особая тактичность по отношению к аудитории, к которой он обращается. Если

бы я был преподавателем такого предмета, обязательно бы оговорился, что мои призывы относятся только к тем, чье вероисповедание — христианство. Вообще, не стоит отождествлять мусульман и террористов. Последнее время эти два слова стали синонимами, что неправильно. Так же хочется сказать, что никакой опасности мусульмане для христиан не несут. В Коране есть запись, что неверных нужно убивать. Но неверными являются не люди другой веры, а атеисты, то есть люди, не верящие в Бога вообще... <http://www.rambler.ru/news/russia/religions/12421511.html>

В общем, злоба, как страшный и грязный сель, религиозным правоохранителем перенаправляется в иную сторону: на тех, кого им не жалко. Но не уничтожается, не высмеивается вовсе.

Может из всех религий мира иудаизм мягче? Что познаем мы тут, раскрывая иудейские религиозные книги?

«Талмуд полон предсказаниями того, что произойдет на конце времен, когда придет царь Мессия, который раздавит всех гоев колесами своей колесницы. В это время будет великая война, во время которой погибнет две трети народов. Евреи победители затратят семь лет на сожжение оружия побежденных. Эти последние подчинятся евреям и поднесут им богатые дары, но царь Мессия не примет дани христиан, которые все должны быть уничтожены. Все богатства народов перейдут в руки евреев, богатство которых будет неисчислимо: богатства же царя Мессии будут столь велики, что одни ключи для запираения их составят груз для трехсот вьючных животных; что же касается простых евреев, то самый незначительный из них получит две тысячи восемьсот рабов. После истребления христиан, глаза оставшихся просветятся: они попросят обрезания и одежду посвящения, мир будет населен исключительно евреями. Тогда земля будет производить без обработки пироги на меду, шерстяную одежду и такую чудную пшеницу, что каждое зерно будет равно размером двум почкам самого большого быка» (Флавиан Бернье «Евреи и Талмуд»).

Ну, какими же мещанами были эти древние люди: самому незначительному из которых нужно аж две тысячи восемьсот рабов да чтоб земля впридачу сама протягивала им пироги на меду и шерстяную одежду... И чтоб ключи от всех сундуков мира принадлежали только им!

Вот это да, как размахнулся Сундук, главная составляющая народной мечты того времени: триста вьючных животных нужно, чтоб возложить по земле одни только ключи от него!

Хочется в изумлении поднять глаза к небу... А там Луна, которая за все века существования человечества сколько придурков видела на Земле, что уже и пикнуть не может! Потому давно безвольно висит в ночной тишине и помалкивает: так устала о них рассказывать и возмущаться.

Так что религия и социализм совместны как фонарь на дереве и ползущая к нему змея, которую устраивает жизнь только во тьме.

«Убей неверного!» — говорит ислам. Вероятно, в более мягком варианте это звучит, как убей в нем хотя бы мозги!

Без конфликтов, без своего сектора влияния, без угроз человечеству религия жить не может. Но заслуживает ли человек того, чтобы ему каждый день угрожали, все время фыркали на него, запугивали, топтали ногой, низводили его в ничто, всякий раз бухали мордой в пыль, утверждая: все, что он создал — это тлен, бесполезность, а польза обнаружится лишь тогда, когда он за облаками будет тихо лежать на боку в белых тапочках и радоваться небесным, не им посаженным цветам.

Самолет прилетел в синий и солнечный день. В аэропорту было не так уж много народу, как в прежние годы. И пассажиры выходили в зал прилета почему-то все одетые одинаково, будто гуманоиды с одной планеты: рваные джинсы, мятые майки, на ногах — простенькие тапки. Словно мир обеднел так, что уж и авиапассажиры из многих стран одеть не во что. Где на женщинах сари, на темнокожих мужчинах — огромное африканское бубу, где удивительные тюрбаны индусов?

Люди выглядели одинаково, как из одной стаи. Даже если у них разные лица и разный цвет кожи.

Хотя нет... Вот эта девушка — исключение. На ней нежное кружевное платье, однако, на ногах теплые, для зимы, сапоги. Как только ноги от жары не спеклись? Но пассажирка терпит, мода, видите ли, такая. Тогда не пора ли летом ходить в шубе, но чтоб на ногах были легкие кружевные тапочки?

Из-за поворота коридора выплыли пассажиры катарского рейса.

— Почему катарского? — получив электронное письмо с сообщением о дне прилета, недоумевала Анна, помня, что прежде был прямой рейс из Хартума. Но, видимо, только советская авиация долетала до всех столиц мира, а нынешняя, буржуазная, летает только по прибыльным маршрутам. А какая прибыль на маршруте из страны, в которой на много лет прижилась война?

Темнокожих пассажиров из десятка рейсов, которые во время ожидания, проследила Анна, было мало. Впрочем, мало было также молодых парней и девушек. В зал прилета почему-то выходили пенсионеры, молодые мамы с детьми, какие-то очень современные и шустрые бабушки.

«Ах да, — догадалась Анна, — значит, нынче в России нет обмена студентами с другими странами, как это массово было в Советском Союзе. Российский капитал интересуется не знаниями во всем мире, а только бабками во всем мире. Как в песне «...И Африка мне не нужна». Хотя Турция, ради курортной Анталии, край-

не необходима».

Среди пассажиров арабского рейса Анна увидела мужчину, толкающего впереди себя тележку, на которой поверху чемодана лежала большая картонная коробка

— О небеса! Где же его шевелюра? — в ужасе подумала она, разглядывая пассажира, у которого когда-то была черная пыльная шапочка волос. Помнится, Хади любил ее поглаживать обеими руками.

«А где твои косы?», — оборвала свои критические размышления Анна и поневоле дотронулась рукой до своей короткой стрижки.

Мужчина остановился, внимательно оглядел встречающих и скользнул взглядом мимо ожидающей его женщины.

«Неужели так постарела? — перепугалась Анна, но все же смело шагнула навстречу гостю.

— Добрый день! Здравствуй!

— Здравствуй! — выдавил из себя пассажир и как-то виновато отвел глаза в сторону.

— Что у тебя в коробке? — быстро отвлекла его внимание от себя женщина.

— Манго, — ответил Хади, — специально вез для тебя.

Автобус мчался мимо незасеянных полей, недостроенных гаражей и новых высоток.

— Вот этого здания прежде не было, и этого тоже! — удивлялся он, внимательно оглядывая московские улицы. — О, как в Москве теперь хорошо! Глобализация вам очень помогла!

— Очень! — горько усмехнувшись, подтвердила женщина.

В квартире гость вытащил из чемодана подарки: ткань на платье, духи, лакомство twix, но глаза его при виде Анны особой радости не сверкали. Она поблагодарила его от всей души, поставила на стол угощение, подала вилки, ножи, а сама подумала о том, как вот нынче после его отчужденного взгляда сблизиться им, мужчине и женщине, спустя тридцать шесть лет после их последней, да и то мимолетной встречи? И ради чего они сегодня встретились, что скажут один другому? А коли, несмотря на годы, встретились-таки, сидят нынче за одним столом, как все же найти им друг друга, как вновь уловить душу, чувства, тепло их многолетних отношений?

— В твоей стране кончилась война? — вежливо спросила Анна.

— Не совсем, — ответил Хади и опять устался в стол.

— В России теперь все хорошо, демократия... Я рад за вас... Наконец-то! — тоже вежливо произнес он.

— Ты это всерьез? Ты что-нибудь читал о моей стране последние двадцать лет?

— У нас ничего по телевидению о России не рассказывают. Русского Интернета нет. Весь мир думает, что в Советском Союзе было плохо, а сегодня в России хорошо, потому что эта страна бо-

гатая... Я думал, что вы живете сейчас лучше, чем прежде.

Медленно доходило до Анны очень горькое: весь мир, натворив в стране чудовищное, забыл о России и она, как растерзанная планета, искры от которой больше не обжигают, не волнуют и ничего нового уже не несут, как жалкие осколки прежде огромного корабля, больше для этого мира, упокоенного ложью, не существует и покоится где-то очень глубоко на дне человеческого сознания целой цивилизации. И как теперь вызвать хотя бы из души гостя интерес ко всему тому, что действительно происходит в стране Анны, а значит, и в ее жизни? Как пробудить боль и сострадание к огромным утратам хотя бы в ее судьбе за последние два десятилетия?

— Скажи, как в арабском мире отреагировали на смерть Каддафи? Гость развел руками.

— Как? Ну, сорок два года у власти. Везде вмешивался. Надоел.

— И за это убивать?

— Сорок два года, понимаешь?

Анна не понимала, почему по этой причине столь варварски и по-людоедски решать судьбу страны, ее лидера и его семьи: детей, внуков...

— Английская королева 60 лет на троне, давай ее бомбить?

— Зачем? — искренне удивился гость. — Она ничего не решает.

— Как не решает? — отказывалась верить Анна в сказанное и спросила напрямик: — почему английские премьеры докладывают обо всех делах парламента королеве? Почему королева состоит в Комитет трехсот, самых богатых людей мира, решающих судьбы мира?

— Не переживай, теперь в Ливии все будет хорошо!

— Закон о многоженстве — это хорошо? Законы о возврате к шариату, об отсечении рук, ног... Это хорошо?

За сорок пять лет разлуки мужчина и женщина, жившие все эти годы на разных континентах, в иных политологических системах и в разных психологических мирах, уже абсолютно по-иному глядели на жизнь. Что теперь их может объединить?

— Как теперь ты относишься к тому, что англичане в девятнадцатом веке пришли в Судан? Это плохо?

Собеседник поморщился, махнул рукой, как бы отменяя прошлые огорчения.

— Сейчас нормально отношусь. Англичане строили у нас железные дороги, телеграф, открыли школы...

В самом начале английского фильма «Четыре пера» (2003 г.), посвященном подавлению национального движения в Судане в конце XIX века, есть титр, в котором сообщается, что в конце XIX века британские войска захватили каждый четвертый километр планеты.

«И после такой агрессивности Британия еще кому-то предьявляет претензии? — думала в это время Анна. — России подобное хамство и в голову придти не могло. И если бы Среднюю Азию захватили британцы, на ее территории был бы вечный Афганистан: нищета, постоянные бойни, а на улицах — голодные дети и жалкие женщины в черных тряпках с головы до ног. Уж бритты не отказали бы им в религии, вкушайте ее, сколько хотите, только оставайтесь смиренными идиотами».

— В нашей стране на уровне суданских улочек даже спор был тогда, не рано ли мы выгнали англичан? Некоторые люди говорили, что надо бы подождать еще лет двадцать, чтобы они побольше понастроили.

— Чего именно?

— Мостов, больниц...

— То есть того, что стоит подороже, что силами малой нации не осуществить?

Помнится, как-то в одну из поездок в Польшу, Анна слышала, как в Варшаве на автобусной остановке спорили два поляка и один из них сказал то же самое:

— Мы их рано выгнали. Надо было подождать, пока русские еще построят в Варшаве хотя бы метро ...

И вот теперь, оказывается, что не только сильный бывает хищником, но и затаившаяся, вроде безразличная ко всему — хитрость малого и обиженного.

— Значит, твой прапрадедущка, исходя из нынешнего мышления, был неправ в том, что боролся против англичан?

— Защищая свой дом, мой прапрадедущка был прав... — спокойно ответил Хади. — Но тогда мало кто понимал, что прогресс сильнее национальных чувств. Рано или поздно прогресс потащит страну на веревке, как раба. Всем необходимо идти вместе с прогрессом, а кто отстает... Мы, африканцы, отстали... Весь мир уже с электричеством, а наш континент без электричества... Как такое могло быть? И прогресс пришлось догонять так, через колониализм. Через множество войн и смертей. В таком развитии истории и мы, африканцы, виноваты. Надо было думать не только о бананах. Да, Махди и мой прадедущка боролись за независимость, но что было в Нубии после их победы? Опять все хватали и продавали друг друга в рабство. Страна уже обязана была уйти в другую формацию.

— Когда-то ты говорил, что боишься стать чернокожим англичанином. Теперь почему им стал?

— Не стал. История пошла на другой виток и все увидели ее со стороны с другой стороны.

— И все же... — разочарованно протянула Анна, как всегда, желая тут же подвести черту.

— Без «все же...». В Судане не носят джинсы. И на мне никогда их не увидят. Почему? В джинсах ходили у нас английские колонизаторы.

— Ну, это не доказательство, — отмахнулась Анна.

— Когда я учился в Англии, мне на кафедре предлагали остаться. Я вернулся домой. Как видишь, я далек от восхищения капитализмом, но истину видеть обязан.

— Это тоже не доказательство. Из Москвы ты тоже вернулся домой.

— А сейчас работаю в составе группы по созданию нескольких атомных станций в Судане.

— Деньги после войны в стране откуда?

— Несколько миллиардов долларов дает Китай. Конечно, не бескорыстно. В кредит.

И на этом диалог неокончился.

— М-да, в кредит, — проворчала собеседница и, как всегда, вставила, будто штырь, возражение.

— Советский Союз отпустил огромные деньги Египту лишь за бананы....

Не случись катастрофы с собственной страной, наверно, Анна, по-житейски, по-мещански возмутилась бы, у нас, мол, и нынче своих проблем хватает, к чему тратить деньги на чужие проекты? Однако ни той страны, ни денег, ни прежних надежд на сотрудничество между разными народами теперь нет. Все лучшее — в прошлом. И как же горько стало Анне, что страна ее, даже новая, нарезанная, будто лоскут от прежнего платья, настолько умалилась, такой нынче стала слабой и дохлой, что присутствие ее уже нигде толком не обнаруживается, а тем более, с точки зрения современной спесивой российской дипломатии, в какой-то Нубии...

Когда-то она спросила одного израильянина, бывшего соотечественника, благодарны ли уехавшие из Советского Союза евреи за то образование, которое они массово и безболезненно получили, как они выражаются, «в стране пребывания»?

— Даже не вспоминают об этом, — спокойно ответил Исразль, и напомнил иудейскую поговорку о том, что оказанная услуга — это не услуга, она уже ничего не стоит.

«Неужто так быстро затягивается в небытие, будто в тину, даже лучшее, что было на земле? Может, так было в каждой эпохе, даже во времена фараонов? Тогда стоит ли выкладываться, обливаться потом, чтобы создать хоть что-то хорошее, коль так быстро все погружается в черную хлябь, стоит лишь времени перешагнуть через эпоху?».

— А суданцы, которые учились в Советском Союзе... — спросила хозяйка у гостя, — когда-нибудь разговаривают между собой по-русски?

— Никогда! На арабском, английском, да, но по-русски? Никогда.

Тут уж Анна обиделась до глубины души на такое беспамятство, на столь безучастное отношение если не к жизни в Советском Союзе.. Хотя бы какие-нибудь забавные эпизоды, отдельные прекрасные моменты, которые случались в жизни людей, когда они учились в Москве... Неужели не вспоминали и не говорили об этом по-русски? И разозлившись на то, что Хади не играет с ней в поддавки, она выкрикнула:

— Тогда Советский Союз зря помогал африканским странам избавляться от колониализма?

— Это тоже другая страница. Советский Союз много строил, — не торопясь, отвечал он. — Ваша страна по всему миру создавала рабочие места, значит, создавала рабочий класс, который должен был помочь ей, в свою очередь, построить социализм во всем мире. Не получилось. Сил не хватило. И времени. Это программа лет на пятьсот. А социализм жил на земле только семьдесят лет. Потому в Африке не были готовы к тому, чтобы рабочие были наверху. У нас их попросту не было.

— Но ведь советская политика помогала в других странах, в основном, местной буржуазии.

— Ты видела, как птица в гнезде кормит птенцов? Сильный выскакивает вперед и хватается клювом еду у другого. У вас в стране не так ли получилось? В Советском Союзе тоже, как я понял, буржуазия всех перехитрила и все перехватила, как вы такое позволили?

— Когда-то ты меня спросил: советские республики — это колонии? И нынче считаешь также?

— Потом я был в Ташкенте. Я понял, что это не колониальный город. Жители его чувствовали себя хорошо.

— Почему тогда в этом неколониальном городе нынче охотно празднуют день независимости?

— Наверно, люди тоже думали, что их республики были колониями. Значит, кто-то им это внушил. И этому поверили. Люди везде наивные.

Да, по московскому телевидению как-то бывший член ЦК КПСС Юрий Прокофьев рассказывал о том, что в 1990 году он спросил первого секретаря ЦК партии Узбекистана Ислама Каримова:

— Зачем ты, Ислам Абдуганиевич, насаждаешь в своей республике национализм?

Каримов, не моргнув глазом, ответил:

— Вы в России решили утонуть и тоните на здоровье, а мы будем спасаться в одиночку.

И спасались тем, что травили людей других национальностей, сживали их со свету, отнимали жилье и последние копейки. И ладно, показали бы миру потом образцы экономики и человеческих отношений. Изгнав из республики миллионы людей, руководство по-

том стало замечать следы своих грязных дел и провело еще одну подлую пропаганду, убеждая население в том, что, мол, русские уехали сами. После чего создали уже и коренным гражданам такие условия, что и свои почти все съехали: кто в Россию, кто в Пакистан, Афганистан...

Сказывают, президент Узбекистана Каримов и после этого считает ситуацию в этом скороспешном государстве нормальной и будто бы изрек: «Мне в республике одного миллиона хватит, остальные прокормятся в России».

То есть, восемнадцать миллионов уже коренных жителей республики вслед за изгнанным русским населением тоже оказались фактически изгнанными. Значит, такую большую людскую беду искусственно запрограммировали люди, которые занимали очень высокие государственные посты.

— Придет время и в этих краях тоже будет видна правда с другой стороны, — объяснил Хади. — Во многие страны, куда пришли англичане, народ всегда жил плохо. Я был в советское время на Украине, в Грузии. Везде ваши люди жили хорошо. В этом разница. Англия захватывала страны и давала минимум, а сама богатели. Советский Союз завоевывал мир через труд и давал максимум.

— Как поживает Фарук? — спросила Анна, чтобы уйти от этой, вечно бередящей ее душу темы, — гибели собственной страны. Ни за что, ни про что... Без бомб и войн извне. Когда восстали сундучники, упрекая страну в том, что у них в сундуках пусто, хотя крышки в них и без того закрывались с трудом.

— Как поживает Фарук? — спросила она еще раз.

— Умер. После того, как получил от братьев-мусульман фетву. В Лондоне умер. От инсульта.

— А Халим?

— Умер. Четыре года назад. У нас сухой закон: я пиво двадцать лет не пил. Но Халим дома тайком гнал спиртное. От этого и умер. Очень увлекся.

— Да, — удивилась Анна. — У вас и такое бывает? Тайком, чтоб никто не видел? А зачем тогда в мусульманском мире сухой закон? Его, значит, легко обойти...

— У нас многие так и делают.

— Как поживает твоя подруга Ольга? — спросил теперь гость.

— Умерла. Двадцать лет назад.

— Поэт Осман что нового написал?

— Ничего не написал. Умер.

— Мак?

— Умер. От сахарного диабета. Вскоре, как уехал из Москвы.

— Выходит, что в живых из тех, кого мы с тобой знали, теперь лишь ты и я?

Мужчина и женщина с испугом уставились друг на друга. Мир

перевернулся, для многих их знакомых он вообще уже кончился, а они все еще в нем. Наверно, это странно, зачем так надолго застревают на земле некоторые люди, да и вообще, что они еще хотят там, где им уже вроде как неловко и пребывать? На какой планете им жить, если они живые, еще хотят любить, не только внуков, но и целую жизнь: науку, книги, свои вопросы о политике, а может, и друг друга?

Хади опять уставился в стол и не поднимал глаз. Походил по комнате, погладил свою седую голову обеими руками, как это делал прежде, подошел к зеркалу.

— Красив, красив еще, — усмехнулась Анна и добавила с юмором: — Но почему-то думаешь, что старела за это время только я.

Хади смущенно и как-то искоса глянул на нее.

— Угадала? Тебе хотелось встретить меня такой, какой я была, когда меня ты впервые увидел, а нынче вроде как разочарован. Мужчина — царь природы, он же никогда не меняется, не так ли?

В этот момент Хади перешагнул время. Он вновь шагнул в ее судьбу, как с горы Монблан через Эверест, через континенты и моря, через годы, вроде как через горы. Он поднялся со стула, схватил Анну, крепко обнял.

— Ты для меня все такая же!

— Да, я нынче не Софи Лорен, — как бы жалуясь, проговорила женщина.

— Ты лучше Софи Лорен, — ответил он. — Ты меня столько лет ждала!

И после этих слов он взгляда своего не отвел от нее — ни влево, ни вправо.

Вот ведь диво! Всю жизнь они искали друг друга, но встретились лишь тогда, когда и жизни у обоих уже почти не осталось. И даже мира, который когда-то много лет назад позволил им, людям с разных континентов, встретиться, уже не было. Когда-то Хади не покинул свой прайд, не поступил вопреки воле родственников, за длинную жизнь они почти не жили вместе, но что изменилось в их отношении друг к другу из-за этого? Как им быть нынче, когда за окном иной пласт цивилизации, хотя многочисленный арабский род у него прежний, и отношение у мужчины к нему такое же, коль целый час уже то и дело кто-то звонит по-сотовому?

— Дети беспокоятся...

— Думаю, что это жена, — оборвала его Анна, не желая больше давать ему возможности говорить неправду даже во имя их обоих.

— Она не может звонить.

— Почему?

— Умерла.

— Что случилось?

— Сахарный диабет. Истерзал ее всю. Отнялись ноги. Я не мог

ее оставить. Кому нужны были бы наши дети?

И только сейчас, будто молнией озарило, увидела Анна, как жил Хади все эти годы: ее любил, а другую женщину спасал, вот и летал в Москву в поисках любимой, и какие же муки терпел, когда не мог найти ее, а когда нашел-таки много лет назад, натолкнулся тогда вдруг на ее резкое, как молния, непонимание.

— Выходит, что у тебя фактически и личной жизни не было?

Хади промолчал и вымолвил другое:

— Когда-то я не сказал тебе о том, что женат. Прости. Я не хотел тебя терять.

— Я когда-то сказала неправду, что жив наш малыш. Я тоже не хотела тебя терять. Совсем. И мне так какое-то время легче было. И ты меня прости, — произнесла с болью в голосе Анна.

Совместны ли их отношения нынче, когда за окном все иное? Что им теперь оставила жизнь? Каждая ли любовь имеет право жить на земле?

У входа в метро чернокожий юноша раздавал рекламные, на плохонькой бумаге, листочки, приглашающие прохожих посетить парикмахерскую. Видимо, нужда выгнала этого студента на улицу заработать себе на кусок хлеба хотя бы таким незатейливым способом.

— Какое счастье, что мы были избавлены от такого... — вдруг понял Хади неоценимость и уникальность советской эпохи, в которой они когда-то оба учились в Москве, и добавил с радостью. — Нашей стипендии хватало на все... Мы не видели нищих на улицах. И не думали, где найти деньги, чтобы пойти к врачу. Вокруг нас был безопасный мир.

— Какими мы были счастливыми, только не понимали этого! — добавил он, подводя тем самым итог тому периоду своей жизни, который был еще связан и с Анной, но тут же заметил и другое:

— Это непонятно, совершенно не понятно, почему исчез Советский Союз? Вдруг раз... и нету... Кто бы мне это объяснил?

Кто бы это объяснил... Над этим задумывались многие. Честные и порядочные, которые не сменили мгновенно, как в цирке, свою физиономию, свою сущность.

У Тушинского рынка на ступеньках перехода стоял еще один чернокожий юноша с каким-то совершенно отсутствующим, понурым лицом и продавал духи.

— Из какой ты страны? — спросил его Хади.

— Из Колумбии.

Вечером по каналу РБК передали, что повстанцы Колумбии решили помириться с правительством. Значит, и в этом регионе — война, и тут не жалеют людей, только ни по телевидению, ни в газетах об этом не очень-то рассказывают, чтобы мало кто понял: пожар кем-то специально раздувается по всему миру, в каждом сек-

торе, в каждом государстве, на каждом континенте. Кому-то нужно везде очень много огня, междуусобиц и распрей.

«Изменилось ли хоть в чем-то человечество с того времени, — думалось Анне о той эпохе, в которой русский купец из Твери Афанасий Никитин, желая заработать и отдать долги, совершил путешествие в Индию? — По дороге, помнится, его обобрали до нитки, как это и нынче делают с эмигрантами, а потом, подобно таджику-гастарбайтеру, оставили настолько нищим, что он, больной, с трудом добрался до дома и перед смертью продиктовал удивительнейшие воспоминания «Хождения за три моря».

Она достала с полки тоненькую книжку.

«Господи, боже мой! На тебя уповал, спаси меня, господи! — писал пятьсот лет назад незадачливый путешественник. — Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей поубивала. Мирзу Джеханшаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили.

...Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: вьюк яхонтов, вьюк алмазов да рубинов, да дорогих товаров сто вьюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом он стоял два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов.

...Низам аль-мульк, Мелик-хан да Фахтулла-хан взяли три города больших. А своей рати с ним было сто тысяч да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да драгоценных камней великое множество...».

Избавились ли нынешние нувориши мировой экономики от принципа захватить «яхонтов без числа да драгоценных камней великое множество» у других, пусть нынче в виде нефти и газа?

Неужели алчность, эта неистребимая пакость, по сей день незримо, даже на подсознательном уровне, по-прежнему руководит человечеством, толкая его на войны, захваты и лютые безрассудства?

— Странно как-то нынче живут люди, — проговорил Хади, когда они приехали домой, и рассказал о своем друге, некоем пакистанце, который, работая в госпитале, жил в Лондоне. Жена его работала в Берлине. Дочь — в Канаде. Сын — в Америке.

— Правда, Кадыр через каждые две недели ездит к жене.

— Какой-то сиротский брак. Брак в виртуальном пространстве.

— Сейчас многие так живут: без общего дома, без своей страны. Без одного на всех обеденного стола. Где работа, там и живут. Спрашиваю, почему ты не хочешь вернуться домой? Кривится, там все нестабильно. Нищета...

Выходит, и впрямь, мало что изменилось в Пакистане (а это оторванный англичанами от Индии кусок территории) с того времени, когда там побывал наш Афанасий Никитин, о чем аж в 1475-1476 годах написал:

«И тут индийская страна, и простые люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы... Из простого народа мужчины и женщины все нагие да все черные. ... У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах...

...Ездит же хан Асад на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хорасанцев, у него много».

А вот что о своих грабежах через пятьдесят лет после путешествия Афанасия Никитина в Индию написал славный сын Востока Захир-ад-дин Бабур уже в собственной исповеди «Бабур-намэ» в 1526-1527 годах...

«В пору между двумя молитвами пламя битвы так сильно разгорелось, что факелы знамен вознеслись выше небес. Правое и левое крыло войск ислама прижало левое и правое крыло злополучных нечестивцев к их центру и оттеснило их в одно место».

Это ж какова была спесь у древних андижанцев и бухарцев, чтобы придти в чужую землю с войском и называть ее жителей нечестивцами!

«Когда признаки победы славных бойцов за веру и возвышения исламского знамени начали становиться явными, проклятые нечестивцы и злодеи, лишенные веры, некоторое время пребывали в смятении, не зная, что им делать; наконец, они исторгли сердце свое из груди и бросились на правый и левый край нашего центра. На левом краю их натиск был сильнее и они подошли к нам близко, но наши доблестные бойцы, видя перед собой плоды небесной награды, посадили саженцы стрел в землю груди каждого из врагов и сделали нечестивых столь же черными, как их судьба».

Это точно! Лишь видя перед собой «плоды небесной победы», то есть, чужие стада, драгоценности в беззащитных домах, тысячи будущих рабов, можно было столь безжалостно всаживать кучи стрел в грудь «каждого из врагов», а по-нашим временам, в защитников своей родины, своих жилищ и детей. Но циничные завоеватели, а попросту флибустьеры тех времен, ищущие в Индии возможность усестись на шею другого народа, этой разницы не ощущали и свое гнусное поведение называли борьбой якобы за свою исламскую веру.

«В это время ветерок победы и одоления повеял над лугом счастья наших благих заместителей и донес до них благою весть: «Поистине, даровали мы тебе победу явную». Красавица торжества, чья прелесть, озаряющая мир, украсилась кудрями слов: «Поддержит тебя Аллах поддержкой могучей», явила нам счастье успеха,

прежде сокрытое за завесой, и сделала его близким. Ложноверующие индусы, поняв, что их положение трудное, рассыпались, «как шерсть расчесанная», и разлетелись, словно рассеявшиеся мотыльки Немало убитых пало на поле битвы, многие, отчаявшись в жизни, ушли в пустыню скитаний и стали снедью для ворон и коршунов. Из трупов убитых сложили холмы, из голов их воздвигли минареты. Хасан хан Мевати от ружейного выстрела вошел в число мертвых, многим из заблудших и непокорных, что были вожаками этих людей, пули и стрелы также принесли конец дней их жизни. К числу их принадлежат Равал Уди Синг Багари, который был правителем области Дунгарпура и имел двадцать тысяч всадников, Рай Чандрабан Чухан, имевший четыре тысячи всадников, Бхупат Рао, сын упомянутого выше Салах ад-дина, который был правителем области Чандири и имел шесть тысяч всадников, Маникчанд Чухан и Дилпат Рао, имевшие по четыре тысячи всадников, Гангу, Карм Синг и Дангуси, имевшие по три тысячи всадников, а также многие другие индусы, каждый из которых был начальником войска и главой отряда, сплошь состоявшего из людей великих и славных. Все они вступили на стезю, ведущую в ад, и перешли из сей обители нечисти в пропасть нижайшую. Дорога с поля битвы, словно геенна, была усеяна ранеными, умиравшими на земле; нижайшая пропасть наполнилась трупами лицемеров, отдавших жизнь ангелу ада. Куда бы ни поспешил человек в войске ислама, он всюду мог найти убитых, сколько хотел. Когда славная ставка двинулась вслед за бежавшими, то на каждой стоянке некуда было вступить из-за множества трупов поверженных вельмож».

После массового и циничного уничтожения людей, которые ничего плохого Захир-ад-дин Бабура не сделали, эта утонченная личность, поэт и писатель — украшение Востока, тут же и стишки присочинил около поля, еще пахнувшего кровью. При этом не сожалел ни о чьей-то смерти.

Все индусы убиты в позоре и унижении.
Камнями ружей, как люди со слоном,
Из-за множества тел появились горы,
На каждой из этих гор текла река крови.
От страха перед стрелами войско,
Полное блеска,
Разбежалось по степям и горам.

Вот таких рукописей, как у Бабура, а это о сражениях Македонского, Хромого Тимура, Наполеона, султанов из Османов — о кровожадности, бесчеловечности и хамстве рода человеческого, совершаемых во все века во имя наживы, покопавшись в Интернете, можно найти тысячи.

Кто знает нынче о множестве войн и государств, существовавших до новой эры?

«В 534 г. тюкю появляются у китайской границы. В 546 г. Тумен разгромил племена теле, шедшие в поход против жужаней, захватив более 50 тысяч кибиток. Покоренные племена теле составляли ударную силу войск тюкю и, как свидетельствует летопись Тан-шу, тюкю «их силами геройствовали в пустынях севера». В 552 г. Тумен сокрушил государство жужаней, основал каганат тюкю (тюрок) и объявил себя каганом. Тумен умер в 553 г. Его преемники, ведя непрерывные войны, раздвинули владения каганата с юга на север от Великой Китайской стены до Байкала, с запада на восток от Азовского моря до Ляодунского залива».(История России. Всемирная, мировая история — История Тувы).

Так сколько людей на земле за всю историю человечества ушли из жизни раньше времени, не по воле природы, а по воле лихих жадных создателей своих каганатов? Сколько, в лучшем случае, были ранены или ограблены?

Поэтому и пакистанец, который живет нынче в Лондоне, (его жена — в Германии, а дети, кто в Америке, кто в Канаде), тоже убежал от всех скрытых и явных форм грабежа, чтобы притулиться хоть где-то, всей семье даже поодиночке, чтобы окончательно «не вступить на стезю, ведущую в ад, на которой «войско, полное блеска, разбежалось по степям и горам»...

И за всю долгую историю гомо сапиенса только в Советском Союзе впервые реально делали все, чтобы каждый человек жил с достоинством, чтоб не было нагих и босых, чтоб каждый жил со своей долей: правом на профессию, жилье, и полностью без права... на грабеж. Когда можно было все-таки жить без хитрости и подлости, без необходимости дурить и всех подряд уничтожать.

Но гражданам страны такой путь не понравился. И теперь они предпочли избрать путь... «исторический». Путь всего человечества на протяжении тысячелетий: грабить кого только можно, а значит, не любить, не понимать и не жалеть других.

Сейчас в большом ходу резюме. Без него теперь ни одна встреча не заканчивается. У нас оно тоже появилось. И оно такое.

По улице шли мужчина и женщина. Еще смолоду не было места на Земле их любви. У него в далекой стране — жена, о чем, конечно же, он вначале умолчал. Как это делают все мужчины. А она... когда узнала об этом, грустно подумала, что же, я с ним была близка лишь ради брака, лишь потому, что он завидный, симпатичный жених? И не порвала с ним, как это делает почти каждая женщина, как всякая нерасчетливая женщина, и даже оставила ребенка, который отчего-то не захотел жить и быстро ушел. От теплых рек, от синих лесов, от полянок с грибами. Неужели заранее проблем и безотцовщины испугался?.

Новорожденный отчего-то не принял реальности. Ребенок шел в

прекрасный мир, а в нем — сразу подвох, неладное... Неужели он многое понял? Что цветы и солнце, если под ногами у матери бездна? Мальчишка не мог еще ее защитить, и не захотел жить.

Спустя много лет этот черный мужчина и белая женщина встретились. Вначале каждый какое-то время глотал таблетки, потом каждый в своей комнате терял очки, как будто оба опять боялись взглянуть в лицо реальности.

А потом надо было-таки выйти из дома. И они пошли по улице, этот черный мужчина и белая женщина. Около тротуара примостилась на крошечной табуретке торговка с початками вареной кукурузы.

— Кто он тебе? — приподнявшись со своего неудобного кресла, со жгучим любопытством на лице поинтересовалась она. — Муж?

Ну, не объяснишь же ей, что сорок пять лет на Земле нет места их любви. Стонущей птицей по сей день летает она над полями и реками, а никак не может опуститься на ветку, чтоб где-то свить гнездо. А пока его нет, мужчина и женщина, живущие теперь далеко один от другого, почему-то время от времени ищут друг друга. Зачем, правда, они в этом постоянном поиске, так никто из них толком и не мог ответить даже себе? Но вот отчего-то ищут и нынче опять увиделись.

— Да, это муж! — улыбнувшись, ответила женщина торговке вареными початками кукурузы.

— Береги ее, гляди, какая она у тебя красивая! — тяжело вздохнув, ответила та, наверно, вспомнив, как в свое время не берегли ее. И как в свое время потеряли ее и то, что от веков связывает на Земле с этой жизнью каждого.

— Зачем возвращаться домой? Давай пообедаем в кафе и поедем в центр!

Красная площадь не производила впечатление молодого, с живо бьющимся пульсом центра страны. Мавзолей, доступ к которому был перекрыт, как перекрыт нынче и доступ к идеям равенства и добра, был накрыт огромной ветхой сеткой. По мостовой, четко и звонко чеканя шаг, больше не шли торжественно к заветным дверям часовые, стройные крепкие парни с винтовками на плече. Площадь, перегороженная и перекопанная, как обычный перекресток, не производила впечатления таинства, которым хотелось бы напитать и обновить свою душу.

Мужчина и женщина возвращались к метро длинными коридорами ГУМа, в прохладе которого можно было передохнуть, полакомиться мороженым.

— Гляди, я привез тебе из Нубии twix, а его и в ваших магазинах полно, — удивился он.

— Глобализация, — вздохнула она и сделала вывод. — Теперь все на земле одинаковое.

— А еще я тебе привез в подарок CHANEL № 5, а эти духи и у вас стоят на полке.

— Ну и что. Подарок дороже.

Гостя еще удивило, почему на окраине города, как он успел заметить, помидоры стоят сорок рублей, а в центре — четыреста?

— Глобализация, — опять ответила она, но мысли теперь высказала иные: — Надо, чтоб чужой дядя в России зарабатывал. Видишь, помидоры с Кипра... Нашим людям уже не позволено выращивать овощи. К тому же наш мэр сказал, что Москва — только для богатых. Поэтому в центре все невыносимо дорого. Неимущих москвичей потихоньку выдавливают на окраины.

— И наш мэр тоже сказал, что Хартум только для богатых... И чтоб люди, которые убежали от войны, убежали опять туда же...

— Под пули?

— Ну...

— Неужто? Где же они, подлые, эти главы городов, проходят стажировку, чтоб по всему мира галдеть одно и то же?

Вот так, хоть и мельком, как и прежде, они опять вместе познавали и обдумывали новую жизнь.

У фонтана, около которого десятилетиями встречались все разлученные, они присели на лавочку. Рядом стоял какой-то пожилой и очень уставший турист. Женщина подвинулась, показала жестом, мол, садитесь. Турист присел, поблагодарил кивком головы, обратился с каким-то вопросом на английском, которого женщина не знала, как почти все англичане не знают ни одного другого языка в мире и вовсе не стыдятся этого. Ну, почему бы с них не взять пример и беззаветно любить, в первую очередь, свой язык?

Туристу ответил мужчина, прежде много лет живший в англоязычном мире, спросил, из какой он страны, а тот объяснил, что по национальности еврей, перебрался в Израиль из Румынии.

— Кто она тебе? — спросил турист, и женщина поняла вопрос, как понимает все каждая женщина, когда заходит речь о ней.

— Фрэнд! — ответил мужчина, хотя его спутница знала, что он уже вдовец и прилетел именно к ней. И как все женщины в мире, не показала виду, что поняла, какую меру отношений определил он ей.

Турист поднялся, поспешил к жене, которая стояла неподалеку и уже подзывала его рукой.

Набережная реки перед Московским университетом тоже очень изменилась. Прежде тихая, вдоль которой когда-то прогуливались иностранные туристы или студенты, чаще всего парень из другой страны и русская девушка, теперь эта набережная превратилась в базар. На ней длинными рядами около деревянных настилов стояли таджикские гастарбайтеры и бойко торговали... русскими матрешками. Вокруг них с диким ревом и на дорогущих мотоциклах

носились рокеры.

— В Норвегии таджики на набережных захватили торговлю рыбой. Везде стоят и держат в руках рыбу, — поделился своими впечатлениями Хади и недолго глядел на церквушку, у которой они когда-то с Анной поднимались из глубокого зимнего оврага. Вокруг храма на каждом пяточке теперь стояли шикарные лимузины, буд-то разговоры с Богом небеса неплохо оплачивают.

— Шумно тут, пойдем, — сказал недовольно гость, повернулся лицом к площади и удивился:

— Почему нет цветов? Помнишь, тут было море цветов?

Да, когда-то здесь были пышные клумбы из пионов, роз, гвоздик, многоцветных петуний. Но... теперь даже фонтаны не сверкали на солнце и не остужали на этом пространстве жаркого дня. Эта бесхозность как-то очень быстро, будто в теореме, доказывала, что страна в упадке, она не в высь, не в мечты, похожие на неслыханную роскошь, уносится, а с трудом тянет каждый свой день.

На огромной площади, на которой они много лет назад встретились, спутники долго любовались университетом. В его комнатах когда-то, упрятавшись от мороза, грелась их любовь, но стоило покинуть эти стены, как ледяной шквал житейских бурь опрокинул женщину в сугроб, ибо ни одна женщина в мире не пережила как благодать свои потери после разлуки.

А он? Когда ее потерял, вскоре зачем-то начал искать. И вот они, как в далекой юности, идут по набережной реки, радуются встрече, рассказывают друг другу веселые истории и вдруг видят, что их радость, неназойливая, тихая и даже какая-то печальная, вызывает у пожилых прохожих любопытство, у молодых — гнев и грязную усмешку. Как и прежде. Когда в далекой молодости шли они по этой же набережной. Отчего он и не остался жить в стране, хотя и много хорошего было у него в Москве. В этом городе каждую минуту пришлось бы помнить, что он — черный мужчина, а она — белая женщина, и то, что они рядом, многим это, видите ли, не нравилось, у одних их отношения почему-то вызывали отвращение, у других — презрение.

Даже спустя много лет однокурсник Анны, уже писатель, устроил в своем городе в обкоме партии скандал из-за того, что дают ему квартиру в доме, в котором живет, видите ли, еще какой-то темнокожий человек, уже принявший советское гражданство.

— У меня черный в университете девушку увел! Я никогда этого не прощу, — орал не своим голосом Володя в кабинете высоко-го партийного начальства.

Знали бы тогда в обкоме партии правду о том, что сам Володя много лет встречался с девушкой из Чехословакии, безжалостно бросил ее, как только там начались известные события, и никогда темнокожие жители планеты не имели к его жизни никакого от-

ношения.

Просто знаменитому жителю Твери захотелось получить ордер в другом доме, в более шикарном и фешенебельном, и он пустил-ся на такой грязный трюк.

В обкоме прогнулись перед областной знаменитостью, а тверской «самородок» затем поганил и тех, кто выдал ему ордер на одну из лучших квартир в городе. Правда после того, как они из-за известных событий в стране покинули свои огромные кабинеты.

Но подлинных негодяев среди тех, кто не принимал необычные еще по тому времени отношения между людьми разных рас, все же было мало. Анна знала, обратиться она к каждому человеку в отдельности, из тех, кто недоброжелательно в этот момент глядит на нее и Хади, пожалуйся на жизнь, попроси помощь, окажутся очень сердечными людьми и помогут, но видеть рядом с белой женщиной черного мужчину, даже если они уже пожилые люди... Почему-то как норму не воспринимают. То ли комплекс неполноценности от этого зрелища испытывают, вот, мол, предпочли их, любимых, какому-то, а я-то — лучше, она что, этого не знает? То ли древний комплекс защиты своего гнезда, мол, это наше, не трожь...И катись отсюда подальше...А вот за то, что ты, женщина, посмела высунуть нос, еще получишь...

— В моей стране тоже любят судачить на эту тему, — после некоторого молчания заговорил мужчина и добавил, что в его стране также не нравится, когда черный мужчина женится на белой женщине, и советуют не делать этого, ибо, с их точки зрения, белые женщины — плохие жены. А они сами, видите ли, непременно хороши.

— Но ведь у вас за это не бьют? — спросила своего спутника женщина, потому что до сих пор помнила силу кулака, которым двинули ее когда-то в лифте общежития лишь за то, что рядом с ней стоял черный мужчина.

— Не бьют. У нас народ — мягче. Сами пострадали от этого же зла. Тем не менее, из моей страны белые жены почти все уехали. И детей увезли.

— А войны у вас не было? — спросил таксист, когда они ехали по Ленинскому проспекту. — Люди просто так не уезжают.

— Да, была, — ответил мужчина. — Тридцать лет.

Крутя руль, молодой азербайджанец рассказывал о своей жизни, о том, что в прежней стране, которая называлась Советским Союзом, было лучше.

— Был один паспорт, езжай, куда хочешь, везде ты у себя дома. Работы было много. Жилье у всех.

— Сколько лет вам было, когда распалась страна? — спросил пассажир.

— Два года. Но война между Азербайджаном и Арменией длит-

ся до сих пор. На следующий год той войне исполнится двадцать пять лет. И наши постреливают. И те постреливают. До сих пор. Как я могу вернуться? У меня в Москве уже двое детей. Какое у них там будущее? Так что ваши женщины не от мужей уехали, а от войны... Чтобы спасти детей.

Таки летело мимо добротных, как баобабы каштанов, бестолоковых плодовых ясеней, мимо уже краснеющих рябин.

— Кто он вам? — спросил молодой парень, не подозревая все, что задает традиционный вопрос, от которого ни черному мужчине, ни белой женщине нигде еще на земле не упрятаться, когда они рядом.

Помня ответ мужчины любопытному израильятину, женщина, чтоб не превышать меру, очерченному им их отношениям, да и собственных надежд, кои всегда у каждой в любом возрасте одинаковы (только чтоб быть вместе), она скромно (и в то же время провокационно, как же он отреагирует?), произнесла:

— Друг. Фрэнд...

Мужчина в ответ усмехнулся, видимо, не поняв, что при вечно неземной нерешенности их отношений, женщина другого сказать не могла. Ему хотелось услышать иное? Или чтоб женщина распласталась у его ног и просила, мой дорогой, останься, куда ты едешь, тебя же там ничего не ждет? Но женщина хотела, чтоб мужчиной в их отношениях был он. И только он.

А мужчина? Прежний брак высосал из него все. Ведь есть же такие женщины, которые и после своей смерти не оставляют мужчине никакого пространства, обобрав прежде до нитки всю его жизнь. В мыслях, в надеждах... В умении все распределить по-своему. Чтоб тот, около которого когда-то притулилась ее жизнь, был до конца своих дней ее пленником, жалким и потерянным в многолюдном гнезде, приютившимся только около своих детей, не оставив ему никаких маневров для будущей жизни. Уже без нее. И вот ему теперь некуда пригласить любимую женщину. Ведь не скажешь внуку, давай, Мухаммед, подвинься, иди в другую комнату. Теперь тут я буду жить. И не один.

— Когда родилась твоя последняя дочь?

— После того, как мы с тобой встречались последний раз.

— Жена боялась, что ты уедешь ко мне в Москву и с сахарным диабетом рожала?

Вот тогда и поняла Анна, что тот сон, который ей перед этой встречей приснился, в нем пришло к ней видение в белых одеждах и просило: «не отнимай у меня мужа, я ведь очень больна», в том сне привиделась ей тогда не жена этого мужчины, а... ее собственная совесть, предупредившая: пока там не кончится все до последней точки, не имеешь ты права что-то ждать, даже если этого очень хочет твой любимый мужчина. И как же была она тогда

права, что бросила в тот момент на землю его подарок: алые розы.

Выйдя из такси, она ему сказала:

— Ты сильный и крепкий. Тебе дома надо жениться. Зачем ты живешь недожитой жизнью?

Он опустил глаза, стал каким-то безжизненным, будто где-то давно на асфальт выпустили его силы.

— Хади — мужчины — в Нубии нет, — отчеканил вдруг он. — Он остался только в науке.

— Но почему? — возмутилась она.

— Я не хочу больше арабскую женщину... — произнес он.

Конечно, это высказывание не относилось ко всем арабским женщинам. Сколько их, веселых, живых, любознательных, видела Анна в университете! Это была оценка зрелым мужчиной собственного брака, хоть и многодетного, но душою, видимо, бесплодного и бесцветного. Брака, заключенного с родственницей, по впечатлениям детства, но не в итоге отношений между женщиной и женщиной, которые случаются в более зрелом возрасте, когда чувства глубже и ярче, когда уже иначе воспринимаешь жизнь. Выходит, что и мужчину настигает несчастье, когда он так легко, будто птица, улетает от любимой на другой край Вселенной? Выходит, что и он там теряется, и ему там, вдали, без нее плохо?

Но и Анна за это время познала кое-какие горькие истины: когда один период жизни за другим долгое время на нервах, на сломе, на утратах, какая-нибудь ламехуза, может и не смертельная в данный момент, однако не дремлющая и всегда, как враждебный боец, начеку, ... да привяжется.

Когда она узнала о своем суровом диагнозе, конечно, хотелось уткнуться в подушку и никогда бы лица своего не поднимать, но в соседнюю палату поступила двенадцатилетняя девочка с таким испугом в глазах, что собственная боль улетучилась и все время хотелось около этого ребенка сидеть, рассказывать веселые байки, приносить стакан чаю. Когда девчужке еще жить бы да жить, а какая-то злая воля норовит прервать ее невинное дыхание, что рядом с этой трагедией несчастье уже кое-что видевшего в жизни человека?

Вот и выходит, что нынче, чтобы полететь Анне к двум Нилам, надо поменять в Нубии климат или придвинуть Африку ближе к России, чтобы ее холодные ветры хоть немного остудили не в меру горячие просторы страны, в которой восемь месяцев жара, остальные — жуткая жарница. И никогда больше ей, как выделось когда-то в мечтах, не прогуляться в голубом платье около Голубого Нила, а в белом платье — вдоль Белого.

И вот как, над каким континентом, к какой земле спланировать, к какой ветке опуститься бы той птице, которая много лет летает в небе и почему-то каждый раз даже после долгой разлуки зовет

и зовет этого черного мужчину и эту белую женщину друг к другу? Несмотря на неприязнь между расами, между уважаемым миром и не достигшим высшей планки благосостояния южных племен. Как решить это уравнение Шредингера? Может, физики и знают, но Хади и Анне эта загадка не дала целую жизнь. А может они и нашли какой-то выход?

— Не переживай, мы с тобой уже не расстанемся, — произнес мужчина и добавил. — Мы теперь будем все время поддерживать друг друга. Я прилечу на следующий год. Не возражаешь?

— Виртуальная жизнь?

— Но реальные встречи»...

«Как день и ночь. Встретились и расстались. Опять встретились... Как неизбежность этого странного мира. Но теперь с его огромными скоростями. Как день и ночь... Встречаются на заре и после заката... — хотелось в этот момент записать в свой дневник Анне, размышляя о том, что им выпало жить вечно на семи баобабах. Однако, не на земле.

«И нет еще в мире планеты, на которой мне было бы хорошо на юге, а ему на севере. Вот уж это уравнение Шредингера, — гневно хотелось ей стукнуть по столу. — Ну, все же это уравнение, — замирила она себя с нынешней минутой и объяснила хотя бы только себе реальное, с которым прежде никогда не хотела мириться. — Время предлагает-таки уравнение. Возможностей. Исходя из фактического. Иных ходов жизнь уже не оставила», — подумала женщина и тут же обругала себя: — С каких это пор ты в бухгалтера превратилась? Все подсчитываешь.. Главное... несмотря на годы, он... и ты... И вечное ваше желание... тянуться друг к другу»...

Конечно, в жаркой стране Анне уже не прогуляться вдоль реки, но вот в Космос, как тоже мечталось в юности, все-таки улететь она может. В мыслях... И с высоты залунного пространства, из далекой галереи Звезд, когда впереди и позади — бесконечность, она увидела истины, которые, возможно, и не открываются на земле, но вот в какие-то минуты жизни они являются почти как откровение: просто так, с бухты-барахты никакого смешения рас и наций быть не может.

Абсолютно всех людей Земли, белых и черных, узкоглазых ханцев и лунноликих казахов, утонченных индианок и бледнолицых северных людей могут объединить только большие общие проекты по созданию благ для каждого человека Земли: строительство плотин, гигантских водохранилищ, ухоженных, как благородные женщины, полей, машин, для которых не нужно той энергетики, из-за которой непрерывно нынче идут везде чудовищные войны. То есть, по всей земле вновь идет перераспределение границ, чтобы и в новых вначале все подгрести под себя, а потом, будто рабам новой формации, каплями, дозировано отдавать, остальное

— себе, чем и занималась уже многие века западная цивилизация. Нет, не отнимать... И вообще никогда ничего не отнимать...

Не этот путь виделся Анне, по которому много веков, к сожалению, двигались многие народы и племена, живущие на этой планете много западнее и много южнее Днестра.

В песне советского писателя Алексея Толстого так и пелось: «коль любить, так без рассудку... коли спорить, так уж смело, Коль простить, так всей душой, Коли пир, так пир горой»...

Вот это «коль...» и есть главная программа человечества. Без хитростей друг другу и отдавать.

Без классово и расово кичливости друг другу и помогать, как к этому вели людей и нации в Советском Союзе, отчего у каждого человека была в жизни своя задача. Свой олимп, свой полет, своя трасса... Но все ли это поняли? А когда эта общая работа кончилась, прервалась, так и полезли друг на друга народы, как внезапно остановившиеся поезда, как вагоны длинного состава, под которыми исчезли рельсы. И куда теперь идти, когда нет большой мечты, нет общей работы и нет одной для всех дороги?

Вроде люди через двадцать лет как-то пригрелись в своих больших и малых сундуках, у кого как получилось, и границами огородились, и заносчивостью, хамством житейским обзавелись... Однако всех тянет в советское прошлое, как бы ни мазали его все поганцы мира. Будто к великому учебнику жизни — некорысти, великодушия, — как к учебнику с его главными провидческими принципами, к которым, словно к огромному, но мало понятому еще кластеру познаний, многим народам, конечно, еще захочется прийти. Чтобы опять были большие общие проекты, уводящие всех от злобы и вражды, чтобы добро это перелилось и на другие континенты, на которых также нуждаются в дружбе и любви.

Но что в столь сложный век, когда многие формации уже в истории народов испробованы, какой грандиозный проект может захватить души всех людей Земли?

Тема бессмертия? Отпадает. Планета не выдержит. Проект долгой и без болезни жизни — это другой вопрос.

Религия? Повернувшись к религии, мир уходит от реальности и уж, конечно, от знаний. Расселение по Млечному пути? Где взять такие скорости? Вначале создать бы Луч, на кончике которого в подвешенной к нему корзине, совсем как у дирижабля, можно было бы за минуту оказаться в любой точке Земли, чтоб встретиться с близким человеком под пальмой, вовремя помочь старой матери, погладить по голове плачущего ребенка, вызволить из беды утопающего в реке.

И в первую очередь, конечно, по-прежнему придется биться над воплощением в жизнь идеи равенства. Потому что лишь в ощущении рядом теплого дружеского плеча можно сделать много непо-

стижимых открытий, не доступных ни малому племени, ни малой стране, и даже, возможно, жителям одного континента.

А без равенства люди просто — болтуны, жестоки и глупы. О чем пятьсот лет назад писал еще русский путешественник Афанасий Никитин: «А пошлин много и на море разбойником много... А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не женятся».

«Неравенство имуществ разлагает», — сказал двести лет назад какой-то французский философ.

Нынешний день, уже без социализма. Румыния: Чаушеску — растерзан. «После гибели четы «началось самое интересное — предельно жесткая тотальная чистка „гэбэшников“. По всей стране чекистов вылавливали пачками по списку и сразу же ликвидировали. Как рассказывал мне мой товарищ, сотрудник нашего посольства, оказавшийся в разгар событий в небольшом провинциальном городке Клуже, там в течение суток было уничтожено около 140 сотрудников и агентов «Секуритате». Их арестовывали, на грузовиках привозили к воинской части, ставили к забору, расстреливали из автоматов, затем трупы грузили в машины, куда-то увозили, а взамен привозили новую партию приговоренных. Аналогично было и в других городах Румынии. В Бухаресте, где отдельные группы чекистов, спасая свою жизнь, пытались сопротивляться, еще несколько дней шла стрельба» (из книги А. П. Шевякина «КГБ против СССР. 17 Мгновений измены».

Сербия: Милошевич — умер без лекарств в застенках Европы. Косовары, которым помог одержать победу Запад, по всему миру торговали органами убитых сербов.

Ирак: Саддам Хусейн — растерзан. Его сторонники либо убиты, либо разбежались по всему миру. Сто тысяч иракцев погибли.

Ливия: Муамар Каддафи — растерзан, 50 тысяч его сторонников убиты. Племена по сей день воюют друг с другом, крадут в селениях даже электрические провода и насосы для подъема воды, уничтожают дома, убивают молодежь.

Сирия: уже выстроилась очередь из вооруженных до зубов сторонников западной цивилизацией, чтобы растерзать Асада. И целую страну.

Вышедший из берегов государства ислам, как страшный и беспощадный бумеранг, изнасиловал и линчевал в Ливии уже и американского посла. Через 321 день после того, когда Америка ликования по поводу смерти лидера Джамахерии, а Крис Стивенс опустился в небольшой комнате около тела покойного Каддафи, подняв большой палец в знак победы над Ливией, мол, эта страна имеет права на демократию, конечно, в американском понимании, после разгрома дипмиссии в Бенгази Стивенса тоже линчевали, потом волокли его тело по улицам и выставили на обозрение, как

это случилось и с мертвым Каддафи.

Кто это сделал? Подумайте сами... Сотрудники дипмиссии находились в законспирированном месте, а после начала волнений, как сообщается на сайте <http://digitalmetro.us/>, убийцы сразу же прибыли к этому тщательно скрываемому месту. Конечно, посла убили те, кому Стивенс помогал интригами, оружием, ложью против Джамахерии.

В мире, где захват, как морской прибой, вечен и необходим, где без алчности не прожить, будто наркоману без листьев коки, где чужая беда волнует, как стон миллион лет назад умершего бронтозавра, в таком мире зло устремлено в бесконечность, как отправленная в небеса тетива.

В общем, в человеческой цивилизации мало что изменилось со времен древней Нубии, когда найденные около деревни Вади-Хальфа пятьдесят восемь скелетов, покрытых тяжелым слоем песка и камней, были с повреждениями на костях от стрел. И в те времена уже убивали чьих-то сторонников...

Еще одна информация из сегодняшнего дня: «Назначенная на пост гендиректора МИ-5 Стелла Ремингтон посетила с секретным визитом Москву, где имела встречи со С.В. Степашиним и Е.М. Примаковым. Причем последний прокомментировал переговоры словами: «Мы отошли от модели конфронтации, существовавшей в период «холодной войны». (Из книги Александра Петровича Шевякина «КГБ против СССР. 17 Мгновений измены»).

Это верно, примаковы и иже с ними — горбачевы, ельцины — давно отошли от конфронтации с врагом. Они много лет назад тайком, а потом и явно предали свой народ и левое движение по всему миру, выбрав вместо собственной страны — толерантность... ко всем хищникам мира. Вежливость по отношению к врагу, уступчивость, мягкость, галантность... Но жестокость или, по меньшей мере, безразличие к судьбе родины и собственного народа. Только кто и когда их будет за это судить?

Российским предприятиям олигархи-нувориши гонят газ по четыреста пятьдесят долларов за тысячу кубометров, а на Запад — по двести долларов за тот же объем... Российские самолеты заправляются в западных аэропортах, потому что там российский же керосин гораздо дешевле. Завышенные в несколько раз тарифы на проезд в метро, автобусах, самолетах... Неподъемная для миллионов людей квартплата... Толерантностью такое отношение к собственному народу отнюдь не пахнет. И ее, подобную толерантность, конечно, придется судить...

Огромную страну со сложнейшим космическим комплексом, с современным вооружением, с тысячами заводов и фабрик, строительной индустрией, обеспечившей крышей над головой миллио-

ны людей, советскую страну превратили в дешевенькую колонию и со всей изысканнейшей дипломатической галантностью сдали врагу без единого выстрела, будто пустой и никому не нужный сундук, как потрепанный чемодан без ручки. Это похоже на то, как во время войны Сталин и Гитлер сели бы за один стол, и Иосиф Виссарионович толерантно сказал бы недругу: — Будь, любезен, забери у меня страну, надоела она мне до чертиков. Это хорошо, что ты к нам пришел.

А гражданам своим по радио объяснил бы: — Что поделатъ, фашисты уже почти все захватили. Разбегайтесь, спасайтесь, кто как может...

Да протянул бы ладонь Адольфу со всеми советскими народами на ней. Хватай, не хочуй!

Но Сталин этого не сделал, даже когда немецкие танки уже под Москвой утюжили Химки. Система жестоко наказывала за поражение человеческие настроения, потому и смогла дать недругу по морде, чтоб тот навсегда опрокинулся.

А эти, нынешние, толерантные... нас просто отдали. Спокойно и даже с благородным поклоном отдали под внешнее управление... Спасибо, мол, что освободили от тяжелой ноши, что нелегкие наши обязанности взвалили на себя. По принципу Вейнцмана: эта экономическая и человеческая пыль должна исчезнуть...

Когда-то это была пыль европейских евреев, нынче вынудили исчезнуть «в трагической пропасти» советский экономический и человеческий потенциал.

Смоковница, которая не приносит доходов Западу, должна, видите ли, сгореть в огне. Где втихую, где явно... По всему миру. И жгут теперь, будто поленья в печи, будто в газовой камере когда-то, десятки стран и народов. Всеми возможными способами. Кому-то опять хочется иметь по две тысячи восьмьсот рабов на одного мерзавца. И те древние предсказания как-то подозрительно напоминают день нынешний: «В это время будет великая война, во время которой погибнет две трети народов».

Но ради чего должны погибнуть две трети народов? Ответ несложный: опять во имя чьей-то мещанской, сверхколониальной, Сундучной победы.

Таконо и есть. Так и будет. Пока десятки народов, объединившись так, не наработают свой Антидот. Как когда-то он после очередной грандиозной мировой бойни был наработан в формате социализма. Не пора ли к этому антиоксиданту, уже когда-то оздоровившему человечество, вновь вернуться? История, кажется, повернулась уже и этой стороной.

А пока даже на государственном уровне у нас теперь выполняются программы чужие: не дружбы народов, а вражды, не строительство по всему миру плотин и электростанций, а разоре-

ние даже собственных.

И, чтоб оправдать свою пакостность, к таким же пораженческим настроениям, к такой же неприязни и ненависти наши, исторически политические пустоцветы, все время призывают и каждого человека в стране.

Даже в древней крошечной Нубии за независимость воевали, а найдутся ли большие герои нынче в России? Ждет ли и нашу Историю свой Александр Матросов?

В итоге у наших народов опять — страдания и битвы. Зверь бывает ли толерантен по отношению к своей жертве, с его точки зрения — примитивной и маргинальной? Стоит ли с нею считаться?

Как видим, без социализма мир был и всегда будет звериным.

А гранатовый куст под окном, как символ радости и красоты... Его бы сажать повсюду...

Общий труд, алые кисти по весне, плоды осенью для детей — подвигнут ли кого-нибудь на распри? По всей земле людей всех рас и наций увлечь бы проектом, задуманным не для процветания одной личности, не мистическим, воплощение коего только на небесах, а реально позволившим бы каждому пришедшему в мир человеку прожить все дни свои с честью, большим смыслом и достоинством. И не в облаках, а на земле. Кто после этого будет ненавидеть друг друга?

Но разработчик таких проектов — бескорыстных проектов для всех — убит. Потому, как и прежде, по земле всюду войны, большие и малые, как в непогоду — огни святого Эльма, как его неожиданно яркие шары, как мгновенно то там, то здесь вспыхнувшее пламя...

А огни эти, как известно, фальшивые.

